

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ КАЧЕСТВЕННЫХ АДЪЕКТИВОВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ОПИСАНИЯ ТЕКСТА

ОБРАЗНАЯ СФЕРА КАРТИНЫ МИРА АВТОРА
В ЛИРИКЕ Е. РЕЙНА

ПРИЁМЫ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ
«НЕЗАМЕЧЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»

2015 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522

2015 / № 5

ISSN (online) 2310-7278

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8522

2015 / № 5

ISSN (online) 2310-7278

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 6 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к.филол.н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к.филол.н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюцев Е.И. — д.ф.м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д.пед.н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522

ISSN (online) 2310-7278

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2015. № 5. М.: ИИУ МГОУ. 128 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2015.

© Издательство МГОУ, 2015.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** —

д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф.,

МГОУ; **Киселёва И.А.** — д.филол.н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** —

д.филол.н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф.,

МГОУ; **Воропаев В.А.** — д.филол.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоно-

сова; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государ-

ственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** —

д.филол.н., проф., Белгородский государственный националь-

ный исследовательский университет; **Петров А.В.** — д.филол.н.,

доц., Северный (Арктический) федеральный университет

имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** —

д.филол.н., проф., Нижегородский государственный универси-

тет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф.,

Волгоградский государственный социально-педагогический

университет; **Аврамова В.Н.** — доктор филологии, проф., Шу-

менский университет имени Епископа Константина Преславско-

го (Болгария); **Вегвари В.** — к.п.н., доц., Печский университет

(Венгрия); **Гусман-Тирадо Р.** — д.филол.н., проф. Гранадский

университет (Испания); **Догнал Й.** — к.филол.н., д.философии,

доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская

Республика); **Колларова Е.** — д.философии, проф., Католиче-

ский университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** —

д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет

(Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** — д.филол.н.,

проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** —

д.филол.н., Хельсинкский университет (Финляндия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MSRU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU; **L.F. Kopusov** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Slavonic Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovski** – Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shenshina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Chef of information and editorial management of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjimtsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522

ISSN (online) 2310-7278

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Russian Philology». 2015. № 5. M.: MSRU Publishing house. 128 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Абдуллаев Р.Ф.</i> РОЛЬ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ).....	8
<i>Веремеенко С.С.</i> ЛИНГВОКОНЦЕПТ «ОБРЫВ» В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И.А. ГОНЧАРОВА.....	13
<i>Головачева О.А., Стародубец С.Н.</i> СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРЯДОВ РОЖДЕНИЯ И КРЕСТИН: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ Н.С. ЛЕСКОВА И ФОЛЬКЛОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	19
<i>Иванова Д.С.</i> О СОХРАННОСТИ ПРАСЛАВЯНСКИХ СУФФИКСОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	29
<i>Крылова Н. Ф.</i> РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КАЧЕСТВЕННЫХ АДЪЕКТИВОВ.....	38
<i>Михайлова М.Ю.</i> ПРИЁМ ПРОЗОПОГРАФИИ	45
<i>Моисеенко А.В.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ТЕКСТА	52
<i>Мочалова Т.И., Маслова А.Ю., Денисова Л.Н.</i> ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ХРИСТИАНСКИХ И ЯЗЫЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКИХ ГОВОРОВ МОРДОВИИ	59
<i>Родина Н.А.</i> ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ И МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЗВИЩ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗВИЩ Г. СМОЛЕНСКА).....	68
<i>Шилова Е.В.</i> ОЦЕНОЧНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ <i>СТРАННЫЙ</i> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.....	74

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Греджева Е.В.</i> В.П.ТИТОВ – ЛИТЕРАТОР, ДИПЛОМАТ, ИСТОРИК.....	83
<i>Левецкая Н. Е.</i> ОБРАЗНАЯ СФЕРА КАРТИНЫ МИРА АВТОРА В ЛИРИКЕ Е. РЕЙНА	90
<i>Летаева Н. В.</i> ПРИЁМЫ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ «НЕЗАМЕЧЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»	99
<i>Марущенко Э.В.</i> СТАТЬЯ О ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ Е.Н. ЧИРИКОВА В АМЕРИКАНСКОМ СПРАВОЧНОМ ИЗДАНИИ	107

Сытина Ю.Н. ПОВЕСТЬ В.Ф. ОДОЕВСКОГО «НОВЫЙ ГОД» И ОБРАЗ
«ВЧЕРАШНЕГО» РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ НА СТРАНИЦАХ
«ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К “РУССКОМУ ИНВАЛИДУ”» 113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГАЗЕТА «РУСЬ» 1884-1886 ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ.
КРУГЛЫЙ СТОЛ В РАМКАХ ПРОЕКТА РГНФ «ГАЗЕТА «РУСЬ»
(1880–1886): ИССЛЕДОВАНИЕ И КОММЕНТАРИИ 120

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЗОЛТАН А. INTERSLAVICA. ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО МЕЖСЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКОВЫМ И КУЛЬТУРНЫМ КОНТАКТАМ. М.:
«ИНДРИК», 2014. 224 С. (СЕРИЯ «SLAVIA CHRISTIANA: ЯЗЫК,
ТЕКСТ, ОБРАЗ»)..... 122

Наши авторы 125

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

R. Abdullaev. THE ROLE OF MOOD IN MODAL MEANINGS FORMATION (GENDER ASPECT)	8
S. VEREMEENKO. LINGUONCEPT «PRECIPICE» IN THE SPACE OF LITERARY TEXT OF I. GONCHAROV (THE PRECIPICE).....	13
O. Golovacheva, S. Starodubets. THE SYMBOLIC MEANING OF THE RITES OF BIRTH AND CHRISTENING: MATERIALS OF N. LESKOV'S JOURNALISM AND FOLKLORE STUDIES	19
D. Ivanova. ON THE PRESERVATION OF PROTO-SLAVIC SUFFIXES OF NOUNS IN MODERN RUSSIAN	29
N. Krylova. THE DEVELOPMENT OF WORD-FORMATIVE STRUCTURE OF QUALITATIVE ADJECTIVES	38
M. Mikhailova. PROZOPOGRAPHY METHOD	45
A. Moiseenko. ECOLOGICAL PRINCIPLES OF TEXT DESCRIPTION	52
T. Mochalova, A. Maslova, L. Denisova. THE REFLECTION OF RELIGIOUS CHRISTIAN AND PAGAN PERCEPTIONS IN PHRASEOLOGY OF RUSSIAN DIALECTS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA.....	59
N. Rodina. THE IMPACT OF MASS CULTURE ON THE FORMATION OF TODAY'S CHILDREN AND YOUTH NICKNAMES (ON EXAMPLE OF NICKNAMES OF SMOLENSK).....	68
E. Shilova. THE EVALUATIVE ADJECTIVE СТРАННЫЙ IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE	74

SECTION II. LITERARY STUDIES

E. Gredzheva. V. TITOV – A WRITER, A DIPLOMAT, A HISTORIAN	83
N. Levitskaya. FIGURATIVE SPHERE OF PICTURE OF THE WORLD IN E. RHINE'S LYRICS	90
N. Letaeva. METANARRATIVE TECHNIQUES IN PROSE OF THE YOUNGER GENERATION OF RUSSIAN WRITERS OF THE FIRST WAVE OF EMIGRATION	99
E. Marushchenko. ARTICLE ABOUT THE WRITER E. CHIRIKOV IN THE AMERICAN REFERENCE BOOK	107

Y. Sytina. V. ODOEVSKY'S STORY "NEW YEAR" AND THE IMAGE OF "YESTERDAY" ROMANTIC HERO ON THE PAGES OF "LITERARY ADDITIONS TO THE "RUSSIAN INVALID" 113

SCIENTIFIC LIFE

THE NEWSPAPER "RUS" 1884-1886S: PROBLEMS AND SOLUTIONS. ROUND TABLE OF RHF PROJECT "NEWSPAPER "RUS" (1880-1886): RESEARCH AND COMMENTS..... 120

REVIEW

BOOK REVIEW: ZOLTAN A. INTERSLAVICA. RESEARCH ON INTERSLAVIC LINGUISTIC AND CULTURAL CONTACTS. - M .: "INDRIK", 2014. - 224 P. (SERIES «SLAVIACHRISTIANA: LANGUAGE, TEXT, IMAGE')..... 122

Our authors..... 125

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811-111.

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-8-12

Абдуллаев Р.Ф.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

РОЛЬ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Активно проводившиеся исследования гендерной лингвистики за последние десятилетия, казалось бы, учли все языковые явления и тонкости, но изучение категории модальности ограничивалось лишь рассмотрением модальных глаголов. Цель данной работы – рассмотрение гендерной специфики реализации модальных значений, которые формируются с помощью категории наклонений. Применяемый нами функционально-семантический анализ позволил более конкретно рассмотреть разнообразие модальных средств. В данной работе рассмотрено наклонение как категория, формирующая модальные значения. Результаты исследования подтвердили существование гендерных различий как в частоте употребления модальных экспликаторов, так и в коммуникативных целях их использования.

Ключевые слова: модальность, категория наклонения, гендерная лингвистика, коммуникативная ситуация, коммуникативные стратегии.

R. Abdullaev

Immanuel Kant Baltic Federal University

THE ROLE OF MOOD IN MODAL MEANINGS FORMATION (GENDER ASPECT)

Abstract. Present-day stage of science can be characterized by appearance of new multidisciplinary ways. The process of integration, caused by anthropological paradigm has an influence on all fields of human knowledge, including linguistics. As a result new branches of science appeared: sociolinguistics, psycholinguistic, gender linguistics etc. Numerous researches carried out in gender linguistics in last decades, seem to be considered all linguistic phenomena and aspects, but consideration of category of modality came to nothing more than modal verbs.

© Абдуллаев Р.Ф., 2015.

Despite of that, the study of communicative and universal category of modality can help to clarify social laws of gender constructed communicative behaviour. The goal of our study is to establish gender specificity of mood in forming modal meanings in media discourse. The functional-semantic analysis we approach allows us to research the diversity of modal meanings in more detail and to consider all levels of language. The results of study show gender difference in frequency of usage of mood and communicative goals of their usage.

Keywords: modality, mood, gender linguistics, communicative situations, communicative behaviour, communicative strategies.

Языковая модальность, не теряющая исследовательского интереса на протяжении многих десятилетий, является одной из ключевых семантических категорий, которая отражает отношение говорящего к действительности и формирует коммуникативный потенциал высказывания.

Как справедливо отмечает С.С. Ваулина, смена ориентиров в лингвистике, а именно антропоцентрическая парадигма, заставила многих исследователей пересмотреть сложившиеся взгляды [4, с. 7], в том числе и на модальность, как «инструмент социального взаимодействия» [7, с. 10].

В этой связи появилась необходимость пересмотра такого социокультурного феномена, как гендер. Ранее в гендерных исследованиях рассматривались различные языковые средства, но изучение модальности ограничивалось лишь рассмотрением модальных глаголов. Хотя модальность является стратегическим средством в коммуникативном поведении и имеет социальную гендерную обусловленность [1, с. 56].

Одной из важных грамматических категорий языка, выражающих модальное значение, является категория наклонения, которая также имеет гендерную специфику. Рассмотрим все три формы наклонения (сослагательное, изъявительное и повелительное) на материале российских газет: «КП- Комсо-

вольская правда»; «Известия»; «Советский спорт»; «Труд-7»; «РБК Daily».

Сослагательное наклонение, выражающее значение предположения, образуется, как известно, от формы глагола прошедшего времени с частицей *бы* (*б*): *ушёл бы* (*он ушёл бы, если бы его отпустили*).

Женщины чаще употребляют безличный глагол *надо бы* и краткое прилагательное *должны бы*: *Ну, я и решила, что надо бы отложить немного* (КП, 2011.01.18); *В мастерской, где должны бы работать мужчины, почему-то сидят только женщины* (Труд-7, 2006.08.16). Таким образом, модальное значение долженствования в данных коммуникативных ситуациях используется, для выражения предположения. Роль экспликаторов модально-оценочных значений могут выполнять также глагольные формы изъявительного наклонения: *понять, знать, добиться, помочь, придумать*. Данные экспликативы, содержащиеся в семантической структуре модальный компонент “быть в состоянии”, “иметь способность”, реализуются говорящими индивидуально в зависимости от коммуникативной ситуации. Рассмотрим сочетание изъявительной формы глагола *знать* с наречием *как*: *Как знать, может Кайгородов припас для скандинавов ещё один голевой шедевр* (КП- 2011.05.13); *Как знать, а вдруг*

именно мы распознаем в ком-то будущую звезду мирового уровня?!

Согласно результатам количественного анализа, из 208 единиц в исследуемом материале 54 % приходится на мужчин и 46% соответственно на женщин. Но необходимо заметить, что коммуникативные цели употребления данной единицы и способы её реализации всё же имеют разницу. Женщины часто используют её в сочетании модального глагола *может*, частицы *бы* и союза *если*, что придаёт высказыванию значение неуверенности и снижает категоричность, а мужчины употребляют эту единицу для выражения уверенности

в возможности свершения какого-то события, что подтверждается, частым употреблением в сочетании с модальным глаголом *мочь* и его производными. Ср.: *Но, как знать, разъярённые болельщики могут пойти на всё, чтобы пустить «Кассандру из аквариума» на сашиши* (РБК Daily, 2010.07.09). Мужчины чаще используют производные глагола *добиваться*. По мнению многих исследователей, мужчины чаще употребляют модальные глаголы со значением желательности и возможности как показатель их успеха, достижения поставленных целей и реализации желаний [11; 6; 9].

Таблица 1

Частота реализации единиц сослагательного и изъявительного наклонения в речи мужчин и женщин.

Единицы	Должны бы	Хоть бы	Понять	Как знать	Не добьетесь
Мужчины	39%	32%	81%	46%	67%
Женщины	61%	68%	19%	64%	33%
Всего	108	487	491	203	115

Побудительное наклонение является одним из ярких и высокочастотных средств выражения субъективно-модальной оценки. В речи мужчин побудительные конструкции эксплицируют модальное значение волеизъявления не только глаголами в форме повелительного наклонения, но и конструкциями с независимым инфинитивом, обладающими большей экспрессивной выразительностью. Ср.: *Не смей называть свой народ толпой!* (КП, 2006.08.22); *Предъявить документы, всем разойтись, не смей в шашки играть* (КП, 2001.08.11).

Проведённый нами анализ специфики использования побудительных предложений подтверждает наблюдение

лингвистов о том, что мужчины чаще женщин употребляют императив [10; 3; 8; 5]. Мужчины чаще употребляют глаголы в повелительном наклонении. Например, в коммуникативной ситуации, где муж изъясняется с женой исключительно побудительными конструкциями, отчего выглядит необоснованно требовательным, капризными, неудовлетворёнными жизнью эгоистом: *С женой ведёт себя как большое дитя: дай поесть, убери всё, дай это, подай то...* (КП, 2010.12.18). Женщины чаще употребляют данный императив в отношении детей, что является проявлением внеязыкового фактора: *Убери игрушки – включу мульты, заправь постель –*

дам шоколадку (КП, 2011.02.22); *Уроки сделал? Убери в комнате* (Труд-7, 2008.12.25), а так же с человеком более низкого социального статуса: – *Убери от меня руки, – начинает визжать клиентка* (КП, 2011.03.25).

Мужчины нередко употребляют императив в ультимативной форме, сопровождая угрозой физической расправы: *Убери забор, а не то я тебя побую* (Известия, 2007.12.24); *Заткнись, дура, а то прибую на месте!* (КП, 2009.08.28) – как видно, данный императив реализуется в сочетании с грубой лексикой и угрозами для доминирования в диалоге.

Интересным, на наш взгляд, является сочетание императивов *подождите* и *давайте*, которые не имеют частотной разницы, но характер реализации весьма разнообразен. В женской речи данный императив преследует коммуникативную цель расположения к себе

собеседника, ненавязчиво побуждая его к действию: – *А давайте попробуем с простыней по лесу походить, – предлагаю я* (КП, 2011.05.13). Сочетание слов *вместе*, императива *давайте* и модальных глаголов со значением возможности и долженствования создают равноправный характер диалога, к которому больше стремятся женщины. Таким образом, каждый должен выполнять обязанности по мере своих возможностей: *Давайте вместе подумаем, кто и что может и должен сделать, чтобы наши дети не страдали по вине взрослых* (КП, 2011.05.04). В разговоре с представительницами своего пола женщины используют побудительные конструкции, давая советы и наставления в дружеской манере: *Женщины, милые, уважайте себя, не бойтесь на какое-то время остаться одни!* (КП, 2009.01.30).

Таблица 2

Частота наиболее употребляемых глаголов повелительного наклонения

Глаголы	Уважайте	Заткнись	Давайте	Подождите	Убери	Ступай	Убирайся	Прошу	Не трогай
Мужчины	73%	92%	47%	61%	68%	83%	87%	54%	72%
Женщины	27%	8%	53%	39%	32%	27%	23%	46%	28%
Всего:	79	70	687	476	106	32	54	389	67

Таким образом, мы приходим к выводу, что при анализе речевого поведения женщин и мужчин необходимо учитывать и внеязыковые факторы, которые могут объяснить закономерности гендерных особенностей коммуникативной стратегии. Функционально-семантический анализ позволил нам рассмотреть языковые явления, учитывая все уров-

ни языковой системы, и подтверждает, что изучение модальности, являющейся коммуникативной категорией, должно быть приоритетным в рамках гендерных исследований языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллаев Р.Ф. Особенности реализации модальных значений в коммуника-

- тивной стратегии (гендерный аспект) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 56–59.
2. Абдуллаев Р.Ф. Экспликативная модальность как средство выражения гендерной специфики персонажей // *Philologia nova: лингвистика и литературоведение: сборник статей молодых исследователей*. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 6–10
 3. Васильева И.Б. Гендерные сходства в языке: новый аспект гендерных исследований. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 11 (41) 2014, часть 1, с. 43–48
 4. Ваулина С.С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Калининград, 2013. Вып. 8. С. 7-12.
 5. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект* / под ред. Е.А. Земской и Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1993. С. 90-136.
 6. Кирилина А.В. *Гендер. Лингвистические аспекты*. Монография. М., 2000. 155 с.
 7. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 10-114.
 8. Cameron D. *Introduction: Why Is Language a Feminist Issue?* // *The Feminist Critique of Language*. 2nd edition. London: Routledge, 1999. P. 1-21
 9. Coates, J. *Language and Gender: A reader*. Oxford: Blackwell. 1998, 640 p.
 10. Holmes, J. *Gendered talk at work: constructing gender identity through workplace discourse* / Malden, Blackwell publishing, 2006, 264p.
 11. Vasilieva Inga. Gender-specific use of intensifiers in computer-related English texts. In: *Språk och kön i nutida och historiskt perspektiv*. Studies presented at the 6th Nordic Conference on Language and Gender. B.-L.Gunnarsson, S.Entzenberg, M.Ohlsson (eds.). Stockholm: ElandersGotab, 2007, p.p. 131-141.

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-13-18

Веремеенко С.С.*Московский государственный областной университет***ЛИНГВОКОНЦЕПТ «ОБРЫВ» В ПРОСТРАНСТВЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И.А. ГОНЧАРОВА**

Аннотация. В статье представлена семантическая характеристика лингвоконцепта «Обрыв» в одноимённом романе И.А. Гончарова. На материале романа выявляются семантико-когнитивные признаки в структуре слова-имени концепта «Обрыв», оцениваются его семантические отношения с другими языковыми единицами в тексте, семантический объём. Устанавливается, что одноимённый концепт в своей базовой лексической реализации представляет собой семантическую совокупность, в которой денотативный компонент 'Место' художественно переосмысливается и углубляется дополнительными семантическими компонентами.

Ключевые слова: архисема; лингвоконцепт; семантико-когнитивный признак; Гончаров И.А. «Обрыв», имя концепта, обрыв.

S. Veremeenko*Moscow State Regional University***LINGUONCEPT «PRECIPICE» IN THE SPACE OF LITERARY TEXT
OF I. GONCHAROV (THE PRECIPICE)**

Abstract. The article presents the semantic characteristic of linguoconcept «precipice» in the novel of the same name by I. Goncharov. On the basis of the novel, some semantic-cognitive peculiarities in the structure of the word-name of the concept «precipice» are examined, and the semantic relations of the concept with other language units in the text and their semantic volume are estimated. It is concluded that the studied concept in its basic lexical realization appears to be the semantic complex in which the denotative component of 'place' is literary reinterpreted and deepened with additional semantic components.

Keywords: archisemes, linguoconcept, semantic-cognitive peculiarity, I. Goncharov, «The Precipice», name of the concept, precipice.

Семантика слова в заглавии теснейшим образом связана с композицией художественного произведения [3, с. 302]. Заглавие в сжатом виде представляет информацию, которая есть в пространстве целого текста.

Наша статья посвящена лингвоконцепту «Обрыв» в одноимённом романе И.А. Гончарова. Данное слово-имя концепта употребляется в тексте много раз, используется читателем для интерпретации смысла всего произведения. Эти признаки указывают на то, что изучаемый лингвоконцепт можно рассма-

тривать с точки зрения ключевого знака и сильной текстовой позиции. Э.В. Бабарыкова говорит о *концептуальной доминанте* – ключевом слове, которое приобретает в тексте особые *концептуализированные значения* [1, с. 7]. Другое определение ключевого концепта даёт С.В. Манджиева – ментальное образование, <...>выражающее систему ценностей и специфику мировидения автора, выделяемое на основании тематики художественных произведений, развития сюжета в них, символического осмысления этих концептов автором и читателями [8, с. 6–7]. Следует отметить, что лингвоконцепт «Обрыв» доминирует в концептуальной авторской системе, формирует уникальные ассоциативные связи, участвует в создании ярких образов героев романов. Его можно отнести к « <...> ассоциативной доминанте лексической макроструктуры текста» [2, с. 60].

С точки зрения языкового сознания словом-именем концепта, т. е. лингвоконцептом, является существительное *обрыв*. Согласно «Русскому семантическому словарю» лексема *обрыв* – член двух тематических групп: ‘Нарушение целостности предмета’ и ‘Возвышенности, горы, склоны, наносы’ [12, URL]. В современном языковом употреблении слово как имя концепта «Обрыв» актуально в значениях: 1. ‘Действие по глаголам *оборвать* – *обрывать* и *оборваться* – *обрываться*: дёрнуть, сильно натянуть, нарушить целостность чего-либо; разорвать’; // ‘разделиться на части от натяжения, рывка и т. п.’; // ‘оторваться, отделиться от чего-либо’;

2. ‘Спец. Место, где оборвано’; 3. ‘Крутой откос, склон берега, оврага и т. п., возникший вследствие обвала,

осыпания земли’ [15, URL]. Сравним: 1. ‘Оторвать резким движением’; 2. ‘Место, где круто обрывается поверхность; крутой откос, образовавшийся вследствие обвала, осыпания земли’ [16, URL]. «Русский семантический словарь» даёт следующую характеристику лексемы *обрыв*: 1. ‘Место, где что-нибудь оборвано’ [13, URL]; 2. ‘Крутой, отвесный склон по берегу реки, по краю горы, оврага’ [14, URL]. Таким образом, лексикографические источники связывают семантику слова *обрыв* с потерей целостности какой-либо реалией.

В романе И.А. Гончарова «Обрыв» анализируемый лингвоконцепт предстаёт как совокупность определённых семантико-когнитивных признаков, наполняющих его семантический объём. Это связано с тем, что в тексте даётся характеристика духовного мира главных героев: Б.П. Райского, Веры, Т.М. Бережковой, Марка Волохова. В таком случае можно говорить о конвенционале или содержании понятия. По М.В. Никитину, это «структура отражённых в данном значении (имени) признаков» [10, с. 26–27]. В структуре значения лексемы *обрыв* денотативный компонент представлен архисемой ‘место’ и вмещает в себя разнообразные признаки обозначаемого явления, среди которых мы выделяем:

1. Локатив:

- ‘место как часть леса и сада’: *От суеверного страха ту часть сада, которая шла с обрыва по горе и отделялась плетнём от ельника и кустов шиповника, забросили* [4, с. 75]. Обрыв как граница двух территорий: светлой (сад) и тёмной (лес);

- ‘место как граница’: *Отец Райского велел даже в верхнем саду выко-*

путь ров, который и составлял границу сада, недалеко от того места, где начинался **обрыв** [4, с. 76]. Обрыв как точка, на которой заканчивается ровная поверхность и начинается пропасть;

- 'место, на которое можно вскарабкаться': Он пошёл тихонько домой, стал карабкаться на **обрыв**, и картина <...> легла перед глазами [4, с. 75]. Месторасположение обрыва: находится высоко, нужно приложить усилия, чтобы подняться на него;

- 'место, с которого можно прыгнуть': «Ну, как я напишу драму Веры, да не сумею обставить пропастью её падение, – думал он, – а русские девы примут ошибку за образец, <...> пойдут скакать с **обрывов!**.. [5, с. 421]. Обрыв как точка отсчёта для прыжка вниз;

- 'место для роста кустов и деревьев': Уже становилось темно, когда он <...> вдруг увидел её пробирающуюся сквозь чащу кустов и деревьев, росших по **обрыву** [5, с. 50];

- 'глухое место': Он прошёл окраины сада, полагая, что Веру нечего искать там, где обыкновенно бывают другие, а надо забираться в глушь, к **обрыву**, по скату берега, где она любила гулять [4, с. 352]. Обрыв как территория, которая заросла растениями;

- 'место, через которое можно перейти': А здесь ни леса, ни моря, ни гор – ничего нет: <...> был **обрыв** и нет его. Я бросаю мост чрез него и иду, ноги у меня не трясутся... [5, с. 404]. Обрыв как препятствие, которое можно пересечь;

- 'место, с которого открывается хороший вид на Волгу и окрестности': А между тем эта дичь леса манила его к себе, <...> к **обрыву**, с которого вид

был хорош на Волгу и оба её берега [4, с. 76]. Обрыв как площадка, с которой можно увидеть окрестности;

- 'место как пропасть': Она пошла к рою, постояла над **обрывом**, глядя в тёмную бездну леса, <...> потом завернулась в мантилью и села на свою скамью [5, с. 189]. Обрыв как бездна (не видно то, что находится внизу).

II. Точка отсчёта в жизни человека:

- 'место, связанное с печальными воспоминаниями': Об этом **обрыве** осталось печальное предание в Малиновке и во всём околотке [4, с. 75]. Обрыв как образ, вызывающий у человека грустные ассоциации;

- 'точка отсчёта воспоминаний': Она вынесла из **обрыва** – одну казнь, одно неизлечимое терзание на всю жизнь: как могла она ослепнуть, <...> увлечься, забиться!.. [5, с. 388];

- 'место, от которого мысленно перемещаешься': И сон исполнил эту обязанность, унося его далеко от Веры, от Малиновки, от **обрыва** и от вчерашней, разыгравшейся на его глазах драмы [5, с. 290]. Обрыв как плохое воспоминание, которое можно стереть из памяти;

- 'место, в котором нельзя оставаться': Говори, ради бога, не оставляй меня на этом **обрыве**: правду, одну правду – и я выкарабкаюсь, малейшая ложь – и я упаду! [5, с. 64]. Обрыв как небезопасное для человека место;

- 'точка отсчёта в нравственном выборе': Его гнал от **обрыва** ужас «падения» его сестры, его красавицы, подковошного цветка, а ревность, <...> неотразимая красота пробуждённой Веры влекли опять к **обрыву**, <...> на этот праздник, который, кажется, торжествовал весь мир, вся природа [5, с. 277–278];

• ‘место как путь вниз (в физическом и духовном плане)’: *Вера <...> угадала, что он во второй раз скатился с своего обрыва счастливых надежд. Её сердце, женский инстинкт, дружба – всё бросилось на помощь бедному Тушину, и она не дала рухнуть окончательно всем его надеждам, удержав одну <...> – это безграничное доверие и уважение [5, с. 378].* Обрыв как момент выбора человеком своего пути.

• ‘неодолимое препятствие’: *Была одна только непреодолимая гора: Вера любила другого, надеялась быть счастлива с этим другим – вот где настоящий обрыв! [5, с. 404].*

Архисема ‘место’ в денотате лексики обрыв наполняется авторской семантикой, которая в нашем анализе представлена 2 семантическими признаками, именно эти признаки в своей совокупности наполняют объём исследуемого лингвоконцепта.

Таблица 1

Индивидуально-авторские значения лингвоконцепта «Обрыв»

Архисема	Другие семы
Место	I. Локатив
	1. Место, в котором нельзя оставаться
	2. Глухое место
	3. Место как пропасть
	4. Место как путь вниз (в физическом плане)
	II. Точка отсчёта в жизни человека
	1. Место, которое проклинают
	2. Место, от которого мысленно перемещаешься
	3. Точка отсчёта: воспоминаний, в нравственном выборе
	4. Место как путь вниз (в нравственном плане)

Итак, нами проанализировано 148 контекстов в романе «Обрыв». Можно утверждать, что в произведении есть как лексикографически зафиксированные, так и новые семантические показатели. По нашим наблюдениям, в данном романе преобладают следующие семантико-когнитивные признаки: 1. ‘Локатив’ (39 % от общего числа контекстов); 2. ‘Точка отсчёта в жизни человека’ (11% от общего числа контекстов). Остальные семантико-когнитивные признаки (50% от общего числа контекстов), как правило, единичны и не встречаются в других контекстах. Некоторые параметры понятийной составляющей лингвоконцепта «Обрыв» совпадают с лексикографически зафиксированным значением ‘Место, где круто обрывается поверхность; крутой откос, образовавшийся вследствие обвала, осыпания земли’.

По нашим наблюдениям, в составе конкретной (компонент ‘Локатив’) и абстрактной зоны (компонент ‘Точка отсчёта в жизни человека’) встречаются близкие и противоположные по значению семантико-когнитивные признаки лингвоконцепта «Обрыв», в которых отражаются следующие ситуации: 1. Движение вверх/вниз (‘место, на которое можно вскарабкаться’/‘место, с которого можно прыгнуть’, ‘место как путь вниз’); 2. Наличие/отсутствие препятствия (‘место, через которое можно перейти’/‘неодолимое препятствие’); 3. Видимость/отсутствие видимости окрестностей (‘место, с которого открывается хороший вид на Волгу и окрестности’/‘место как пропасть’, ‘глухое место’); 4. Граница территорий (‘место как часть леса и сада’, ‘место как граница’); 5. Мыслительная деятельность человека (‘место, связан-

ное с печальными воспоминаниями, 'точка отсчёта воспоминаний', 'место, от которого мысленно перемещаешься'); 6. Нравственный выбор человека ('точка отсчёта в нравственном выборе', 'место как путь вниз'). Это свидетельствует о широком номинативном поле лингвоконцепта [6, с. 66] и подтверждает наше предположение о его ключевом статусе в романе. Семантико-когнитивные признаки лингвоконцепта «Обрыв» репрезентируется через такие типы отношений между лексемами, как:

1. Контекстуальная синонимия: *обрыв – печальное предание; обрыв – глушь; обрыв – падение; обрыв – пропасть тихо шумящих кустов и деревьев* (Об этом обрыве осталось печальное предание в Малиновке и во всём околотке).

2. Контекстуальная антонимия: *обрыв – мост; обрыв – воры, мертвецы; обрыв – счастливые надежды* («ера, глядя на него, угадала, что он во второй раз скатился с своего обрыва счастливых надежд»).

3. Ассоциативные отношения лексем: *обрыв – торжество любви – праздник* ('страсть'); *обрыв – казнь – неизлечимое терзание на всю жизнь* ('тяжёлое воспоминание'); *обрыв – сожаление – прощальное слово* ('конец отношений') (<...> *неотразимая красота пробуждённой Веры влекли опять к обрыву* <...> *на этот праздник, который, кажется, торжествовал весь мир, вся природа*).

4. Авторская метафора: *обрыв – туча; обрыв – тёмная бездна леса; обрыв – подкошенный цветок; обрыв – неодолимая гора* (Она подошла к рою, постояла над обрывом, глядя в тёмную бездну леса <...>).

В структуре концепта «Обрыв» есть понятийная, образная и ценностная составляющие. С точки зрения понятийной составляющей «Обрыв» – место как граница, точка отсчёта, от которой идёт путь вниз (в физическом и нравственном аспектах). Образная составляющая представлена в художественном пространстве романа яркими зрительными (*чаща кустов и деревьев, туча, стена, гора, полуразвалившаяся беседка*), слуховыми образами (*пропасть тихо шумящих кустов и деревьев*), оценочными характеристиками (*неизлечимое терзание, неодолимая гора, проклятый обрыв*), авторской метафорой (*подкошенный цветок, тёмная бездна леса*), контекстуальной синонимией (*глушь*) и антонимией (*мост*). Ценностная составляющая лингвоконцепта определяется ключевой заглавной позицией в тексте. Обрыв как локатив становится ярким художественным образом в романе, точкой отсчёта всех сюжетных линий. В сознании главных героев обрыв воспринимается границей между праведной и греховной жизнью, испытанием, которое нужно пройти. В концептосфере романа яркой чертой является восприятие обрыва как мистического места, которое становится воплощением греха, совершённого главной героиней Верой. Как видим, семантико-когнитивные характеристики, в основном, отрицательные.

Таким образом, в романе И.А. Гончарова «Обрыв» одноимённый концепт в своей базовой лексической реализации представляет собой семантическую совокупность, в которой денотативный компонент 'место' художественно переосмысливается и углубляется дополнительными семантическими компонентами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабарыкова Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. 23 с.
2. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001. 331 с.
3. Войлова К.А. Слово *метель* как средство объективации концепта в повести А.С. Пушкина «Метель» // Войлова, К.А. Избранные труды / редкол.: В.В. Леденёва (сост.; отв. ред.) и др. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 302–307.
4. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1952-1955. Т. 5. Обрыв: Роман в пяти частях. [Ч. I–II] / подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова. 1953. 368 с.
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1952-1955. Т. 6. Обрыв: Роман в пяти частях. [Ч. III–V] / подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова. 1954. 456 с.
6. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314, [6] с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
7. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось–89, 2005. 560 с.
8. Манджиева С.В. Ключевые концепты в рассказах О. Генри. Автореф. дис ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.06.2015).
10. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. Учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы описания: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. 176 с.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2672> (дата обращения: 14.05.2015).
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=6400> (дата обращения: 14.05.2015).
14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem2&wi=10294> (дата обращения: 14.05.2015).
15. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma256602.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 14.05.2015).
16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38329> (дата обращения: 14.05.2015).

УДК 81'42, 81'371

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-19-28

Головачева О.А., Стародубец С.Н.*Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского***СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРЯДОВ РОЖДЕНИЯ И КРЕСТИН:
ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ Н.С. ЛЕСКОВА
И ФОЛЬКЛОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

Аннотация. В работе рассматривается символическое значение обрядов рождения и крестин в русской лингвокультуре на материале публицистики Н.С. Лескова и фольклорных исследований части Полесья, входящей в состав современной Брянской области. Фиксация символического значения обряда рождения в публицистике Н.С. Лескова является лингвокультурным фактом именно потому, что в современных условиях данный обрядовый текст частью традиционной духовной народной культуры уже не является. Установлено, что символическое значение обрядов определено ключевыми символами ворота, баня, битье посуды, каша, а лексическое значение символа становится воплощением концептуального вектора обряда.

Ключевые слова: лингвокультура, публицистика, обряд, обрядовый текст, символ, символическое значение слова.

O. Golovacheva, S. Starodubets*I. Petrovsky Bryansk State University***THE SYMBOLIC MEANING OF THE RITES OF BIRTH AND CHRISTENING:
MATERIALS OF N. LESKOV'S JOURNALISM AND FOLKLORE STUDIES**

Abstract. This paper examines the symbolic meaning of the rites of birth and christening in the Russian linguistic culture on the material of N. Leskov's journalism and folklore studies of the woodland part of the modern Bryansk region. Fixation of the symbolic meaning of the rite of birth in journalism of N. Leskov is linguocultural fact especially because in modern conditions this ritual text is no longer a part of the traditional spiritual folk culture. It is established that the symbolic meaning of the rituals defined by the key symbols of gates, bath, breaking dishes, porridge, and lexical meaning of the symbol becomes the embodiment of the conceptual vector of the rite.

Keywords: culture, journalism, rite, ritual text, symbol, symbolic meaning of a word.

В жизни человека наряду с другими веское значение имели действия обрядового диапазона, связанные с этапными событиями (рождение, вступление в брак, уход в мир иной...). На всей территории России были широко распространены

© О.А. Головачева, С.Н. Стародубец, 2015.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-24-01006 «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья»

многочисленные поверья о беременных женщинах (считалось, что беременная способна поделиться своим плодородием с окружающим: полями, лугами, растениями и животными, поэтому появление такой женщины на поле в момент первого сева сулило большой урожай, а на лугу (в день выгона животных на летнее пастбище) – к увеличению количества молока у коров) и процессе деторождения, который нередко проходил нелегко для роженицы.

В то же время беременность, по мнению малообразованных простолюдинов, была состоянием загадочным и даже опасным прежде всего для самой женщины, что мотивировалось наличием двух жизней, а значит, и двух душ в одном теле.

Из поколения в поколение сохранялись и передавались приметы, приписывалась необходимость соблюдения определённых ритуалов, что фиксировали и литературные источники. Упоминание о ряде символических действий, связанных с рождением, находим и в статье Н.С. Лескова «Рассказ приходского священника», которая является откликом русского литератора на *небольшую книжечку ... «Анастасья. Рассказ приходского священника Александра Гумилевского»*.

Н.С. Лесков убедительно аргументирует своё обращение к названному источнику:

Беллетристическое произведение лица духовного ведомства — явление весьма редкое в нашей литературе, и потому мы не считаем себя вправе пройти молчанием рассказ г. Гумилевского [10; здесь и далее цитирование по указанному источнику].

Прежде всего, автор рассказа, священник Гумилевский, указывает на

ряд суеверий, бытующих в русском народе на протяжении длительного времени. Например, неоднозначным было отношение к процессу рождения ребёнка: с одной стороны, это таинство, реализация Божьей воли, с другой – нечто нечистое, т. к. нередко связано с греховными отношениями мужчины и женщины. Роды отделяют жизнь от смерти в сакральном и бытовом смысле, поэтому сопровождали процесс деторождения многочисленные обрядовые действия языческого толка с условно-обобщённым значением.

Каждая повивальная бабка знала много приёмов для облегчения родов. Но её практическая помощь всегда сопровождалась различными магическими манипуляциями символического свойства, что способствовало, по поверью, успешному процессу родоразрешения. Они имели подражательно-отвлечённый характер: люди полагали, что всякая закрытость или замкнутость препятствует деторождению, поэтому необходимо развязать все узелки на одежде роженицы, распустить ей волосы, раскрыть все двери и ворота... Если эти действия могли совершить сами женщины, то царские врата – двери в алтарь – мог открыть только священник и только в определённые моменты церковной службы.

Когда, например, родоразрешение не происходило быстро, повитуха убеждённо полагала, что надо просить священника «царские двери открыть», чтобы бабе полегчало.

В «Рассказе приходского священника» это представлено так:

Митрий (муж роженицы) приезжает к священнику и рассказывает ему свою просьбу; тот сначала отказыва-

ется, но, видя, что мужик убивается – открывает при нём царские двери.

Духовное лицо, без сомнения, совершает греховный поступок, но, по мнению Н.С. Лескова, в лице отца Василия, для которого важно мнение (о себе или о силе Божией) окормляемых прихожан (даже если оно и является языческим пережитком), автор литературного произведения Гумилевский изображает свой идеал священника, готового для паствы пойти даже на нарушения церковного устава, что подчеркнуто предложно-падежным сочетанием *при нём*. Простому человеку, далёкому от понимания тонкостей православных канонов, важно было увидеть результат своей просьбы – для этого пастырь выполняет просьбу прихожанина в присутствии последнего.

После этого священник допытывается: откуда явилась у бабки Степаниды такая мысль, и узнает от дьячка Федотыча, что «бабы слышали слова **задостойника: ложеснабо твоя престол сотвори**, да каждая и стала себе думать **Бог знает что**».

В данном контексте несколько языковых единиц имеют важное значение: существительное *задостойник*, фразеологизм *Бог знает что*, а цитата «**ложеснабо твоя престол сотвори**» приобретает символическое наполнение.

Ключевым элементом здесь выступает фрагмент литургии, по-своему понятый непросвещёнными крестьянками. Автор не конкретизирует значение фразы, но оценочная характеристика, заключённая в устойчивом выражении *Бог знает* – «я не знаю» [5, 1, с. 180] определяет их восприятие как неправильное. При этом, демонстрируя ошибочность подхода женщин,

Н.С. Лесков констатирует, что понимание богослужебных текстов необразованными людьми бывает весьма своеобразным, о чём он не раз говорил в публицистических работах.

Интерпретации такого типа наблюдаются и в восприятии определённых фрагментов текста *задостойника* – песнопения в составе евхаристического канона, совершаемого вместо Богородичной песни «Достойно есть» в двенадцатые праздники (*задостойник* – «в праздники Пасхи, во все двенадцатые праздники, 1 января, в субботу Лазареву, в великий четверг и в великую субботу уставом положено петь на литургии вместо «Достойно есть яко воистину» ирмос 9-й песни канона, положенного в те праздники, – каковы ирмосы называются *задостойниками*» [6, с. 191]):

«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род! Освящённый Храме и Раю словесный, девственная похвало, из Наяже Бог воплотился и младенец бысть, прежде век Сый Бог наш: **ложеснабо Твоя престол сотвори и чрево Твое пространне небес содела. О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе!**» [13].

Смысловое единство текста в сознании слушающего, но не всё понимающего человека нередко имело проекции прагматического свойства, что преломлялось в обрядовых действиях, опосредованно обусловленных содержанием *задостойника*. Отсюда в символических заклинаниях отмечается употребление лексических единиц, дублирующих те, которые упоминаются в тексте канона (*младенец, небеса...*), а также синтагмы, формирующие собой ассоциативный ряд по отношению

к каноническим (*царские врата* – *свои ворота, ворота своею святою рукою отворяла; небеса – сойди с небес, до поднебес ходить...*), например: *Царица, сойди с небес, выведи младенца в свои ворота.*// Пресвятая Дева Богородица до поднебес ходила, *царские ворота открывала. Как Богородица скоро ворота своею святою рукою отворяла, так скоро крещеной (имярек) в родах помогала* и др.

Если в тексте одного из заклинаний названы *царские ворота*, то в тексте другого *свои ворота*, значение сочетания затемнено. Вероятно, при частичной семантической «вытянутости» ядерной части у слова *ворота* сохраняются значимые компоненты периферийной зоны ('запирать/отпирать', 'створ', 'вход', 'проход'); лексическая единица в структуре текста имеет скрытый смысл, наводящий на ассоциации, связанные с преодолением препятствия при прохождении узкого пространства ('створ', 'проход'), а также при возникновении затруднений – получение помощи извне.

В беллетристическом сочинении священника Гумилевского, которое детально анализирует Н.С. Лесков, тексты заклинаний по понятным причинам не показаны, но они, безусловно, имели место быть как по сложившейся в деревнях традиции (ввиду отсутствия медицинской помощи роженицам), так и по смелости обращения к священнику (с просьбой открыть двери в алтарь) как к последнему средству в достижении результата. Данное предположение подтверждает и контекст.

Что касается фрагмента песнопения «*ложесна бо Твоя престол сотвори*», где лексическое значение слова *ложес-*

на – «утроба, матка, женский детородный уд» [6, с. 286], соответственно возвеличивается великая Миссия Божией Матери, родившей Богомладенца, но в сознании адресанта (особенно малограмотного), обрастает «ложной этимологией» и воспринимается уже в значении «престол отвори».

Символические действия и их вербальное проявление, сопровождавшие акт деторождения, не заканчивались появлением на свет ребёнка.

После родоразрешения согласно обряду следовало очистить женщину от первородной скверны на физическом уровне: повитуха вела роженицу в баню. Полное соответствие обрядовому фольклорному типу наблюдаем в «Рассказе приходского священника»: *бабка Степанида ... берётся за Настасью, тащит её в баню, поит её там водкою, парит и едва дотаскивает домой, где с несчастной бабой начинается жестокая лихорадка.*

Контекст насыщен стилистически сниженными единицами разговорного характера: *тащить* – «вести, тянуть за собой»; *дотащить* – «притащить к определенному месту» [17]; *браться* – «ЛСВ-3: предпринимать какие-нибудь действия, чтобы воздействовать на кого-нибудь» [3], *поить* – «ЛСВ-2: давать пить что-н. алкогольное» [14], в ЛЗ которых доминантными являются компоненты принуждения, даже жестокого воздействия.

В аффиксах *несчастный* – «выражающий горестное состояние, жалкий» [12] и *жестокый* – «ЛСВ-2: очень сильный, превосходящий обычное» [8] – эксплицирована оценка, выступающая в качестве прагматического сигнала о страдании, направленного на адресата. Знаком оценки наряду с другими стано-

вится в контексте слово *едва* – «насилу, с трудом» [7]. Сочетание *едва дотаскивает* демонстрирует крайнюю степень слабости роженицы, её болезненное состояние и в то же время абсолютную покорность действиям повивальной бабки. Жизнь необразованных, невежественных русских женщин была, что очевидно, обставлена целым комплексом символических действий, которые расцениваются как более важные, чем очевидное нездоровье человека.

Нередко следование языческим догмам настолько прочно входило в жизнь, что простые крестьянки демонстрировали не свойственные им черты: безразличие, бессердечность. Яркой иллюстрацией душевной чёрствости и безжалостности служит реминисценция из статьи Н.С. Лескова «С людьми древлего благочестия». В среде раскольников не было принято оказывать помощь при родах:

Мы хворых не бросаем, а это скверна-то, скверна-то рождённая, так её омыть нечем. ...и молитвою от скверны рождённой очистить некому. Вот почему и бегаем скверны-то этой и не прикасаемся к бабе-то, пока она в скверне.

В небольшом контексте лексема *скверна* имеет 5 словоупотреблений, что концептуально значимо, т. к. «благодаря повтору оказываются выделенными смысловые доминанты» [11, 146]. Слово проявляет тождественное значение в разных лексикографических справочниках, ср.: *скверна* – «всё гнусное, противное, отвратительное, что мерзит плотски и духовно» [5, 4, с. 328]; «нечистота, гнусность, разврат, распутство» [6, с. 604].

Страх греха в среде раскольников оказывается выше помощи ближне-

му; особенно чудовищные проявления этот предрассудок приобретает тогда, когда женщину, возможно умирающую в родах, никто не поддерживает, а верхом жалости выступает закрытая дверь: *чтоб собака как не вскочила к ней*. В данном контексте отсутствие обрядовых действий так же, как и их наличие в среде православных простолюдинов, демонстрирует проявление языческих заблуждений и святотатство.

Таким образом, представления о значимых событиях в жизни русского человека имели большое значение, сопровождалась многочисленными обрядами, символическое значение которых передавалось из поколения в поколение, отражалось в литературе.

Фиксация символического значения обряда *рождения* в публицистике Н.С. Лескова является лингвокультурным фактом особенно потому, что в современных условиях данный обрядовый текст частью традиционной духовной народной культуры уже не является.

При упоминании наименования «Крестины» в сознании современного русского человека актуализируется основной признак в содержании данного понятия – «семейный праздник» [16, с. 658], что по сути своей и есть прецедентные знания носителей языка.

У восточных славян за данным праздником закрепилось название: «Крестины»: «Крестины – праздник, связанный с рождением человека» (Любич Ульяна Ивановна, 1929 г.р. с. Внуковичи Новозыбковского района).

У верующих «крестины – обряд крещения, а также угощение после этого обряда» [20, с. 306].

Семантические сети участников обряда формируются посредством номинации *крестник* (*крестница*) и субстантивированных прилагательных *крёстная*, *крёстный*. У верующих: «участвовавший в обряде крещения кого-нибудь в роли духовного отца или матери (крёстный отец, крёстная мать), а также окрещённый при участии таких лиц (крёстный сын, крёстная дочь) [20, с. 306].

“В хрёсные брали и подру́, и близких друзей, в основном брали чужих” (Любич Ульяна Ивановна, 1929 г.р., с. Внуковичи Новозыбковского района).

“В кумовья звали кагоу́одна” (Ковалёва Прасковья Леоновна, 1926 г.р., с. Халеевичи Новозыбковского района).

“Хрёсной была или сястра, или падру́а; хрёсным – брат, сват, дальние родственики” (Горбачева Зинаида Тимофеевна, 1930 г.р., с. Новый Ропск Климовского района).

Актуальной составляющей обрядового действия является непосредственное его наименование – «крестить – совершать над кем-нибудь обряд (таинство) приобщения к церкви и наречения личного имени» [20, с. 306].

Таким образом, анализируемый нами обряд отражает (в соответствии с семантикой лексемы «крестины») общенациональное представление о семейном весёлом празднике.

В общенациональной традиции обряд *крестины* непосредственно отражает и общероссийскую христианскую традицию проведения обряда крестин, его значение и основные элементы. Событийные и ролевые составляющие обряда описаны лингвокультурологами [16].

В Брянской области (которая до 5 июля 1944 г. входила в состав Орлов-

ской) на общенациональное содержание обрядового текста накладывается диалектное, имеющее локальное распространение.

На территории юго-западных районов Брянской области обряд *крестин* проходит следующим образом: хозяин дома идёт приглашать родных и знакомых, и, когда они собирались, устраивался обед. Главная роль на крестинах принадлежала не родному отцу младенца, а крёстному отцу (куму). На крестины приглашали бабушку-повитуху, которая варила кашу (гречневую, ячневую), затем эту кашу разбивали. Кто больше денег положит, тот горшок и разбивает на столе и забирает эти черепки и кашу себе. Эту кашу давали курам, скоту. Горшок, наполненный кашей, разбивался к счастью младенца и родителей.

– Расскажите о крестинах?

– Сначала под́атавливались. Варили кашу (҃речневая, ячневая, пше́нная). Затем кашу разбивали и чаряпки лажили людям на ҃алаву, штоб люди ражали д҃тей. Хрёсная дарила падарки (ленты), ҃ости прихадили тожа с падарками.

– Кого звали в кумавья?

– В кумавья брали и близких, и чужих. Хрёсная нясла адежду. Если маленький рябёнак, то заварачивали я҃о ҃пялёнки, распашонки. А если набольше, то адывали сарочачку. Рябёнка не пиридывали. Патк рястом стаить кум с кумой, но рябёнка держит кума.

– А песни пели?

– Песни пелись разные, канкретных нябуло. Если хрястили зимой перят Ражд҃ством, то пели ражд҃ствяньские песни. Если летам – летние.

(Соболь Мария Акимовна, 1925 г.р., с. Новый Ропск Климовского района.)

– Как у вас проходили крестины ребёнка?

– Сабирали кумавъёф, сваих родственникоф и чужих. Как кто захоча. Патом едутъ ў церкафь хрястить рябёнка. Прияжаютъ дамой, сабираютъ и сваих, и чужих, и близких, и далёких на вазможности. Сабярутъ людей и отмячаютъ.

– Кого звали в кумовья?

– В кумавья звали и падруў, и близких друзей. В оснавном брали чужих.

– А песни пели?

– Пели песни разные («В аўароде верба рясная, там стаяла деўка красная»).

– Кашу варили и какую?

– Варили кашу пиенную ў ўаршочках, а патом разбивали. Кто первый успея разбить кашу, таму большая честь. Старались, итобы кум разбил первым кашу. Деньўи лажили на кашу. Кто паложить больше денеў, тот и должен разбить. Обычно кум больше ложить. Асколки выбрасывали. Кашу нада було папробуваць, итоб камары ня кусали (такой абычай).

– Что ещё приготавливали, кроме каш?

– Пякли алады, халадец, Была капуста, аўурцы.

(Любчич Ульяна Ивановна 1929 г. р., с. Внуковичи Новозыбковский район.)

– Как у вас крестили ребёнка?

– Вазили ўцеркафь. Батюшка хрястиў купели. Патом прияжали дамой.

– Кто был крёстный и крёстная?

– В кумавья звали каўо уўодна.

– Кто держал ребёнка?

– Брала ребёнка кума, затем давала куму.

– Во что был одет ребёнок?

– Одет рябёнак буў ў рубашачку. Яо ня пярядявали.

– А кашу варили?

– Да, варили разную, ўаршочик разбивали и дялили кашу.

– Песни пели?

– Песни пели разные. Я их ня помню.

(Ковалёва Прасковья Леоновна 1926 г. р., с. Халеевичи Новозыбковский район.)

В сознании верующих людей, постоянно посещающих церковь, а также служителей культа активизируется и слой обрядового текста, отражающий его традиционно религиозный план содержания.

Очевидно, что смысловыми маркерами обрядов рождения и крестин являются ключевые символы **ворота, баня, битье посуды, каша** (Ср., к примеру о символических функциях наименований еды в обрядах [9]).

Небезызвестно, что культурно маркированная лексика детерминирована наличием в структуре лексического значения культурной коннотации, «совокупностью узувальных устойчивых дополнительных семантических признаков номинативных единиц, которые являются результатом использования данных лексем и их обозначения в определённой лингвокультурной общности» [18, с. 105], при этом символический компонент культурной коннотации – «лежащие в основе типовых представлений об окружающем человека мире и образующие особую систему условные значения вещественных знаков, что позволяет описать явления общественной жизни в условных и отвлечённых формах, принадлежащих коллективному сознанию (определённой культуры, социума) и являющихся общеизвестными для всех носителей языка» [1, с. 108].

Материализация символического значения обряда *рождения* обусловлена символическим значением номинаций *ворота* (с объектным значением при глаголах *открыть/открывать*) и *баня*.

Как отмечает Д.А. Тараканова, «лексическая единица *ворота* в обрядовом дискурсе приобретает потенциальное символическое значение – «граница между своим и чужим мирами жениха и невесты» [20, с. 87]. В обряде *рождения* символическое значение номинации *ворота* – «граница между инобытием и бытием».

Помимо этого, номинация «*баня*» имеет сакральное значение, связанное с эпизодом свадебного обряда непосредственно перед днём свадьбы: 1 – «место, где моются», 2 – «этап свадебного обряда» – сакральное, которое развивается до символического – «место для ритуального очищения, перерождения невесты» [21, с. 75].

В обряде *рождения баня* – «этап обряда, завершающийся очищением плоти, исполнившей сакральную миссию явления младенца, фиксирующий переход женщины в статус матери».

Материализация символического значения обряда *крестины* определена планом содержания ключевых символов, как-то: «*Битье посуды* – ритуально-магическое действие, характерное для семейных, а также календарных и окказиональных обрядов и народной медицины. Может иметь как позитивный магический смысл (пожелание богатства, плодородия, счастья), так и негативный (символика уничтожения, несчастья, смерти). Различается битье старой и новой посуды, целой и порченной, пустой и наполненной. <...> У восточных славян Б. п.

встречается и в крестинном обряде. В конце крестинного обеда повитуха ставила на стол горшок с кашей и предлагала разбить его тому, кто даст больше денег; горшок разбивали, и если круто сваренная каша не рассыпалась, то это считали предвестием достатка и благополучия в семье. В Полесье черепки от разбитого горшка кидали в подол, на голову или за пазуху молодым женщинам, чтобы у них было много детей» [21, с. 38-39]; «*Каша* – одно из главных блюд традиционного рациона. В обрядах символизировала плодородие, обилие, рост, приумножение. К. готовили из целых или дроблёных зёрен (реже из муки) пшеницы, ячменя, проса, гречихи. Нередко К. служила главным *обрядовым* блюдом. <...> Употребление К. на родинах и крестинах ребёнка сопровождалось магическими действиями, призванными обеспечить новорожденному счастье, здоровье и быстрый рост, женщинам – плодovitость, земле – плодородие. Широко распространены обычаи поднимать горшок с К. вверх, накрывать его полотенцем или холстом, бросать деньги на горшок К., разбивать горшок с К.» [4, с. 223].

Следует учитывать при этом, что номинация *ворота* является потенциальным символом, а словосочетание *битье посуды*, номинации *баня* и *каша* – собственно символами. Основанием для разграничения является критерий, предложенный Д.Ю. Таракановой. Если «<...> в рамках обрядового дискурса символический компонент становится ведущим в структуре значения слова, при этом эксплицируется символическое значение» [21, с. 52], речь идёт о словах-символах, в противном случае «символическое

значение формируется на основании потенциальных признаков» [21, с. 76].

Таким образом, обрядовые слова-символы являются матрицей обряда, определяют его сакральный смысл, сами же «предметы, обнаруживающие инобытие, становятся сакральными, и человек перестраивает своё существование, выделяя из мирского (обыденного) существования сакральный образ жизни. <...> Такие предметы открывают человеку сосуществование двух противоположных сущностей: профанного и сакрального, материи и духа, невечного и вечного» [2, с. 11].

Соответственно символическое значение обрядов *рождения* и *крестин* в русской лингвокультуре детерминировано ключевыми символами, смысловое поле которых склеено всеми структурно-семантическими составляющими обрядового текста, при этом лексическое значение самого символа становится воплощением концептуального вектора обряда, репрезентируя на фоне бытового значения слова собственно духовное со-значение, как-то: *ворота* как «переход от инобытия к бытию», *баня* как «переход женщины в статус Матери», *битье посуды* как «знак материальной и духовной радости», *каша* как «знак физической и духовной крепости».

И потому, рассматривая содержание фольклорного и авторского текста (Н.С. Лескова) как лингвоэстетическую ценность (подобно тому, как в русской литературе рассматриваются народная и авторская сказка), подчёркиваем, что символические доминанты отражают культурно значимые смыслы, представления, формирующиеся непосредственно фольклорным дискурсом и под влиянием фольклор-

ного дискурса (к примеру, о значении и статусе слова в фольклорном тексте) [14], а слово-символ даже в авторском преломлении является синкретичным фактом речи и языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андриевич И.Л. Коннотация как способ представления культуры в лексике семейных обрядов русских старожилов Иркутской области // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 10. С. 108.
2. Банкова Т.Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. С. 6-19.
3. Слово «Братья», значение, определение, ударение, смысл. [Электронный ресурс] // Толковый словарь С.И. Ожегова: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.ozhegovwords.com/word/12592.html> (дата обращения: 21.07.2015).
4. Валенцова М.М. Каша // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 223.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Тт. 1-4. М.: АСТ АстрельТранзиткнига, 2006 (ТСД).
6. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Отчий дом, 2002 (ПЦСС). 1120 с.
7. Мой словарь – my-dictionary.ru. [Электронный ресурс] // URL: <http://my-dictionary.ru/word/7748/edva.html> (дата обращения: 21.07.2015).
8. Мой словарь – my-dictionary.ru. [Электронный ресурс] // URL: <http://my-dictionary.ru/word/8029/zhestokij.html> (дата обращения: 21.07.2015).
9. Илюкина Л.В. О наименованиях обрядовых кушаний в говорах Рязанской области // Вестник Московского госу-

- дарственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 54-59.
10. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М.: ТЕРРА-TERRA, 1998, т. 2, С. 529 – 536.
11. Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С.Лескова. М.: МПУ, 2000, 183 с.
12. Мой словарь – my-dictionary.ru. [Электронный ресурс] // URL: <http://my-dictionary.ru/word/17720/neschastnyj.html> (дата обращения: 21.07.2015).
13. «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь...» [Электронный ресурс] // Око церковное — литургическая библиотека: [сайт]. URL: http://www.liturgica.ru/bibliot/kipr_lil/kiprlil3.html (дата обращения: 21.07.2015).
14. Мой словарь – my-dictionary.ru. [Электронный ресурс] // URL: <http://my-dictionary.ru/word/23462/poit.html> (дата обращения: 21.07.2015).
15. Праведников С.П. Устно-поэтическое слово как объект изучения фольклорной диалектологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 53-56.
16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. 687 с.
17. Слово «Тащить», значение, определение, ударение, смысл. [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.ozhegovwords.com/word/7549.html> (дата обращения: 21.07.2015).
18. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
19. Русский православный обряд крещения. Составитель Павел Кузьменко. Москва: Букмэн, 1996. Серия «Наши традиции». 178 с.
20. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. 939 с.
21. Тараканова Д.А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья): дисс... канд. филол. наук. Томск, 2012. 193 с.
22. Топорков А.Л. Битье посуды // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд.2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 38-39.

УДК 811.161.1'366

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-29-37

Иванова Д.С.*Московский государственный областной университет*

О СОХРАННОСТИ ПРАСЛАВЯНСКИХ СУФФИКСОВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: в статье речь идёт о праславянском словообразовании, в частности, о суффиксальном образовании праславянских имен существительных. В праславянском языке (как и в современных славянских языках) существительные делились на классы: названия живых существ, названия конкретных предметов и явлений, названия отвлеченных понятий. Каждый класс включал несколько групп лексем с различной семантикой, образованных при помощи специфических деривационных средств. Многие праславянские словообразовательные модели проявляют высокую продуктивность и в современном русском языке, что подтверждают многочисленные примеры.

Ключевые слова: праславянский язык, словообразование, праславянское словообразование, суффиксация, суффиксация праславянских существительных.

D. Ivanova*Moscow State Regional University*

ON THE PRESERVATION OF PROTO-SLAVIC SUFFIXES OF NOUNS IN MODERN RUSSIAN

Abstract. The given article deals with Proto-Slavic derivation, particularly Proto-Slavic noun suffixation. Proto-Slavic nouns (as modern Slavic nouns) used to fall into following classes: nominations of living beings, names of exact items and phenomena, nominations of abstract concepts. Each class comprised several groups of lexemes with different meanings which were formed by means of specific word-formative tools. There is now ample evidence illustrating the productivity of Proto-Slavic word-formation patterns in the present-day Russian language.

Keywords: Proto-Slavic language, word derivation, Proto-Slavic word derivation, suffixation, Proto-Slavic noun suffixation.

Праславянский язык – это некогда реально существовавший праязык, язык-основа, от которого произошли славянские языки. Лексический фонд праславянского языка являет собой реконструируемые силами современных учёных-славистов гипотетические языковые формы. На протяжении нескольких сот лет они подвергались дальнейшим фонетическим и грамматическим изменениям – в зависимости от языковых законов и закономерностей, регулировавших эти изменения в разные исторические периоды. Для восстановления лексем, составляющих основу праславянского языка, проводится анализ регулярных соответствий

в языках различной степени родства: вначале в близкородственных, славянских языках, затем – в других индоевропейских языках. Таким образом, состав праславянского лексического фонда и морфем, образующих праславянские лексемы, в настоящее время весьма условен, и утверждать с абсолютной точностью принадлежность той или иной лексемы (или словообразовательной морфемы) к праславянскому языку мы не можем. Тем не менее, благодаря многолетним усилиям исследователей на основе проведённого ими анализа лексиконов современных славянских языков можно говорить о выделении некой совокупности деривационных средств праславянского языка.

В праславянском языке уже на стадии зарождения выделялись непроизводные и производные слова и средства их производства. Наиболее популярные способы словообразования – аффиксация (включающая префиксацию и суффиксацию) и сложение – были унаследованы праславянским языком из ещё более древнего индоевропейского языка [3, с. 46]. Наиболее древний, по мнению некоторых исследователей, способ суффиксации [3, с. 42-47] зародился в раннеиндоевропейский период: отдельные автономные лексические элементы, имеющие отвлечённую семантику, переходили в категорию суффиксов и затем использовались в качестве словообразовательных морфем при создании новых производных слов по уже существующим моделям. Немногим позже, в процессе распада индоевропейского языка (когда из его состава выделился праславянский язык), начинает развиваться способ префиксации. Лексемы,

имевшие в индоевропейском языке статус наречий и предлогов, постепенно закреплялись за началом основ глаголов (реже – существительных и прилагательных) и затем становились полноценными префиксами.

Суффиксация по праву считается не только самым древним, но и самым распространённым способом образования праславянских слов. В настоящее время существует несколько классификаций праславянских суффиксов. Наиболее распространённой является семантическая классификация. Так, А.С. Мельничук приводит примеры праславянских лексем, образованных при помощи суффиксов со значением деятеля по роду занятий (формант *-arь*, напр., в лексеме **kožarь* ‘козий пастух’ от **koža*), со значением вещества (формант *-ina*, напр., в лексеме **agnętina* «ягнятина» от **agnęt*, см. **agnę*), с семантикой места, помещения (формант *-(b)nikъ*, образующий псл. **agodъnikъ* – ‘ягодное место’, от **agoda*) и др. [3, с. 52-56]. С точки зрения семантики и функционирования неподдельный интерес у исследователей вызывает суффикс *-dlo/- (i)dlo/-tlo*, восходящий к индоевропейскому языку. Этот формант является наглядной демонстрацией явления полисемии (многозначности) праславянских морфем. По семантике существительные на *-dlo* подразделяются на несколько групп: инструменты; вещества; части тела; различные пространственные понятия; агентивы; абстрактные понятия и др. [4, с. 195].

Несколько другую классификацию праславянских суффиксов предлагает Ж.Ж. Варбот. Исследователь разделяет древнерусские (восходящие к праславянским аналогам) форманты на группы. Критериями выступают

образуемые этими суффиксами парадигматические классы имён существительных. По мнению Ж.Ж. Варбот, праславянские суффиксы *-ьсѣ-*, *-ѣѣ-*, *-охѣ-*, *-инѣ-*, *-отѣ-* и др. образовывали имена существительные с основой на **-o-* (**-jo-*) мужского рода, форманты *-dlo*, *-ъje* и др. участвовали в образовании имён существительных с основой на **-o-* (**-jo-*) среднего рода, при помощи суффиксов *-ьса*, *-ъja*, *-ька* и др. формировались имена существительные с **-a-* (**-ja-*)-основой, а праславянские аффиксы *-snъ-*, *-znъ-* и др. образовывали имена существительные с **ĭ-*основой [2, с. 108-109].

Ж.Ж. Варбот (вслед за А. Мейе) выделяет среди прочих критериев классификации суффиксов их вариантность. Праславянский язык перенял многие суффиксы индоевропейского языка. На их основе затем были сформированы новые словообразовательные морфемы. Распределение суффиксов, тождественных в той части, которая предшествует показателю типа именной основы (разным типам именных основ соответствуют различные парадигматические классы имён), может рассматриваться как показатель степени сопряжённости различных типов основ как в индоевропейском, так и в праславянском языке. С другой стороны, вследствие фонетических изменений конца слова в праславянском языке и последующего переразложения, сопровождающегося сокращением основ в пользу флексий, показатели типов основ трансформировались во флексии (или элементы флексий). Результатом таких процессов (при одновременной утрате связи лексического значения имён с их группировкой по типам основ) должна была явиться пе-

реоценка отношений тождественных по структуре суффиксов: для позднепраславянского периода появляется возможность рассмотрения этих суффиксов как парадигматических вариантов одного суффикса [1, с. 2]. Исследователь предполагает, что суффикс *-ĕja* имел вариант *-aja* (ср. укр. *верѣя*, словен. *veréja*, польск. *wierzeja*, *wierzaja* 'веревка, запор'), а вариантом суффикса *-ĕjъ* служил формант *-ajъ*, выделяет среди возможных вариантов суффиксы *-lo/-olo/-dlo*, *-ĕъ/-aĕъ*, *-ica/-bn-ica/-bnica* и др. [2, с. 84].

Вопрос о большей или меньшей продуктивности тех или иных способов деривации праславянских существительных до сих пор остаётся открытым. Благодаря «Этимологическому словарю славянских языков», а также научным трудам, посвящённым праславянскому и древнерусскому словообразованию, мы можем выделить несколько продуктивных словообразовательных типов.

С точки зрения семантики все праславянские имена существительные, образованные суффиксальным способом, можно условно разделить на три основных словообразовательных класса: названия живых существ, названия конкретных предметов и явлений, названия отвлечённых понятий. Словообразовательный класс названий живых существ содержит названия лиц женского пола и названия лиц мужского пола, а также названия самок животных и детёнышей животных [3, с. 51-52].

В классе **названий живых существ** выделяется группа с семантикой наименования деятеля (мужского пола) по виду занятий, профессии, выполняемым действиям. Эти существитель-

ные образовывались, как правило, от глаголов при помощи суффиксов **-čь/-ačь** (**běgačь* ‘беглец, бегун’ от глагольной основы **bēg-*, **ležačь* ‘лентяй’, ‘тот, кто много лежит’ от **ležati* ‘лежать’), **-arь** (**bъčel(arь)* ‘пчеловод’ от **bъčela* ‘пчела’, **kožarь* ‘козий пастух’ от **koža* ‘коза’), **-(a)кѡ/- (a)ка** (**ležakъ* ‘любитель полежать’ от **ležati* ‘лежать’), **-i(кѡ)** (**gojikъ* ‘врач’, ‘знахарь’ от **gojiti* ‘лечить’), **-dlo** (**bajadlo* ‘баюн’, ‘говорун’ от основы **bajati* ‘рассказывать’), **-ęga** (**dereęa* ‘несговорчивый человек’, ‘плаксивый ребенок’ от **derti* ‘драть, рвать’), **-ixѡ** (**berixъ* ‘собиратель, сборщик’ от основы *ber-* (**bъrati* ‘брать’), **-telь/-itelь** (**blustelь* ‘страж’ от основы глагола **bludъ*, **blusti* ‘охранять’, **čelitelь* ‘врач’ от **čeliti* ‘лечить’), **-unѡ** (**bajunѡ* ‘говорун’ от **bajati* или **bajiti* ‘говорить, рассказывать’), **-вс-/вса** (**bijьса* ‘драчун’, ‘боец’ от **biti*, **berьса* ‘тот, кто берёт’ от *ber-*), **-всѡ** (**gonьсѡ* ‘тот, кто гонит’, ‘гонец’, ‘загонщик’ от **goniti* ‘гнать, преследовать’), **-ьникѡ** (**kovьникѡ* ‘кузнец, чеканщик’, ‘злоумышленник’ от **kovъ* ‘окова, подкова’), **-ьji** (**ba(d)lьji* ‘врач’ от основы имени действия **ba(d)l-* < и.-е. **bhâ-dhl-* ср. лат. *fâbula* ‘речь, рассказ’). Продуктивность словообразовательного элемента **-telь** резко возросла благодаря второму южнославянскому влиянию, а особенное распространение такие слова получили в XVIII веке. По данным словарей того времени, в широком употреблении их было более 500 [5, с. 281].

Суффиксы **-икѡ**, **-ьникѡ**, **-ѡкѡ**, а также суффикс **-ęga** служили в праславянском языке для образования имён существительных мужского рода со значением лица или предмета по свойству или признаку, которые

определяют его отношение к предмету (занятию, кругу деятельности), названному мотивирующим словом: **danьnikъ* ‘вассал’, ‘сборщик дани’ от **danь* ‘дань’ (суффикс **-ьникѡ**) или от прилаг. **danьnѡjь* ‘данный’ (суффикс **-икѡ**); **babьnikъ* ‘бабий угодник, бабник’ от **baba* ‘женщина, баба’ (суффикс **-ьникѡ**). Еще одна группа с агентивной семантикой – существительные со значением деятеля по признаку отношения родства, территориальной принадлежности, образованные от существительных или прилагательных при помощи суффикса **-анѡ/-анjь** (**bratanъ* ‘сын брата, племянник’ от **bratъ* ‘брат’) и др.

При помощи суффикса **-yšь/yša** в праславянском языке образовывались имена существительные со значением лица (обычно невзрослого), характеризующегося признаком или действием, названным мотивирующим словом (**malyšь*/**malyša* ‘малорослый человек’ от прилаг. **malъ* ‘маленький’, **golyšь* ‘голыш, голый человек’ от прилаг. **golъ* ‘голый’).

Для праславянских наименований лиц женского пола характерен суффикс деятеля ж. р. **-eя** (**berēja* ‘женщина, собирающая ягоды’ от основы глагола **bъrati* ‘брать’ – **berъ*, **grebēja* ‘женщина, сгребаящая сено’ от **grebti* ‘грести, сгребать’) а также форманты **-yni** (**bergyni* ‘ряженая девушка’, ‘береговая фея, русалка’ от **bergъ* ‘берег’), **-ul’a/-ul-ica** (**bergul’a*/**bergulica* ‘береговая ласточка, стриж’ от **bergъ* ‘берег’), **-уха** (**babuxa* ‘старуха, бабка’ – от **baba*), **-uša** (**babuša* ‘бабушка’ от **baba*), **-uška** (**babuška* ‘бабушка, старуха’ от **baba*), **-ьja** (**bajidlьja* ‘знахарка, шептуха’ от имени действия на **dlo* **bajidlo* ‘колдовство’) и **-ica/-ьn-**

ica/-ьnica, который встречался также и у субстантивированных прилагательных (**agnica* (суфф. *-ica*) 'ягненок женского пола' от **agn-*, **avorьnica* (суфф. *-ьnica*) 'явор' (название растения, ж. р.) от **avorь* 'явор'). Названия самок животных образовывались при помощи омонимичного суффикса *-ica* (**agnica* 'ягнёнок женского пола' от **agnę* 'ягнёнок').

В словообразовательном классе **названий конкретных предметов и явлений** исследователи выделяют форманты, образующие наименования орудий, вещества, части тела, названия мест и помещений, а также собирательные существительные.

Названия орудий и инструментов образовывались, главным образом, посредством форманта *-dlo* и его вариантов *-(i)dlo/-ov-idlo* и *-(a)dlo* (**badadlo* 'острие' от осн. гл. **badati* 'колоть', **moltidlo* 'цеп; молотилка' от **moltiti* 'молотить', **kosovidlo* 'часть косы' от **kosa* II 'коса', **kropidlo* 'кропило', 'лейка' от **kropiti* 'кропить, окроплять', **lępidlo* 'клей' от **lępiti* 'лепить', **lomidlo* 'дубина, палка', 'долото' от **lomiti* 'ломить, преломлять', **klepadlo* 'клепало', 'молоток, колотушка' от **klepati* 'клепать', **kovadlo* 'наковальня' от **kovati* 'ковать') и др.

Продуктивными были и модели образования названий орудий и инструментов с формантами *-arь* (**bodarь* 'вилы для ловли рыбы' от осн. гл. **bodъ*, **bosti* 'колоть'), *-(a)кь* (**čьrпакь* 'половник, поварёшка' от **čьrпати* 'черпать'), *-ьникь/-nica* (**babьникь* 'форма для выпечки теста' от **baba* 'род выпечки, высокой и круглой'), *-ogь* (**batogь* 'палка, посох' от основы глагола **batati* 'бить, колотить'), *-orь/-orь* (**kosorь*/**kosorь* 'коса', 'резак' от **kosa* II

'коса') и *-ylь* (**kostylь* 'палка' от **kostь* 'кость'). Для образования названий рукояток орудий использовался суффикс *-išče-* (**grabišče* 'ручка грабель' от **grabja*/**grabji* 'грабли').

Формант *-(i)dlo* характерен и для праславянских существительных, обозначающих части тела (**xodidlo* 'стопа, ступня' от **xoditi* 'ходить'), и для имён со значением вещества (**bělidlo* 'белила' от осн. гл. **běliti* 'белить'). Весьма популярным в праязыке славян был также способ образования веществ или продуктов с суффиксом *-ina* (**agnęтина* 'ягнятина' от **agnę*, см. **agnę* 'ягненок', **govęдина* 'говядина' от **govędo* 'крупный рогатый скот', **korvina* 'коровья шкура' от **korva* 'корова').

Для образования существительных – названий мест, помещений и вместилищ служили суффиксы *-išče-* (**ablonišče*/**abolnišče* 'яблоневый сад' от **ablонь* 'яблоня', **brodišče* 'брод', 'перевоз', 'пристань' от **broditi* 'идти вброд'), *-(ь)никь* (**agodьникь* 'ягодное место' от **agoda* 'ягода'), *-ica/-nica/-ьnica* (**męsьnica* 'мясная лавка; бойня' от **męso* 'мясо'), *-икь* (**glinикь* 'место, где берут глину' от **glina* 'глина'), *-ьна* (**bebrovьna* 'хижина бобра' от основы прилаг. **bebrov-*, **kovьna* 'кузница' от **kovati* 'ковать'). К классу названий мест и помещений относятся также лексемы, обозначающие пространственные понятия, – географические и функциональные. Часто словообразовательным формантом слов данной тематики служил суффикс *-(i)dlo* (**brodidlo* 'брод на реке', 'лука, пруд' от **broditi* 'идти вброд', **kotidlo* 'логово', 'место окота' от основы глагола **kotiti I* 'котиться, родиться, плодить').

Собирательные имена существительные в праславянском языке обра-

зовывались при помощи суффиксов **-vje-** (**abrědvje* ‘саранча’ от **abrědvь* ‘саранча’, **drobvje* ‘внутренности’ от основы **drob-*), **-oda-** (**agoda* ‘клубника, земляника’, ‘общее название ягод’ от незасвид. **aga*), **-vja** (**bratrvja* ‘братство, братия’ от **bratrь* ‘брат’), **-jadv/-adv** (**divjadь* ‘дичь’, ‘диковина’ от **divь* ‘чудо, диво’, **čeladvь* ‘челядь’, ‘домочадцы’, ‘дети’ от **čel-*, **čelь* ср. **čelo* ‘чело, лоб’, **čelověkь* ‘человек’). В некоторых случаях могли выражать значение собирательности суффиксы **-vnikь-** (**agodvnikь* ‘куст земляники; ягодное место; ягодное варенье’ от **agoda*), **-va/-vva** (**dětvva* ‘детвора’ от **dětvь* ‘ребёнок’). Суффикс **-ika** использовался для образования имен существительных со значением совокупности однородных явлений, названных мотивирующим словом (**arębika* ‘рябина’ от **arębvь* или от **arębvь* ‘куропатка’).

Словообразовательный класс **отвлечённых понятий** в праславянском языке представлен существительными сформантами **-dlo/-idlo** (**gojidlo* ‘успокоение, укрепление’ от **gojiti* ‘лечить’, **kupidlo* ‘покупка’ от **kupiti* ‘купить’, **načędlo* ‘начало’ от **načęti* ‘начать’), **-ežь** (**drobežь* ‘мелочь’ от **drobiti* ‘дробить’), **-ęzgvь** (**drebęzgvь* ‘звон, звяканье’ от **drebiti*/**drobiti* ‘дробить, крошить’), **-ica** (**dręmavica* ‘дремота, сонливость’ от слабо засвид. прилаг. **dręmavь*), **-ina** (**dobrina* ‘доброта’ от прилаг. **dobrvь* ‘добрый’), **-(a)nvje** (**kajavnje* ‘покаяние, раскаяние’ от **kajati* (sę) ‘каяться’), **-oba** (**běloba* ‘белизна’ от **bělь* ‘белый’), **-ostь** (**bělostь* ‘белизна’ от **bělь*, **doblęstь* ‘доблесть’ от прилаг. **doblvь* ‘благородный, доблестный’), **-ota** (**bęgota* ‘суета’ от глагольной основы **bęg-*, см. **bęgt’i*, **bęgati* ‘бегать’), **-otь** (**bekotь* ‘блеянье’ от основы гл. **bekati* ‘блеять’), **-tva** (**bit-*

va ‘битва’ от **biti* ‘бить’), **-vba** (**xodvba* ‘ходьба’ от **xoditi* ‘ходить’, **družvba* ‘дружба’ от **družiti* ‘дружить’), **-vstvo** (**ba(d)lvstvo* ‘лечение’ от основы *ba(d)l-*, **děvьstvo* ‘девственность’ от **děva* ‘дева, девушка’), **-znvь** (**bojaznvь* ‘боязнь, страх’ от основы глагола **bojati sę* ‘бояться’). Высокую продуктивность показывает суффикс со значением отвлечённости, собирательности **-vje-** (**mętvje* ‘трение, растирание’ от причастия прош. страд. **mętvь* глагола **męti* ‘тереть, потирать, протирать’, **ędenvje* ‘поедание’ от прич. прош. страд. **ędenь* глагола **ęsti* ‘есть’, **abrędvje* ‘саранча’ от **abrędvь* ‘саранча’).

Уже в праславянскую эпоху суффиксы могли выражать и **эмоционально-экспрессивные значения**. Так, праславянский суффикс **-išče-**, помимо указанного выше значения, демонстрирует высокую продуктивность в словообразовательных моделях имён существительных с оттенком **увеличительности** (**dětišče* ‘большой ребёнок’ от **dětvь* ‘ребёнок’, **golvišče* ‘голова, башка’ от **golva* ‘голова’). Наиболее продуктивным праславянским суффиксом с **уменьшительно-ласкательным** оттенком исследователи считают **-ę/-ęt-** (**agnę* ‘ягнёнок’ от основы **agn-*) [3, с. 51–52]. В некоторых случаях обнаруживают уменьшительно-ласкательное значение суффиксы **-ica** (**korvica* ‘коровка’ от **korva* ‘корова’), **-vcb/-vca/-vce** (**bedrvce* ‘ляжечка’ от **bedro* ‘бедро’), **-v(ka)/-vka** (**babuvьka* ‘бабушка’ от **babuša* ‘бабушка, бабуся’), **-vkvь** (**arębvkvь* ‘рябчик’ от **arębvь* ‘куропатка’), **-vko/-vka** (**męsvko* ‘мясо’ от **męso* ‘мясо’, **dětvko*/**dětvka* ‘ребёночек’ от **dětvь* ‘ребёнок’), **-vka** (**družvka* ‘подружка’, ‘дружка (на свадьбе)’ от **drugь*, **druga* ‘подруга’).

Сравнивая словообразовательный характер слов праславянского и современного русского языка, можно говорить о высокой степени сохранности праславянских суффиксов в современном русском языке. Более того, русский язык, как и подавляющее большинство славянских языков, регулярно использует многие праславянские словообразовательные модели.

Так, в классе **названий живых существ** в современном русском языке, как и в праславянском, выделяется группа существительных мужского рода с семантикой деятеля, образованных от мотивирующих глаголов. Большинство этих лексем образованы в соответствии с унаследованным из праславянского языка словообразовательным типом с суффиксами **-ач** (*стукач* от *стучать*, *щипач* от *щипать*), **-арь** (*токарь* от *точить*, *пекарь* от *печь*, *звонарь* от *звонить*), **-ак(а)** (*гуляка* от *гулять*, *зевака* от *зевать*), **-их** (*жених* от *жениться*), **-тель** (*учитель* от *учить*, *предатель* от *предать*), **-ун** (*врун* от *врать*, *говорун* от *говорить*, *енот-полоскун* от *полоскать*, *драчун* от *драться*), **-ц(а)** (*кровопийца* от *пить кровь*), **-ец** (*скиталец* от *скитаться*, *кормилец* от *кормить*; в данных примерах к суффиксу **-ец** прибавляется глагольный суффикс прошедшего времени **-л-**), **-ник** (*советник*), также существительные данной группы могут образовываться при помощи праславянского суффикса качества/свойства **-яга** (*работяга* от *работать*, *трудога* от *трудиться*). Что касается модели наименования деятелей с суффиксом **-дло**, то этот словообразовательный тип сохранился в современном русском языке, однако формант ***-dlo** трансформировался в **-ло** или **-ла** (в

значении агенса: *громила* от *громить*, жарг. *терпила* от *терпеть*, *меняла* от *менять*).

Для образования имён существительных мужского рода со значением лица или предмета по свойству или признаку современный русский язык использует праславянские модели с формантами **-ник** (*злоумышленник* от *злоумышление*, *разбойник* от *разбой*), **-яга** (*стиляга* от *стиль*). Кроме того, существительные этой группы образуются при помощи суффиксов со значением деятеля **-ач**, **-ец**, которые расширили свою семантику: *бородач* от *борода*, *усач* от *усы*, *богач* от *богатый*; *подлец* от *подлый*, *наглец* от *наглый*, *мерзавец* от *мерзкий*, *красавец* от *красивый*.

Модель с суффиксом **-ыш(а)**, служившим в праславянском языке для образования существительных со значением незрелого лица, характеризующегося признаком по мотивирующему слову, продуктивна и в современном русском языке: *глупыш* от *глупый*, *найдёныш* от *найденный*, *несмышлёныш* от *несмышлёный*.

Все суффиксы существительных женского рода претерпели трансформацию из-за переразложения основ и оформления гласных на конце во флексии. К примеру, суффиксы **-ика**, **-ина** превратились в **-(и)к-а** (рус. *киевлянка*), **-(и)н-а** (в русском языке этот дериват, помимо сохранившегося значения единичности – напр., *бусина*, *горошина* – приобрёл новое значение результата действия: *вмятина*, *выбоина*). Современные словообразовательные модели с суффиксами **-ей** (*ворожея* от *ворожить*), **-инь/ынь** (*рабыня* от *раб*), **-уль** (*капризуля* от *каприз*, *грязнуля* от *грязный*), **-ух** (*стряпуха* от *стряпать*), **-уш** (*кликуша* от *кликать*), **-ушк** (*ста-*

рушка от *старый*, *хохотушка* от *хохотать*), *-j* (*колдунья* от *колдун*, *попрыгунья* от *попрыгун*, *шалунья* от *шалун*) и *-иц/-ниц* (*чаровница* от *очаровать*, *царица* от *царь*) восходят к праславянским словообразовательным типам с формантами *-ěja*, *-yni*, *-ul'a/-ul-ica*, *-ixa*, *-iśa*, *-iśьka*, *-ьja*, *-ica/-ьn-ica/-ьnica*.

В современном русском языке в классе **конкретных предметов и явлений** группа названий инструментов, приспособлений и орудий представлена, помимо лексем с русскими и заимствованными иностранными суффиксами (которые возникли в более позднюю эпоху развития русского языка), словами, образованными по праславянской модели с формантом *-dlo*, который, как уже было сказано, трансформировался в современный регулярный, но непродуктивный суффикс *-ло* (*поддувало* от *поддувать*, *рубило* от *рубить*) [8, с. 33]. Сохранились в современном русском языке модели названий орудий и инструментов с *-ак* (*верстак* от *верстать*), *-ник(а)/-ниц(а)* (*угольник* от *угол*, *пыльник* от *пыль*, *наколенник* от *колени*, *скребница* от *скрести*), *-тель* (*выключатель* от *выключать*). Кроме того, вследствие метонимического переноса значения с лица (деятеля) на предмет (орудие действия) эта группа пополнилась моделью с суффиксом с семантикой машины-инструмента: *-ч/ач* (*тягач* от *тягать*, *толкач* от *толкать*). В группе наименований веществ, продуктов можно найти лишь единичные лексемы, образованные по унаследованной праславянской модели с формантом *-ло/-ла* (*чернила* от *чернить*), в то время как модель с *-ина*, используемая для названий сорта мяса, обнаруживает высокую продуктивность в современном русском языке

(*страусятина* от *страус*, *лягушатина* от *лягушка*, *крольчатина* от *кролик*). Иногда для образования слов с семантикой вещества используется модель с суффиксом *-ство*, которую праславянский язык применял для образования отвлечённых понятий (*лекарство* от *лекарь*, *вещество* от *вещь*).

Среди существительных с семантикой мест, вместительных в современном русском языке обнаруживается немало лексем, образованных по сохранившимся праславянским моделям с суффиксами *-ище-* (*пепелище* от *пепел*, *кострище* от *костёр*, *побоище* от *бой*, *городище* от *город*, *пристанище* «место, где человек может остаться» от глагола *пристать*), *-ник* (*свинарник* от *свинья*), *-иц(а)/-ниц(а)* (*кузница* от *кузнец*, *хлебница* от *хлеб*).

В группе собирательных существительных в современном русском языке обнаруживается высокую продуктивность праславянский словообразовательный тип с суффиксом *-ьjě-* (*тряпье* от *тряпка*, *рваньё* от *рваный*, разг. *жульё* от *жулик*, разг. *ворьё* от *вор*). Малопродуктивным стал формант *-ва* (*листва* от *лист*), а модели с суффиксами *-oda*, *-jadь/-'adь*, *-ьnikъ-*, *-ika* и все были утрачены русским языком. Праславянский суффикс собирательных существительных *-ьja* трансформировался в *-н(я)* и *-иц(а)* (*ребятня* от *ребята*, *пионерия* от *пионер*). Также группа собирательных существительных пополнилась лексемами, образованными при помощи праславянского суффикса с семантикой отвлечённости *-от(а)/-ет(а)* (*беднота* от *бедный*, *нищета* от *нищий*).

Словообразовательный класс **отвлечённых понятий** демонстрирует нам сохранность в современном рус-

ском языке праславянских суффиксов с семантикой отвлечённости **-ěj** (*галдѣж* от *галдеть*, разг. *выпендрѣж* от разг. *выпендриваться*), **-ин(а)** (*тягомотина* от исчезнувшего *тягомотить*, *бредятина* от *бредить*, *писанина* от *писать*, в которых суффикс *-ина* приобрел дополнительный оттенок пренебрежительности), **-нѣј(э)** (*самолюбованье* от *сам* и *любоваться*, *процветанье* от *процветать*), **-об(а)** (*худоба* от *худой*, *тяжба* от *тяжёлый*, *городьба* от *городить*), **-ость** (*весёлость* от *весёлый*, *занятость* от *занятый*, *предвзятость* от *предвзятый*), **-ом(а)** (*забота* от *заботиться*, *пахота* от *пахать*), **-от** (*шёпот* от *шептать*, *стрёкот* от *стрекотать*), **-тв(а)** (*клятва* от *клясться*, *жатва* от *жать*), **-б(а)** (*гульба* от *гулять*), **-ств(о)** (*пророчество* от *пророчить*), **-знь** (*неприятнь* от *не приять*, *жизнь* от *жить*), **-ѣј(э/о)** (*враньѣ* от *врать*, *терпеньѣ* от *терпеть*, *неведеньѣ* от *не ведать*).

Сохранились и продуктивные сегодня многие модели с праславянскими суффиксами, носящими оттенок увеличительности или имеющими уменьшительно-ласкательное значение. К ним относятся словообразовательные типы с суффиксами **-ищ(е)** (*котище* от *кот*, *страшилище* от *страшный*, *человечище* от *человек*), **-ц(е)** (*платьище* от *платье*, *дельце* от *дело*), **-ик** (*ножик* от *нож*, *коржик* от *корж*). В уменьшительно-ласкательных суффиксах **-к(о)** (*ситечко* от *сито*, *яичко* от *яйцо*) и **-к(а)** (*шторка* от *штора*) конечные гласные *о* и *а* трансформировались в окончания.

Проанализированный материал даёт основания говорить о том, что

современная словообразовательная система русского языка во многом сохранила черты праславянского словообразования. Этот вывод имеет не только теоретическое, типологическое, но и лингводидактическое значение. Приведённые нами факты могут быть использованы в школьной и вузовской практике изучения русского словообразования в диахронии, для установления истоков современных деривационных моделей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варбот Ж.Ж. О функциональных преобразованиях словообразовательных моделей в истории языка. Доклад. М., 1967. 3 с.
2. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969. 232 с.
3. Историческая типология славянских языков/ под ред. А.С. Мельничука. Киев, 1986. 285 с.
4. Маркова Е.М. Судьба существительных на *-(д)ло в русском, чешском и словацком языках // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012. № 4. www.evestnik-mgou.ru. 16 с.
5. Мейе А. Общеславянский язык: пер. с фр. / Общ. ред. С.Б. Бернштейна. М., 2001. 500 с.
6. Шушарина И.А. Введение в славянскую филологию: учеб. пособие. М., 2011. 302 с.
7. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. 248 с.
8. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Снова в мире слова. М., 2001. 224 с.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд/ под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1–39. М., 1974–2014. 9655 с.

УДК 811.161

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-38-44

Крылова Н. Ф.*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (Казахстан)*

РАЗВИТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КАЧЕСТВЕННЫХ АДЪЕКТИВОВ

Аннотация. В статье раскрываются особенности словообразовательной структуры качественных адъективов, описанных с позиции синхронно-диахронического подхода. Функционируя в языке длительное время, слова в одних случаях сохраняют смысловые связи со своими производящими, а в других – происходит их разрыв, причинами чего являются либо утрата исходных слов, либо семантическое сближение прилагательных с другими словами. Сопоставляя историческую словообразовательную структуру прилагательных на *-кий* с их современной словообразовательной структурой, производность с мотивированностью, автор выявляет несколько типов изменений.

Ключевые слова: прилагательные, словообразовательная структура, диахрония, синхрония, производность, мотивированность.

N. Krylova*S. Toraighyrov Pavlodar State University*

THE DEVELOPMENT OF WORD-FORMATIVE STRUCTURE OF QUALITATIVE ADJECTIVES

Abstract. The paper is devoted to peculiarities of word-formative structure of qualitative adjectives that are described from the point of synchronous-diachronic approach. Functioning in a language for a long time in some cases the words retain meaningful contact with their productive ones, and in others – they are detached because of loss of source words or semantic convergence of adjectives with other words. Comparing historical word-formative structure of adjectives ending with «-кий» with their modern word-formative structure and derivation with motivation author reveals several types of changes.

Keywords: adjective, word-formative structure, diachrony, synchrony, derivation, motivation.

Последние десятилетия XX и начало нынешнего века характеризуются интенсивной разработкой проблем словообразования. Современный этап развития словообразования представляет собой синтез многих аспектов, имеющих чаще всего дихотомический характер. С точки зрения характера изменений различаются синхронический и диахронический аспекты.

Впервые вопрос о синхронии и диахронии в языкознании был поставлен И.А. Бодуэном де Куртене и Ф. де Соссюром. И.А. Бодуэн де Куртене разделял лингвистику на статическую (описательную) и динамическую (историче-

скую), различая в фонетике и грамматике явления сосуществования (*Nebeneinander* – «рядом друг с другом») и последования (*Nacheinander* – «следом друг за другом») [3]. Наиболее подробно рассмотрел эту проблему Ф. де Соссюр. По мнению учёного, «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [17].

Обсуждение вопросов, связанных с разграничением синхронии и диахронии, продолжается до сих пор. Словари определяют диахронию как «историческую последовательность развития языковых явлений» [16, с. 226], как «путь во времени, который преодолевает каждый элемент языка, как часть языковой системы; историческое развитие системы в целом как предмет лингвистического изучения» [2, с. 133], как «историческую последовательность развития отдельных языковых явлений и развитие языка в целом» [15, с. 89], как «процесс закономерной замены предшествующего структурного состояния языковых единиц (категорий и т. д.) последующим их состоянием» [7, с. 9], как «исследование языка во времени, в процессе его развития на временной оси; историческое развитие системы языковой как предмет лингвистического исследования» [13].

Языковая синхрония, по мнению авторов, – это «состояние языка в определённую эпоху» [4, с. 151], «сосуществование языковых явлений в одну эпоху» [16, с. 641], «состояние языка на определённом этапе исторического развития в качестве цельной системы лексических, грамматических

и фонетических элементов как предметов лингвистического изучения» [15, с. 355].

Каждый из названных аспектов исследования имеет свои цели и задачи и приводит к разным результатам. Кроме того, в плане синхронии и диахронии характеризуются разные типы отношений между словообразовательными единицами. Так, различают отношения производности, связывающие слова, следующие одно за другим в процессе словообразования, и отношения выводимости (мотивации), когда предшествующие и новые слова существуют параллельно. Отношения первого типа относят к диахронии, а второго – к синхронии. Использование терминов для обозначения данных типов отношений демонстрирует неоднозначность подходов. Одни учёные (Е.А. Земская, А.И. Моисеев и др.) используют одинаковые термины для определения связанных однокорневых слов – «производность», «производные отношения» и т. д., но в зависимости от того, рассматриваются ли эти слова в синхронном или диахроническом аспекте, термины имеют разное содержание. Е.А. Земская считает, что «при диахроническом подходе, чтобы установить производность слова <...> надо изучить конкретную его историю» и узнать, какое из сравниваемых слов появилось раньше. А для того, чтобы выяснить, какое слово окажется производным, а какое производящим в синхронии, нужно определить, какая из двух однокоренных основ является более простой по форме и смыслу [11, с. 6-7].

Другие учёные (И.С. Улуханов, В.В. Лопатин, Л.К. Жаналина и др.) для обозначения диахронической сторо-

ны словообразовательных связей и отношений предлагают использовать термин «производность», а для обозначения синхронической стороны – «словообразовательная мотивация» [8, с. 56].

В данной статье мы придерживаемся этого же мнения и вслед за И.С. Улухановым и другими учёными разграничиваем термины с целью более точного применения синхронно-диахронического подхода к описанию языковых единиц.

Объектом нашего исследования являются качественные адъективы, оканчивающиеся на *-кий*. Предмет исследования – те изменения, которые наблюдаются в словообразовательной структуре прилагательных. Чтобы выявить эти изменения, мы попытались один и тот же материал – адъективы на *-кий* – рассмотреть одновременно с синхронной и с диахронической точек зрения.

Такой подход И.С. Улуханов назвал синхронно-диахроническим. По мнению учёного, синхронно-диахроническим следует считать «не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» [20, с. 5].

Прилагательные на *-кий* неоднократно привлекали учёных-лингвистов. Одним из первых на образование прилагательных на *-к(ий)* обратил внимание исследователь И. Тимковский. Учёный отмечал, что слова *робкий, зыбкий, колкий, пылкий* и др. образуются от имени или глагола при

помощи *-к-* (окончания – по терминологии И. Тимковского) [19, с. 12]. Более глубокое и детальное описание прилагательных с суффиксом *-к-* дал Г. Павский, выделивший две группы: отыменные и отглагольные образования. Исследователь отметил, что отглагольные прилагательные с суффиксом *-к-* присоединяются непосредственно к корням, отбрасывая показатели глагольных классов, и связывал это с тем, что последние означают действие, состояние или большее или меньшее продолжение времени действия, что утрачивается в именах [14, с. 87-88].

Отдельные примеры прилагательных на *-к(ий)* описывают В. Стоюнин [18] и С. Абакумов [1].

В современном языкознании В.В. Виноградов обращает внимание на существование двух групп прилагательных на *-к(ий)*. В первом случае прилагательные образованы при помощи суффикса *-к-*, имеющего значение ‘характеризуемый каким-либо действием, такой, что легко, постоянно делает что-нибудь, или такой, с которым легко или часто делается что-нибудь или можно легко делать что-нибудь’. Как отмечает учёный, есть ряд прилагательных, в которых суффикс *-к-* утрачивает свою морфологическую индивидуальность (*крепкий, резкий*). Такой процесс В.В. Виноградов назвал «семантическим омертвлением» суффикса *-к-* [5, с. 210]. Данную точку зрения поддерживает Е.А. Земская. Исследователь пишет, что «в XIX веке прилагательные с суффиксом *-к-* теряли связь с производящими глаголами и очень интенсивно подвергались опрощению, которое вызывалось семантическим омертвлением суффикса» [12, с. 428].

Н.М. Шанский отмечает ещё одну

особенность суффикса *-к-*. «Этот производящий суффикс нельзя смешивать с вторичным суффиксом прилагательности (из *-ькь-*), присоединявшимся когда-то к основам прилагательных для более яркого выражения признака, например, *жёсткий, мелкий, редкий, тонкий, узкий, близкий, дерзкий, краткий, сладкий* и др.» [6, с. 286].

В настоящее время наличие двух групп прилагательных на *-к(ий)* (первая группа – прилагательные с ясной словообразовательной структурой и живыми связями с мотивирующим словом, вторая – прилагательные с семантически «мёртвым» суффиксом) признаётся многими учёными.

Дальнейшая полемика разворачивается относительно статуса элемента *-к-* в тех прилагательных, в которых происходит его «семантическое омертвление». В одних словарях элемент *-к-* отождествляется с суффиксом, в других же рассматривается как конечный согласный основы.

В настоящей статье развитие словообразовательной структуры качественных адъективов на *-кий* представлено с позиции соотношения исторической производности и современной мотивации.

Качественные адъективы на *-кий*, зафиксированные современными словарями, с точки зрения развития словообразовательной структуры могут быть четырёх типов: 1) слова, сохранившие производящие, но не имеющие мотивирующих; 2) прилагательные, сохранившие производящие и имеющие мотивирующие; 3) адъективы, имеющие мотивирующие, но утратившие производящие; 4) слова, не имеющие мотивирующих и утратившие производящие.

Первый тип представляет собой немотивированные прилагательные на *-кий*, сохранившие производящие, которые в современном языке перестали соотноситься с прилагательными по значению. Так, немотивированное в современном русском языке прилагательное *бойкий* ‘расторопный’ в истории языка имело значение ‘драчливый, воинственный’ и было образовано от существительного *бой* со значением ‘драка, битва’. В синхронии данное прилагательное теряет связь со словом *бой*. Слово *ловкий* ‘искусный в охоте’ имел производящее – глагол *ловить* ‘охотиться’. Сейчас прилагательное обозначает ‘обладающий физической сноровкой’ и не связано с глаголом *ловить*. Адъектив *тяжкий* (форма возникла вместо *тягькь* в результате влияния форм с *ж*: *тяжь, тяжии* – сравнительная степень от *тягькь*) произошёл от существительного *тяга*, образованного с помощью темы *-а-* от **tegti* ‘тянуть’. С течением времени изменяется значение существительного *тяга* (в современном языке ‘движущая сила; совокупность машин’) и утрачивается его связь с производным. Словообразовательная структура качественных адъективов данного типа изменяется.

Следующий тип представлен качественными адъективами, оканчивающимися на *-кий*, у которых сохранились производящие слова, которые в современном языке также являются мотивирующими, т. е. производность и мотивированность совпадают. Следует отметить, что таких слов самое большое количество (порядка 60%) и время их появления в русском языке – XV-XVII вв. Производящими были как глаголы, так и имена. Приведём следу-

ющие примеры (сначала указывается диахроническая производность, а потом современная мотивированность):

зыбити —> зыбкий: зыбить —> зыбкий;

колоти —> колкий: колоть —> колкий;

сыпати —> сыпкий: сыпать —> сыпкий;

хватати —> хваткий: хватать —> хваткий.

Значительно меньше отыменных адъективов на *-кий*, у которых совпадают производность и мотивированность:

жарь —> жаркий: жар —> жаркий;

прыть —> прыткий: прыть —> прыткий;

слизь —> слизкий: слизь —> слизкий;

Отдельно следует остановиться на словах, которые были образованы от одних производящих, а синхронно мотивируются совершенно другими словами. Л.К. Жаналина мотивацию такого типа называет антропометрической словообразовательной мотивацией, которая «является результатом тех или иных языковых изменений и возникает вследствие потери с производящим семантической или формальной соотносительности, изменения структуры производного слова по сравнению с производящим и т. д.» [9, с. 94]. Словообразовательная структура и морфемный состав данных слов не изменяется с течением времени, несмотря на смену мотивирующего.

Современное прилагательное *терпкий* обозначает ‘кислый, вяжущий, вызывающий оскмину’ и мотивируется глаголом *терпнуть*. Исходное же значение слова ‘такой, от которого немеют зубы’ произведено от глагола **terpeti* >

терпеть. Словарь В.И. Даля ещё фиксирует значение ‘терпеливый’ у данного прилагательного, употребление которого ограничено территориально (Пск.). Таким образом, на уровне отдельных значений, хотя и диалектных, связь с глаголом *терпеть* у адъектива в XVIII-XIX вв. ещё сохранялась. Другой пример: слово *садкий*, отмеченное в словаре В.И. Даля, обозначало первоначально ‘надсадный, досадный, огорчительный’ и соотносилось по образованию с глаголом *саднить*. Сейчас это значение утрачено, а современные значения прилагательного: *садкая ткань* – ‘которая садится’ и *садкая масса* – ‘дающая осадок’ – мотивированы глаголом *садиться*.

Следующие прилагательные образованы от утраченных современным языком слов и синхронно мотивируются теми словами, которые, в свою очередь, также были образованы от этих утраченных производящих. Таким образом, от утраченных языком слов образованы и те слова, которые сейчас являются мотивирующими, и слова, являющиеся мотивированными. Так, слово *жалкий* ‘вызывающий сочувствие’ образовано от прилагательного *жаль* ‘жалкий’, не сохранившегося в языке. От этого же прилагательного был образован и глагол *жалеть*, являющийся в современном языке мотивирующим для адъектива *жалкий*. Адъектив *робкий* и глагол *робеть* образованы от существительного *робь* ‘раб, слуга’, хотя по значению они соотносятся со значением ‘ребёнок’ (*робеть* ‘быть подобным ребёнку’, *робкий* ‘по своему поведению подобный ребёнку’). В современном языке прилагательное *робкий* ‘склонный робеть’ мотивируется глаголом.

Среди исследуемых прилагательных достаточно большую группу составляют слова, которые не имеют мотивирующей базы и утратили производящие слова. В морфемной структуре этих слов происходит опрощение. С точки зрения происхождения данные адъективы восходят к именам (прилагательным и существительным), и к глаголам. Следует сказать, что этот пласт прилагательных на *-кий* является наиболее древним, так как образованы они в древнерусский период либо пришли в русский язык из праславянского языка.

Адъективы, исторически соотносимые с именами прилагательными (*близкий* – *близъ*, *великий* – *велъ*), образованы при помощи 'вторичного суффикса прилагательности' *-ѣк-*, который, по мнению учёных, мог использоваться в праславянском языке в качестве нейтрального формант-распространителя при адъективации имён, обозначающих как предмет, так и признак [10]. По сути, древний суффикс *-ѣк-* в данных прилагательных выполняет грамматическую функцию, указывая на частеречную принадлежность слов.

Всего два прилагательных восходят к именам существительным: *ёмкий* образовано от *емъ* 'то, что собрано' при помощи *-ѣк-*; в современном языке *ёмкий* немотивированное слово; *лёгкий* произведено от *лъга* 'лёгкость, свобода', сейчас данное прилагательное является немотивированным.

От глаголов, которые позднее были утрачены русским языком, образовались следующие слова: *чёткий* от *чѣсти* 'читать'; *кроткий* от *кротити* 'успокаивать'; *чуткий* от *чути* 'чувствовать'; *юркий* от *юрити* 'суетиться'.

Прилагательные данного типа также являются немотивированными в современном русском языке.

Таким образом, развитие словообразовательной структуры качественных адъективов, оканчивающихся на *-кий*, происходит по-разному. В одних типах прилагательных словообразовательная структура совершенно не меняется, в них исторически производящие слова (в основном глаголы) в современном языке являются и мотивирующими. В других типах адъективов происходят значительные изменения: утрата языком производящих слов может наблюдаться как у мотивированных, но уже другими словами, так и у немотивированных прилагательных; сохранение исторических производящих у немотивированных с позиции синхронии адъективов вызвана разрывом их семантических связей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М.: Советская наука, 1942. 155 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т.. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 384 с.
4. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 486 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 785 с.
6. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. М.: Издательство Московского университета, 1964. 344 с.
7. Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современ-

- ном русском языке: автореф. дис...д-ра наук. М., 1966. 43 с.
8. Жаналина Л.К. Подготовка учителя-билингва в педагогическом вузе. Алматы: Ана тілі, 1998. 186 с.
 9. Жаналина Л.К. Сопоставительное словообразование русского и казахского языков. Алматы: Ана тілі, 1998. 112 с.
 10. Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI-XVII вв. М.: Наука, 1986. 112 с.
 11. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 221 с.
 12. Земская Е.А. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском языке XIX века. М.: Наука, 1964. 600 с.
 13. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.
 14. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2-е. Отделение 2-е. Об именах прилагательных, числительных и местоимениях. 1850. 335 с.
 15. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
 16. Словарь иностранных слов/ под ред. И.В. Лехина и Ф.П. Петрова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. 858 с.
 17. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 432 с.
 18. Стоюнин В. Высший курс русской грамматики. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 167 с.
 19. Тимковский И. Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков: Университетская тип., 1811. 310 с.
 20. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможности синхронно-диакронического описания языка) // Вопросы языкознания 1992. № 2. С. 5-18.

УДК 81-133

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-45-51

Михайлова М.Ю.*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара)*

ПРИЁМ ПРОЗОПОГРАФИИ

Аннотация. Показано, что прозопография как приём описания вымышленного существа обладает собственной системой средств выражения. Последняя обнаруживает сопряжённое сосуществование с планом передачи функционально-семантической категорией невыразимого, поскольку значение невыразимого как характеристическая черта имманентно присуще миру трансцендентального. Средства выражения прозопографии распределяются по трём частям, соотносимым с этапами восприятия нового. Вводная часть содержит неопределённые местоимения с аффиксами *не-* и *-то*, последовательно аудиальную (факультативно обонятельную и/ или осязательную) и визуальную лексику, «отрицательные определения». Вводная часть прозопографии способна содержать синтаксические конструкции *то ли..., то ли...; не то..., не то...; не..., не..., а...* Основная часть включает «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода, местоименный субстантиват *оно* в значении 'небывалое существо'. Если в прономинативе *оно* актуализировано значение 'нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое', это – не прозопография. Заключительная часть прозопографии содержит конкретное существительное, нарицательное и/ или собственное, окказиональный субстантиват.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, невыразимое, стилистический приём, прозопография, описания вымышленного существа, описательная лексика, неопределённые и личные местоимения, отрицательные определения, анализ художественного текста, номинативная цепочка.

M. Mikhailova*Samara State Academy of Social Sciences and Humanities*

PROZOPOGRAPHY METHOD

Abstract. It is shown that prosopography as a method of description of a fictional being possesses its own system of expressive means. The system finds the coexistence with the aspect of the transfer of functional and semantic category of inexpressible, because the meaning of inexpressible as a characteristic feature is related to the transcendent world. The means of expression of prosopography are distributed by three parts, correlated to the stages of perception of new. The introduction contains indefinite pronouns with affixes *ne-* and *-to*, consistently audio (optionally olfactory and / or tactile) and visual vocabulary, "negative attributes". The introduction can contain syntactic constructions *to li..., to li...; ne to..., ne to...; ne..., ne..., a...* The main part includes "a kaleidoscope of nominations", various in grammatical gender category, pronominal substantive it in the meaning of 'unknown creature'. If the meaning of it is 'something difficult to verbalize, terrible, inevitable' it is not a prosopography. The final part

of prosopography contains a concrete noun, common and / or proper, occasional substantive. *Keywords:* functional and semantic category, inexpressible, stylistic device, prosopography, description of a fictional being, descriptive vocabulary, indefinite and personal pronouns, negative attributes, analysis of the literary text, nominative chain.

Термин прозопография многозначен. Одно из его значений – это «вид дескрипции, состоящий в описании вымышленного существа (чёрта, лешего etc.)» [6, с. 590]. Очевидно, что дескрипции, описывающие вымышленное существо, обладают спецификой средств выражения, поскольку адресат речи не «знаком» с вымышленным существом эмпирически.

Целью настоящего исследования является изучение плана выражения дескрипций, описывающих вымышленное существо. Названная цель мотивирована общей темой изучения функционально-семантической категории невыразимого в русском языке, которая активно исследуется в лингвопоэтике, в литературоведении и искусствоведении, но ещё не стала предметом специального изучения в качестве самостоятельной функционально-семантической категории в русистике. Материалом для исследования послужили 27 произведений классиков русской литературы XIX в. и современных авторов художественных текстов, беллетристики, литературы для детей и проч. Общее количество словоупотреблений, выявленных методом сплошной выборки, – 240. Осуществлённый нами лингвистический анализ показал, что значительная часть примеров прозопографии соотносится с планом выражения функционально-семантической категории невыразимого – 75%.

При описании вымышленного существа или inferнального образа адресант испытывает необходимость

обратиться к семантике невыразимого, ср. с замечанием Г.С. Сырицы: «невыразимым, по сути своей, является трансцендентный мир, причём неизъяснимыми предстают как божественное начало мира, так и демонические проявления» [7, с. 294].

Семантика невыразимого – это самостоятельная функционально-семантическая категория русского языка, обладающая инвариантом значения и системой средств выражения, представленных на разных уровнях языка (*неописуемый, невыразимый, непередаваемый; ни в сказке сказать, ни пером описать; слов нет* и т. п.). Значение невыразимого как характеристическая черта имманентно присуще миру трансцендентального, в содержательные компоненты которого входят теизм, мир сакрального, мир предков (мёртвых) / загробный мир. В лингвистике семантика невыразимого активно изучается в лингвопоэтике [4; 3; 8].

Осуществлённый нами лингвистический анализ примеров прозопографии, позволил выявить типичные средства описания вымышленных существ, применяемых как план выражения семантики невыразимого. Таковы: 1) неопределённые местоимения с аффиксами *не-*, *-то*; 2) отрицательные определения (*неописуемый, невыразимый, непередаваемый* и проч.) и их дериваты (*неописуемо, несказанное* и проч.); 3) местоименный субстантиват *оно* в значении ‘небывалое существо’; 4) синтаксические конструкции (*то*

ли..., то ли...; не то..., не то...; не..., не..., а ...).

Для удобства характеристики средств выражения подразделяем прозографию на три части: вводную, основную и заключительную. В вводной части дефиниции, описывающей вымышленное существо, как правило, представлены неопределённые местоимения с аффиксами *-то* или *не-*. Вводную часть начинает преимущественно дескриптивная лексика с аудиальным модусом перцепции. К ней факультативно способна добавляться обонятельная или осязательная лексика. Затем следует визуальная лексика.

В основной части прозографии часто присутствует «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода.

В работе применяется удачная научная метафора термин «калейдоскоп наглядно-чувственных образов, отражающих ситуацию» [2]. Речь идёт о смене денотатов в предделе предложения или сложного синтаксического целого. Применительно к нашему языковому материалу справедливо говорить о «калейдоскопе номинаций», различных по грамматической категории рода. Мужской, женский, средний род появляются в основной части прозографии «рондомно». Далее в дефиниции следует особое употребление местоимения *оно* (субстантивированное). И.Е. Шувалова характеризует его как оценочно-модальное [10, с.153].

Лингвистический анализ собранного нами материала показал, что следует различать два лексико-семантических варианта субстантивата *оно*: 1) 'антропоморфное существо' и 2) 'нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое'. В основной части дефиниции

могут быть представлены синтаксические конструкции с повторяющимися союзами *не то... не то; то ли..., то ли..., конструкция не ... и не..., а...* Завершает прозографию номинация существительное. В заключительной части, как правило, представлены имя собственное, окказиональная номинация или окказиональный отадьективный субстантиват.

Типовое развёртывание номинативной цепочки не всегда содержит все названные номинации. Но в целом порядок их следования при описании вымышленного существа именно таков. Показательные примеры содержит беллетристика, которая, как правило, старается придерживаться канонов прозографии, напр.:

(1) *Внезапно на шкафу кто-то противно захихикал (...). Девочка вскинула голову, и тотчас на лоб ей свалился мерзкий вонючий бумажный ком (...). На плечо Тане прыгнуло небольшое противное существо с жирным телом, покрытым жёсткими сальными волосами. У него была крошечная голова с морщинистым лбом, короткие кривые ноги с цепкими пальцами, длинный, голый, розоватый, как у крысы, хвост* (Дм. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас).

Во вводной части (1) представлена аудиальная лексика (*захихикал*), к которой подключается лексика с обонятельным модусом перцепции (*вонючий*) и неопределённое местоимение (*кто-то*). В основной части гипероним *существо* сопровождается визуальной характеристикой (*жирное тело; крошечная голова с морщинистым лбом; розоватый, как у крысы, хвост*).

В современной прозе часто представлен сокращённый вариант номи-

нативной цепочки. Всё же и в этом случае последовательно даётся дескриптивная лексика, передающая звуки, потом визуальная, потом приводятся «странности». Например, в начале сказки С. Юрского сообщается, что старик потерял юмор. Старик пугается, размышляет, слышит «голос», видит темноту, снова слышит нахальный голос.

(2) *А голос как ухнет нахально:
- Будто ба!*

*Гикнулся старик к дверям, да так тетехнулся лбом о притолку, что вспух на лбу **небывалый** синяк. Осветилась от него изба **неземным** ультрафиолетовым светом. Насквозь всё видно стало (...).*

Как видно из примера, «странности» сопровождаются лексемами семантики невыразимого (*небывалый, неземной*). Далее описывается, как старик всё отчётливо и насквозь видит, «*будто телескопы на глаза надел*».

*А посреди избы – **то ли стоит, то ли в воздухе плавает** – **ОНО** – вроде плотное, а прозрачное, в пиджаке, с плечами и при галстуке, а на длинной голой шее птичья голова. Рукава на рубашке кружевные, из-под них перья. Порты в сапоги запровлены. Один сапог рваный, и из дыры коготь торчит. Когтем **ОНО** себя за щель в полу придерживает, чтоб к потолку не улететь – лёгкое! Покачивается.*

Вымышленное существо часто передаётся в прозопографии графически отмеченным субстантиватом оно. Графическое выделение в подобных случаях есть показатель особого, субстантивного употребления местоимения, см. об этом [5; 9; 10]. В основной части прозопографии приводится конструкция с семантикой приблизительности,

хотя в данном примере она относится не к номинации, а к предикации (*то ли стоит, то ли в воздухе плавает*).

В основной части прозопографии даётся визуальная характеристика вымышленного существа (*в перьях, сапог рваный, коготь торчит*).

Заключительная часть прозопографии представлена нарицательным именем существительным (*чудище*) и собственным (*Птица-Джентльмен Феликс Мария Удаль-Ман*):

*- А чего ещё с тобой делать? – скрипит **чудище**. – Я есть **Птица-Джентльмен Феликс Мария Удаль-Ман**.*

В стихотворении А. Битова «Открытое окно. Переделкино» основная часть прозопографии содержит номинации с отрицанием и сравнительный оборот:

(3) *Как труп я на полу лежал, как в пораженье. Тогда приблизилось **Оно** – не чёрт, не ангел, – как будто бы влетел в окно пришелец наглый (А. Битов. Открытое окно. Переделкино).*

В рассказе для детей В. Постникова «Удивительные похождения нечистой силы» описываются приключения Лешего, Кикиморы, Бабы-Яги в городе у Домового.

(4) *Остаток ночи и весь следующий день вся компания опять проспала дома у Домового. Кикимора даже просыпалась посреди ночи – так ей было страшно. (...). Она вскочила на ноги (...) пошла на кухню пить воду из-под крана. Кикимора отвинтила краник и подставила под кран ладошки, но оттуда вместо холодной воды послышалось какое-то жуткое мычание: ММММММ - УУУУУУ - ММММММ - УУУУ-УУУУ!!!!!!*

В (4) вводной части прозопографии сначала даётся дескриптивная лексика

аудиального модуса перцепции (*жуткое мычание*).

- Ты чего это носилась по комнате как очумелая? – спросил у Кикиморы Водяной (...)

- Я хотела водички попить, а **оно** как замычит, – оправдывалась Кикимора.

- Кто это – **ОНО**??? – вытаращив глаза, любопытствовал Леший.

В основной части – это местоименный субстантиват *оно*.

В заключительной части прозопографии даётся имя собственное *Водопроводный*:

- Я, кажется, знаю, про кого говорит Кикимора, – отозвался Домовой. Это мой сосед мычал из трубы. Он специалист по трубам. Его – **Водопроводным** зовут. Он плавает по трубам и пугает людей своим мычанием.

Интересен пример из неоконченной повести М.Ю. Лермонтова «Штосс». Прозопография привидения предваряется рассуждением о мире воображения художника:

(5) Не случилось ли вам на замороженном стекле или в зубчатой тени, случайно брошенной на стену каким-нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить их на бумагу! вам не удастся (...). В лице портрета дышало именно то **неизъяснимое**, возможное только гению или случаю.

Следовательно, описание привидения в повести М.Ю. Лермонтова – не просто сюжетный ход, это – постановка важной проблемы экфрасиса, то есть возможности вербального описания произведения изобразительного искусства. Попутно заметим, что

между семантикой невыразимого и лингвистической проблемой экфрасиса – отношения сопряжённого сосуществования.

В эпизоде, предваряющем появление привидения, уже представлены средства выражения семантики невыразимого: «отрицательное определение» *невообразимый* и дериваты отадъективных субстантиватов (*непостижимое, неизъяснимое*). Н.М. Азарова замечает: «Средний род обладает не только семантикой обобщения, но и потенцией абстрагирования как выражения предзаданной идеи. В то же время прилагательные среднего рода являются типологической чертой русского философского текста, особенно первой половины XX в.: *невыразимое, непостижимое, родное и вселенское* и др.» [1].

Во вводной части примера прозопографии (5) сначала слышатся шаги, потом веет холодом. Далее приводится «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода:

Когда дверь отворилась настежь, в ней показалась **фигура** в полосатом халате и туфлях: то был седой сгорбленный **старичок**; он медленно подвигался приседая; лицо его, бледное и длинное, было неподвижно; губы сжаты; серые мутные глаза, обведённые красной каймой, смотрели прямо без цели.

Итак, номинативная цепочка содержит «калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода: *фигура* (ж. р.) → *старичок* (м. р.). Далее в прозопографию входит приём употребления безличной конструкции:

- Что вам надобно? – сказал Лугин с храбростью<ю> отчаяния.

- Под халатом вздохнуло.

Безличная форма глагола очевидно коррелирует со средним родом.

Старичок зашевелился на стуле (...).

«Хорошо, – подумал Лугин, – если это **привидение**, то я ему и не поддамся».

«Калейдоскоп номинаций», различных по грамматической категории рода, продолжается: *старичок* (м. р.) → *привидение* (в мысленной речи Лугина, ср. р.).

Лугин поставил семёрку бубен и она с оника была убита; **старичок** потянул руку и взял золотой. – Ещё талью! – сказал с досадою Лугин. **Оно** покачало головою. – Что же это значит? – В середу, – сказал старичок (М.Л ермонтов. Штосс, 1841).

Таким образом, прозопрография в (5) составляет такую цепочку: *фигура* (ж. р.) → *старичок* (м. р.) → *он* (м. р.) → *привидение* (ср. р.) → *старичок* (м. р.) → *оно* (ср. р.) → *старичок* (м. р.).

Изменчивая игра грамматической категории рода в номинативной цепочке активизирует читательское воображение, заставляет читателя следить за развитием сюжета, верить в правдоподобие происходящего, но и не забывать, что старичок – привидение.

Показательным в примере является употребление прономинатива *оно*. Оно не следует за существительным среднего рода (*приведение*), а по смыслу и анафорически соотносится со словом *старичок*. Что это? Авторская небрежность? Безусловно, нет. Это – намеренный приём прозопрографии. Это актуализация читательского внимания путём намеренного нарушения по категории рода.

Попутно заметим, что если в основной части прозопрографии актуализирован лексико-семантический вариант

субстантивата *оно*: ‘нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое’, а не значение ‘небывалое существо’, то это – не прозопрография. Ср. пример сходной цепочки номинаций в концовке романа М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вводная часть описания содержит неопределённое местоимение, синтаксическую конструкцию с отрицанием (*нечто; не то ливень, не то смерч*):

(6) *Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч нечто неслось на город: не то ливень, не то смерч.*

Основная часть описания – аудиальная лексика (*грохоча, гудя и стенья; какие-то глухие, каркающие звуки*). Местоименный субстантиват *оно* графически отмечен.

Полное гнева, ОНО неслось, бурвя землю, грохоча, гудя и стенья и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было ещё не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели (...).

В прономинативе *оно* актуализировано значение ‘нечто трудно вербализуемое, страшное, неотвратимое’. Это не вымышленное существо; подсказкой природного толкования описания являются аудиальная и визуальная характеристика: обычно так изображают грозу. Конечно, М.Е. Салтыков-Щедрин намеренно допускает диффузное употребление субстантивата *оно*, что порождает множественность толкований. Применительно к такому употреблению прономинатива *оно* правомерным будет замечание Н.М. Азаровой, сказанное по другому поводу: «Средний род концептуализируется как нечто вне пола, но и, что не менее важно, вне одушевлённости»

[1]. В заключительной части описания не содержится ни конкретного нарицательного или собственного имени существительного, ни окказионального субстантивата:

Оно пришло...

Следовательно, такое употребление субстантивата *оно* нельзя отнести к приёму прозопографии, хотя последовательность развития описания является сходной. Различие здесь содержится в актуализации разных лексико-семантических вариантов прономинатива, что обусловлено, в свою очередь, текстовым заданием.

Осуществлённое нами исследование плана выражения описаний, описывающих вымышленное существо, показало, что приём прозопографии содержит собственную систему средств выражения, которая обнаруживает сопряжённое сосуществование с планом передачи семантики невыразимого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азарова Н.М. Поэтическая грамматика Айги. К преимуществам межъязыкового мышления [Электронный ресурс]. - http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi (дата обращения: 16.07.2015).
2. Бабайцева В.В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 168 с.
3. Гаврилова М.В. Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 297-305.
4. Заика В.И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород: Новг. гос. ун-т, 2006. 407 с.
5. Косицкая Г.Г. Графически маркированные местоимения в языке художественной прозы Л. Леонова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972. Вып. 1. С. 138-151.
6. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.
7. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки в современном мире. М.: МГУ, 2009. С. 294-295.
8. Сырица Г.С. Актуализация авторских смыслов в художественном смысле. Лингвопоэтический аспект. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 160 с.
9. Фёдоров М.Л. Местоимения, выделенные курсивом, в лирике Ин.Анненского // Русская речь. 2005. № 4. С. 15-21.
10. Шувалова И.Е. К вопросу о субстантивации местоимений в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43. Филология. Искусствоведение. Вып. 39. С. 153-158.

УДК 81-139

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-52-58

Моисеенко А.В.*Череповецкий государственный университет***ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ТЕКСТА**

Аннотация. В статье формулируются три эколлингвистических принципа анализа русскоязычного газетного текста экологической направленности – принцип разнообразия, принцип взаимодействия системы и окружающей среды, принцип эмерджентности. Автор описывает такие компоненты текста как тема; участники и отношения между ними; цель; презентация, структура и языковые особенности текста. Последний компонент представлен контекстуальными синонимическими рядами, картой ключевых глаголов текста, различными типами оформления ссылок на источник информации. Выявлено, что анализируемый текст как цельная система характеризуется официальным регистром, модальностью неуверенности и полифоничностью.

Ключевые слова: эколлингвистика, эколлингвистический принцип, контекстуальный синоним, контекстуальный синонимический ряд, лингвоцинизм.

A. Moiseenko*Cherepovets State University***ECOLOGICAL PRINCIPLES OF TEXT DESCRIPTION**

Abstract. In the paper, three ecolinguistic principles are formulated to analyze the Russian newspaper text concerning ecological subject – the diversity principle, the principle of interaction between system and environment, the principle of emergent property. The author describes such components of the text as the topic, participants and relationship between them, the purpose, design, structure and linguistic features of the text. The last component comprises contextual synonymic sets, the map of key verbs and various types of attribution. Three basic features that characterize the text as an integral system are official register, uncertain modality and polyphony.

Keywords: ecolinguistics, ecolinguistic principle, contextual synonym, contextual synonymic set, linguo-cynicism.

Экологический подход в современной лингвистике находит всё большее распространение. Как зарубежные, так и отечественные лингвисты отмечают, что постепенно эколлингвистика приобретает черты самостоятельного направления, уточняются её объектные и предметные области, формируется перечень актуальных проблем, выявляются зоны взаимодействия с другими дисциплинами и пополняется методологический инструментарий [2, с. 62]. Перечислим лишь некоторые актуальные темы эколлингвистических исследований: сохранение язы-

кового равновесия, загрязнение речевого пространства, экологические теории усвоения иностранных языков, разработка эколлингвистической методологии анализа текста [8, с. 24].

Особенно важным и проблемным вопросом, как нам представляется, является формирование собственно эколлингвистических принципов анализа языкового материала. В связи с этим цель данной статьи – описать три эколлингвистических принципа анализа русскоязычного текста экологической направленности, а именно принципа эмерджентности, принципа необходимого разнообразия и принципа взаимодействия системы и окружающей среды.

Исходя из цели, в данном исследовании решаются следующие задачи: 1) сформулировать три принципа эколлингвистического анализа; 2) выявить базисные компоненты текста; 3) описать каждый компонент с опорой на принцип взаимодействия системы и окружающей среды; 4) согласно принципу эмерджентности определить характеристики текста как цельной системы. Заявленные в нашем исследовании методологические принципы являются базовыми принципами в экологии, носят аксиоматический характер, следовательно, принимаются как исходные и не требуют доказательств.

В качестве эмпирического материала выбрана русскоязычная газетная статья О. Цветкова «ЦБК – под вопросом», опубликованная в региональной независимой общественно-политической газете «Череповецкая истина» № 012 (128) от 19 июня 2015 года и посвящённая одной из актуальных и значимых тем для данного региона

Вологодской области – строительство целлюлозного комбината [6, с. 1-2].

Первый принцип – **принцип необходимого разнообразия** – заключается в том, что любая экологическая система базируется на совокупности различных элементов [4, с. 46]. В нашем случае в качестве анализируемой системы выступает газетный текст экологической направленности, фундаментом которого являются следующие элементы: 1) тема; 2) участники; 3) отношения между участниками; 4) цель; 5) тип носителя, на котором представлен текст; 6) структура текста; 7) визуальное сопровождение, 8) языковые особенности текста. Следует отметить, что в отношении каждого из этих компонентов работает второй экологический принцип – **принцип взаимодействия системы и окружающей среды** [4, с. 59], заключающийся в наличии двунаправленной зависимости между указанным элементом и описываемым социальным событием.

Так, все выделенные выше базисные компоненты статьи отражают внешнюю действительность, событие, ситуацию. Первые четыре элемента (тема, участники, отношения между участниками, цель) воспроизводят ситуацию на уровне макроконтекста; в то время как последние четыре компонента (тип носителя, структура, визуальное сопровождение, лингвистическая характеристика) выявляют специфические характеристики и особенности отображения события в тексте газеты, т. е. на уровне микроконтекста.

Перейдём к краткому описанию заявленных выше компонентов.

Тема статьи – строительство целлюлозного комбината – отражает

окружающую нас действительность и характеризуется тремя чертами. Тема актуальна, географически она затрагивает территорию, которая хорошо знакома жителям города, здесь очевидно работает постулат: актуально то, что происходит рядом и может затронуть непосредственно каждого жителя города.

Кратко осветим историю вопроса. В 2013 году было подписано соглашение о строительстве крупнейшего в стране целлюлозного комбината в Вологодской области. В настоящее время нет точной информации, где именно планируется строительство, обсуждается несколько площадок, включая Череповецкий район. Следует отметить, что Череповец, город с населением около 320 000 человек, является промышленным центром, где работает несколько крупных предприятий металлургического и химического циклов. Именно по этой причине жители Череповца выступают против строительства ещё одного предприятия, из-за работы которого под угрозой загрязнения могут оказаться Рыбинское водохранилище, массивная лесополоса и Дарвинский заповедник.

Таким образом, данная тема активно освещается в региональных СМИ, обсуждается в социальных сетях, а значит, тематика статьи знакома большому числу потенциальных читателей. Автор статьи подаёт материал в «мягкой форме», т. е. последовательно излагает суть вопроса, сообщает новые факты, приводит мнения сторон. Тема также обладает драматическим потенциалом, поскольку она связана с конфликтной ситуацией, что выделяет её среди других тем данного регионального издания и фиксирует внимание читателя. Заголовок является важным

элементом текста, в наше случае заголовок «ЦБК – под вопросом» состоит из трёх лексем, содержит аббревиатуру, сжато и кратко суммирует основное содержание статьи.

Участниками на уровне макротекста являются автор статьи, представляющий определённое региональное издание, и читатели. На уровне микроконтекста, т. е. контекста ситуации, в тексте, с одной стороны, представлены сторонники строительства комбината, с другой стороны – противники; связующим звеном являются представители правозащитных и общественных организаций. Примечательно собственно языковое обозначение в тексте двух противоборствующих сторон: инициаторы проекта – это *правительство Вологодчины, владелец ОАО Северсталь, представитель крупного бизнеса, представитель власти и заказчика, инвестор, олигарх, хозяин*; а противники – *население, жители, череповчане, граждане РФ, бессловесная биомасса*. Очевидно, что содержательный компонент значения лексем *владелец, инвестор, хозяин, олигарх* указывает на наличие власти, авторитета и финансовых ресурсов у сторонников проекта. Для обозначения противников используются собирательные существительные и существительные во множественном числе. Эта группа участников конфликта в численном отношении превосходит первую группу, однако не обладает властью и финансами, что отчётливо выразилось в использовании словосочетания с уничижительным коннотативным компонентом – *бессловесная биомасса*.

Интересным моментом является наличие треугольника лексем: *череповчане – граждане РФ – бессловесная*

биомасса. Во-первых, здесь происходит пересечение идентичностей – региональной и национальной [9, с. 79]. Во-вторых, возникает некое противопоставление: с одной стороны, у жителей есть право и желание выразить свою гражданскую позицию, поскольку они являются гражданами Российской Федерации, но с другой стороны, часть предложения «... *череповчане абсолютно не согласны выступить в роли бессловесной биомассы*» указывает на отсутствие реальной социальной активности. С точки зрения экологической лингвистики, лексема *биомасса*, употреблённая в значении «большое число людей», является лингвоцинизмом – словом, которое отражает «негуманистичность социального мышления» и вызывает отрицательную этическую реакцию [5, с. 100].

Таким образом, уже в аспекте наименования участников прослеживается конфликт не только экологического характера, но и социального, поскольку противоборствующими сторонами являются представители различных социальных страт.

Отношения между участниками конфликта определяются различным социальным статусом и характеризуются как отношения формальные и дистанцированные. Объединяющим аспектом в данном случае является вовлечённость обеих сторон и желание повлиять на принятие окончательного решения.

Цель опубликованной статьи – информировать жителей города об обсуждении спорных моментов проекта на заседании Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии в Государственной Думе 21 мая 2015 года.

Представляется важным указать **тип носителя**, на котором опубликован текст, бумажный или электронный, поскольку во втором случае текст имеет особую структуру и обладает большей интертекстуальностью [1, с. 64]. Текст, находящийся в фокусе нашего исследования, представлен на бумажном носителе; занимает центральное положение на первой странице газеты и продолжается на второй.

Структура анализируемого новостного текста состоит из следующих частей: заголовок, далее следует краткое изложение статьи; текст имеет форму перевернутой пирамиды [7, с. 63], когда в первой части излагается суть конфликтной ситуации, затем следует менее значимая информация – интервью с председателем регионального отделения «Общественного экологического контроля России» с подзаголовком «Заседание в Госдуме», в третьей части статьи под заголовком «Дела протокольные» приводится выписка из протокола заседания в Госдуме. Языковой особенностью краткого изложения текста статьи является скопление модальных частиц (*отнюдь, якобы*), что отражает неуверенность автора в правдивости излагаемой информации.

Визуальным сопровождением текста является фотография на первой странице газеты, изображающая одного протестующего с плакатом в руках на фоне здания Государственной Думы в Москве. Попытаемся проанализировать изображение в рамках теории визуальной грамматики [3, с. 163-164]. С точки зрения этой концепции, любое изображение представляет собой предложение, которое оформляется не словами, а визуальными элементами,

при этом так же, как и традиционное предложение, визуальное предложение может быть прочитано и интерпретировано. Интерпретация визуального предложения может совпадать по смыслу с текстом, а может и не совпадать. В визуальном предложении, подобно подлежащему и сказуемому в обычном предложении, выделяются такие компоненты, как участники (люди, объекты) и процессы – то, что происходит с участниками, как правило, эти процессы конструируются читателями самостоятельно. В данном случае в роли группы визуального подлежащего выступает изображение здания Государственной Думы и изображение протестующего человека. Здание и фигура человека разделены многополосной проезжей дорогой, которая разъединяет участников и сигнализирует о наличии противоположных точек зрения.

Таким образом, читатель получает возможность идентифицировать участников конфликта, оценить их социальный статус и возможность влиять на принятие окончательного решения в конфликтной ситуации. Визуальное предложение также может обладать модальностью разной степени: сильной модальностью обладают снимки, участники которых не знают о съёмке; слабая модальность характеризует снимки, участники которой знают о съёмке и смотрят в объектив [3, с. 168]. В нашем случае протестующий человек смотрит в камеру, следовательно, с одной стороны, изображение обладает слабой модальностью, но, с другой стороны, благодаря такому кадру сокращается дистанция между адресантом и адресатом, т. е. между газетным изданием и читателем.

В плане собственно **языковых особенностей** текста представляется целесообразным составить лексическую карту глаголов, сформировать контекстуальные синонимические ряды, определить насыщенность текста разговорными лексемами, проанализировать, как в языковом плане оформлены ссылки на источники информации.

Построение лексической карты глаголов основывается на классификации процессов, когда все глаголы, используемые в тексте, можно распределить по четырем группам: 1) процессы говорения; 2) процессы действия; 3) процессы чувственного восприятия и мыслительной деятельности; 4) процессы состояния [3, с. 107-108]. Ключевые глагольные лексемы анализируемого текста распределились по трём группам. В первой группе четыре глагола говорения: *сообщать, рассказывать, подтверждать, комментировать*, при этом наиболее частотным является глагол *сообщать*. Во вторую группу вошли тринадцать ключевых лексем: *вмешиваться, выяснять, исправлять, назначать, направлять, получать, принимать решение, демонстрировать, согласовывать, создавать, составлять, принимать участие, упрощать*. В третьей группе присутствуют такие глаголы, как *делать вывод, предполагать, услышать*. Таким образом, основным процессом, задействованным для освещения данного события, является процесс действия; второстепенную роль играют процессы говорения, чувственного восприятия и мыслительной деятельности.

В тексте формируются четыре синонимических ряда: 1) *экологическая нагрузка – антропогенная нагрузка –*

негативное воздействие; 2) *Дарвинский биосферный заповедник – особая охраняемая зона – резерват*; 3) *население (города) – жители (города) – череповчане – (не) бессловесная биомасса*; 4) *владелец (крупного бизнеса) – олигарх – хозяин*.

Синонимичными данные средства становятся в рамках этого текста, следовательно, их можно определить как контекстуальные синонимы. Доминантой является первое слово или словосочетание ряда; к периферии относятся маркированные в стилистическом плане лексемы. В аспекте структуры приведённые синонимические последовательности включают 3 или 4 единицы, принадлежащие страте литературных лексем. Тот факт, что в тексте присутствует только несколько синонимических замен, говорит об однородности текста и мягкости подачи материала, о чём также свидетельствует коэффициент насыщенности текста сниженными лексемами – процентное соотношение между общим количеством лексем в тексте и количеством разговорных или просторечных лексических единиц. В нашем случае такой коэффициент составляет – 0,19 %.

Наконец, нам представляется важным проследить, каким образом в тексте осуществляется указание на источник информации. В целом, здесь возможны три варианта: 1) источник не называется, и в этом случае используются пассивные конструкции; 2) источник называется с указанием полной информации – имя, фамилия, должность и место работы; 3) источник информации называется, но при этом не предоставляется полная информация [7, с. 42-43]. В анализируемом тексте зафиксированы первый

и второй варианты. Приведём примеры, когда автор статьи не указывает источника информации: *стало известно, сообщалось, об этом нам и сообщили*. Полное наименование источника встречается чаще: *рассказал нам Алексей Кащеев*, в предыдущем предложении указывается должность и место работы – *председатель регионального отделения «Общественного экологического контроля России»*; *с слов олигарха*, в предыдущем предложении также указывается – *владелец ОАО «Северсталь» Алексей Мордашов*, *делает вывод Алексей Кащеев, Алексей Кащеев тогда же сообщил, рассказывает Алексей Кащеев, председатель комитета Владимир Кашин чётко дал понять, также Владимир Кашин отметил, Владимир Кашин ещё раз подтвердил, председатель комитета Владимир Кашин также сообщил*. Таким образом, в большинстве случаев в тексте указывается полное наименование источника – фамилия, имя, должность и место работы, благодаря чему текст приобретает официальное звучание, а редакция газеты в какой-то мере снимает с себя ответственность за предоставленную информацию.

Третий принцип, заявленный в начале статьи, **принцип эмерджентности**, постулирует следующее правило: система обладает своими уникальными свойствами, которые отсутствуют у её компонентов [4, с. 46]. Согласно данному принципу рассматриваемый нами текст как цельная система действительно обладает специфическими особенностями, выявленными в ходе поэтапного рассмотрения основных его компонентов. Первая особенность – это официальный характер и дистанцированность текста, что под-

тверждается публикацией статьи в бумажном варианте, следовательно, невозможностью получить оперативный отзыв от читателей; полным наименованием источников информации; низким коэффициентом насыщенности текста разговорными единицами и языковой однородностью подачи материала. Вторая черта, общая тональность неуверенности, определяется заголовком; наименованиями сторон конфликта, подчёркивающими различия в их мнениях, позициях и социальном статусе; концентрированным использованием модальных частиц в кратком изложении статьи и фотографией слабей модальности. Третьей характеристикой является полифоничность, т. е. многоголосие текста, заключающееся в ссылках на несколько источников, включением прямой речи, выдержками из официального документа и лексическим разнообразием группы глаголов действия.

Итак, в данной статье предложены три принципа эколлингвистического анализа: принцип эмерджентности, принцип необходимого разнообразия и принцип взаимодействия системы и окружающей среды. Согласно принципу необходимого разнообразия любой текст базируется на неких ключевых компонентах, количество которых стационарно на данном этапе, но может меняться с течением времени. Базисными компонентами текста, находящегося в фокусе нашего исследования, являются: тема текста, участники, отношения между участниками, цель, тип носителя, структура текста, визуальное сопровождение и лингвистическая характеристика текста. Каждый из перечисленных компонентов опре-

делённым образом отражает событие, благодаря чему текст как цельная и единая система наделяется конкретными характеристиками – официальным характером и дистанцированностью, общая тональность неуверенности и полифоничность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галичкина Е.Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография; под ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 53-71.
2. Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // «Вестник Череповецкого государственного университета». 2011. № 1 (28). С. 60-64.
3. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2013. 264 с.
4. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М.: Изд. центр «Россия молодая» – Экология, 1992. 365 с.
5. Суценок Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. 424 с.
6. Цветков О. ЦБК – под вопросом // Череповецкая истина. 2015. 19 июня.
7. Busa M.G. Introducing the language of the news. London: Routledge, 2014. 164 p.
8. LeVasseur T. Defining “Ecolinguistics?”: Challenging emic issues in an involving environmental discipline // Journal of Environmental Studies and Sciences. 2015. № 5. Issue 1. P. 21-28.
9. Van Dijk T.A. Contextual knowledge management in discourse production: A CDA perspective // A new agenda in critical discourse analysis: theory methodology and interdisciplinary. 2005. № 13. P. 71-100.

УДК 81'367.4(470.345)

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-59-67

Мочалова Т.И., Маслова А.Ю., Денисова Л.Н.*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва (г. Саранск)***ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ХРИСТИАНСКИХ И ЯЗЫЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКИХ ГОВОРОВ МОРДОВИИ**

Аннотация. В статье на материале русских говоров Республики Мордовия рассматриваются фразеологические единицы, связанные с религиозными (христианскими) и языческими представлениями носителей диалекта. Установлено, что в исследуемом фразеологическом корпусе такие устойчивые сочетания составляют особую группу, неоднородную в смысловом и структурном плане. С христианскими воззрениями соединены языческие представления человека о душе, загробной жизни, потустороннем мире, что также репрезентируется во фразеологии русских говоров Мордовии. Проведённый анализ демонстрирует, как диалектная фразеология отражает формирование аксиологической системы у сельских жителей, морально-этических устоев, стереотипных моделей поведения.
Ключевые слова: фразеологическая единица, русские говоры, христианский, языческий, мифологический, представления.

T. Mochalova, A. Maslova, L. Denisova*N. Ogarev Mordovia State University***THE REFLECTION OF RELIGIOUS CHRISTIAN AND PAGAN PERCEPTIONS
IN PHRASEOLOGY OF RUSSIAN DIALECTS IN THE REPUBLIC
OF MORDOVIA**

Abstract. Basing on the Russian dialects spoken in the Republic of Mordovia the paper considers phraseological units associated with religious Christian and pagan beliefs of dialect speakers. It's found out that in the phraseological corpus under study such collocations constitute a special group that is heterogeneous in conceptual and structural aspects. Human's pagan concepts of soul, afterlife, other world are connected with Christian beliefs that are also represented by means of dialectal phraseology in the Russian dialects. The analysis demonstrates how dialect phraseology accounts for the formation of the axiological system, ethical principles, stereotyped patterns of behaviour among village residents.

Keywords: phraseological unit, Russian dialects, Christian, pagan, mythological, perceptions.

Диалектная фразеология тесно связана с историей, культурой, с традициями носителей того или иного говора. Одними из наиболее значимых для русского народа и обладающими высокой активностью в образовании фразеологических единиц являются лексемы, связанные с религией как одной из важнейших составляющих частей мировой культуры [2]. В русских говорах на территории

Мордовии [4, 5] чётко прослеживаются две фразеосемантические subsystemы, организованные доминантными полярными понятиями «Бог» и «чёрт». При этом следует отметить, что фразеологических единиц с «демоническим» компонентом значительно больше, нежели фразеосочетаний с компонентом «Бог», что, возможно, объясняется стремлением диалектоносителя эксплицитировать поведение или характеристику человека, не соответствующие общепринятой норме.

Фразеосочетания с компонентом «Бог» в большинстве репрезентируют оценочную характеристику диалектоносителя. Это может быть оценка внешности, когда фразеологические единицы вступают в антонимические отношения: *Богу намолишься* – ‘о ком, чём-либо очень красивом, хорошем’ и *Бог рога приделал (кому)* – ‘о человеке с некрасивой внешностью’; недифференцированная характеристика положительных качеств (*Господь в окошко подал* – ‘о хорошем человеке, который встретился кому-либо в жизни’, *Святый боже* – ‘безукоризненный человек’), номинация невезучего человека (*Бог передо не дал кому, Бог с рук скинул кого*).

Модальные фразеологические единицы, выражая различные волеизъявления говорящего, обозначают его рациональную реакцию на что-либо: *Бог помочь* – ‘пожелание успеха работающему’; *скорони бог* – ‘выражение предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо’. В качестве эмоциональной реакции посредством фразеосочетания *Ну тебя к богу!* эксплицитируется недовольство и несогласие.

Фразеологические единицы с ком-

понентом «чёрт» большей частью представляют количественную характеристику чего-либо: это изобилие, большое количество чего-либо (*Только чёрта с рогами не купишь (не найдёшь)*, *чёрт рогами не перекинет*, *чёрт под гору (с горы) не свезёт*). Чёрт как воплощение зла несёт хаос и разрушение, в связи с чем легко раскрывается внутренняя форма процессуальных фразеологизмов *чёрт рогами распырял*, *чёрт голову (ногу) своротит (сломит)*, *как чёрт из лукошка сеял*, синонимично выражающих отсутствие порядка или полный беспорядок где-либо. Отрицательной коннотацией понятия ‘чёрт’ объясняется и значение неприятных неожиданных событий: *как чёрт пособил* – ‘о чём-то случившемся независимо от чьего-либо желания’; *куда чёрт закалябил* – ‘кто-либо неожиданно оказался где-либо’.

При оценке диалектоносителя фразеосочетания с компонентом «чёрт» используются для характеристики поведения человека: *супротивный дьявол. бран.* – ‘о том, кто кому-либо сопротивляется, не хочет подчиниться’; *сморозить чёрт знает чего* – ‘сказать что-либо необдуманно, некстати или в шутку’, а также его состояния: *как чёрт в колесе (вертеться)* – ‘быть в постоянных хлопотах, заботе, работе’. Умственные способности человека оцениваются посредством наличия / отсутствия умения действовать рассудительно: *в голове чёрт семишник искал* у кого – ‘кто-либо не в состоянии разумно рассуждать, действовать’. Эмоциональное состояние диалектоносителя репрезентируется фразеологизмом, выражающим неудовлетворённость по поводу ухода, отъезда кого-либо: *Неси тебя черти!*

В традиционной народной культуре сохранилась информация о мифологических существах, помогающих или вредящих людям, о связи человека с потусторонними силами, о чудодейственной целебной или колдовской силе самого человека. Во фразеологическом корпусе говоров Мордовии встречается упоминание о русалке (*русалкино / русальское заганье* в 1 знач. – ‘праздник последнего дня весны’, во 2 знач., шутол. – ‘о времени, которое наступит неизвестно когда’). Женщина с распущенными и растрёпанными волосами в сознании народа воспринималась в связи с тёмными силами, потусторонним миром, магией: её называли **как волхá** (ср.: **волха** – ‘колдунья’).

Как известно, целительскими свойствами на Руси обладали знахари, к которым сельские жители обращались со всеми болезнями, недугами. В исследуемых говорах зафиксировано слово **бабушка** с устаревшим значением ‘знахарка’: *Фиршалох тады не былъ. Если кто зъбалет или кто нъпужаицъ, то г бабушкъм хадили. Раньшы бабушки сё личили* (Каймар, Краснослободский район). Не случайно в диалектной среде компоненты **бабушка**, **бабка** встречаются в составе фразеосочетаний **как бабушкой отходили**, **как бабка отворожила**, сообщающих о чём-либо неожиданно прекратившемся.

Большой пласт диалектной фразеологии составляют сочетания, отражающие христианское миропонимание, восходящее к соборности, церковным нормам и догмам. Для православного христианина одним из основополагающих факторов являлось посещение церкви, приобщение к церковным таинствам, соблюдение библейских

заповедей. Это объясняет то, что выражение **церкви (церкву) не видать!** употребляется для клятвенного заверения в истинности чего-либо, поскольку отлучение от церкви считалось самым страшным наказанием. В составе рассматриваемых идиом встречаются такие наиболее значимые церковные атрибуты, как **Библия** (*рассказать целу Библию* – ‘рассказать о многом’), **крест** (*без креста оставаться* – ‘лишаться всего накопленного’), **колокол** (*подзвонные колокола* – ‘колокола меньших размеров, чем основной’). Интересен тот факт, что компонент **кадило** употребляется в составе фразеологических единиц, несущих оценочную информацию о поведении человека, материальных отношениях между членами социума: **раздуть кадило** – ‘разбогатеть’, **раздувать кадило** в 1 знач. – ‘расплачиваться, рассчитываться’, во 2 знач. – ‘нести наказание, расплачиваться за содеянное’. Например: *Роздуль кадилу и зазнальсь* (Кайбичево, Дубенский район); *Так зъдалжал, што фсё дъ сих пор кадилъ ръздуват с людьми* (Селищи, Краснослободский район); *Он нътварил дел, а нам вот типерь кадилъ ръздувай* (Кайбичево, Дубенский район).

К христианским традициям совершения троекратного поклона восходит многозначный фразеологизм **четвёртый поклон**, несущий в себе информацию о ком-либо лишнем, ненужном, о чём-либо плохом, недоброкачественном. Религиозные представления о рае и аде представлены в противоположных по значению фразеологических единицах **ад аримешный** – ‘невыносимая обстановка; ад кромешный’ и **как барыня в раю** – ‘в полном достатке

(жить)'. Примыкают к ним и такие устойчивые сочетания, как *жить в царствии, жить у праздника*, характеризующие хорошую, обеспеченную жизнь; *как в смоле кипеть* – находиться в постоянных хлопотах, волнении. Церковная терминология *грех, завет* зафиксирована в составе отдельных фразеосочетаний: *не было завету* – 'не было обычая, не было принято', *наводить (навести) на грех* – 'выводит из терпения', *греха не оберёшься* – 'о неприятностях, несчастьях, которые могут произойти'.

С христианскими воззрениями в славянской народной традиции соединены языческие представления человека о душе, загробной жизни, потустороннем мире, что также репрезентируется средствами диалектной фразеологии в русских говорах Мордовии. Представления о душе как бессмертной субстанции, созданной Богом и являющейся атрибутом живого существа, известны с древнейших времён и находят отражения в различных мировых религиях [1]. Фразеологические единицы с фразеолексом «душа» разнообразны в семантическом отношении и употребляются носителями диалекта для номинации человека, его душевного состояния, внутренних качеств или выполняемых им действий. Так, компонент «душа» встречается в составе фразеосочетаний, характеризующих человека, который в каком-либо отношении чрезмерно превосходит других людей: *душá на жиждёлочке доржится* – 'об очень худом, тощем человеке'; *картовная душа* – так в русских говорах Мордовии называют человека, который любит употреблять в пищу картофель, предпочитая его другим продуктам: *Наш Минька – кар-*

товня душа, ёму большъ ничёво не надъ (Киржеманы, Большеигнатовский район).

Душа является олицетворением внутреннего мира человека, не случайно в диалектной системе распространены фразеологические сочетания, обозначающие различные душевные состояния. Более частотны при этом фразеологизмы, характеризующие негативные переживания: волнение, беспокойство, тревогу (*душа гниёт, душа загребтела, душа свербит, душа стонет*). Например: *Фторой месец глас домой не кажыт, у меня душа гниёт, в живых уш нету* (Безводное, Ардатовский район). *У миня душа свирбит, цэлый день сына жду* (Киржеманы, Большеигнатовский район). Для номинации человека, который испытывает душевные страдания, беспокойство, тревогу за кого-либо, употребляется фразеосочетание *душа скомлеет*, включающее в свой состав диалектный глагол ²*скомлеть* со значением 'болеть, чахнуть'. Кроме того, в говорах зафиксированы устойчивые сочетания, характеризующие состояние сильного испуга (*душа онемела*) или усталости (*душа замаялась*): *Я как увидала ево фсево ф крови дъ абодръньва. У миня аш душа ѓнимела* (Киржеманы, Большеигнатовский район).

Заметим, что фразеологические единицы с компонентом «душа» используются для обобщённого обозначения самого чувства тревоги (*на душе колготно*) или грусти, тоски (*на душе маркотно*). В составе подобных устойчивых сочетаний, представляющих по структуре односоставные безличные предложения, употреблены слова категории состояния *колготно* во 2 знач. – 'беспокойно, тревожно',

маркотно – ‘грустно’. Примечательно, что в исследуемых говорах зафиксировано лишь единичное фразеосочетание *отхлянуло от души*, используемое носителями диалекта для обозначения положительных эмоций: кто-либо испытывал чувство облегчения, успокоения. Например: *Вот пришла ана дамой, и у миня ад души атхлянуль* (Марьяновка, Большеберезниковский район).

Небольшая группа фразеологических единиц рассматриваемого типа употребляется для характеристики физического состояния человека: *душу жжёт* – ‘об изжоге’, *душа горит*, *душа запеклась*, *душа халит* – ‘о сильной жажде’. Душа в христианском учении является символом перехода человека от жизни к смерти, что сопровождается процессом отделения души от тела. В исследуемых говорах для обозначения момента наступления смерти употребляется фразеологизм *душа вышла / выйдем*, в котором компонент *душа* сочетается с глаголом движения *выйти*.

Многочисленны фразеологические единицы, связанные с оценочной деятельностью сельских жителей и характеризующие внешний вид человека (*душа наруже* – ‘у кого-либо не застёгнут воротник, не закрыта шарфом шея’), совершаемые им действия (*душу рвать* – ‘усердно делать что-либо’, *опречь души* – ‘без желания’, *мотать на душу* – ‘делать долги’ и др.). Осуждение в диалектном социуме вызывает ложь, что является грехом и ведёт к «гибели» души: *души не убить* – ‘не солгать’, *вилять душой* – ‘прибегая к хитрости, уловкам, уклоняться от прямого ответа’. Распространены фразеологические единицы

с компонентом «душа», связанные с характеристикой взаимоотношений внутри диалектного коллектива: *душу ронить* – ‘заботиться о ком-либо’, *душа не переваривает* – ‘о резко отрицательном отношении к кому-, чему-либо’, *душу темшит* – ‘мучить, изводить кого-либо’, *душу мутузить*, *измутузить душу* – ‘заставить страдать’.

В сознании диалектоносителей душа выступает как субстанция, наделённая способностью перемещаться, действовать, испытывать различные чувства и эмоции (*душа свербит*, *душа стонет*, *душа не переваривает*, *душа горит*, *душа вышла* и т. п.). Это объясняет и преобладание в говорах фразеологических единиц, представляющих по своей структуре двусоставное предложение, где в роли подлежащего выступает компонент «душа».

В русских говорах Мордовии много общего с фразеологическими единицами с компонентом «душа» в семантическом отношении обнаруживают фразеологизмы с соматизмом «сердце». Так, они употребляются для выражения различных чувств, эмоций, переживаний человека и выражают состояние сильного испуга (*аж сердце захолонуло*), беспокойства, волнения (*сердце кипит*, *сердце коробом идёт / ведёт*), внезапного ощущения тревоги (*против сердца оторвалось*). Кроме обозначения особенностей функционирования этого главного органа человека – сердца (*сердце захлёстывается* – ‘сердце бьётся учащённо, колотится’), устойчивые сочетания с этим соматизмом характеризуют поведение человека по отношению к другим членам территориально замкнутого социума (*сердце закнулось* – ‘кто-либо

сжалился, смягчился', с **сердца** – 'сердито', [не] **попасть в сердце** – '[не] принять близко к сердцу').

Интересны в плане сопоставления и фразеологические единицы с компонентом «дух», который в религиозном мировоззрении понимается как изначальная движущая сила, присущая всему живому, а в некоторых культурах и неживому. Спектр семантических значений фразеологизмов с компонентом «дух» во многом отличен от рассмотренных сочетаний с фразеолоксами «душа» и «сердце». С одной стороны, местом расположения духа, как и души, сердца, является грудь человека, ср.: **дух захватило** – 'о болезненном ощущении тяжести в груди'. С другой стороны, с представлением о духе человека, его внутренней силе связаны такие чувства, как любовь, забота или, напротив, ненависть, отвращение (**дух ронить** – 'любить, беречь', **дух не дышит** – 'кто-либо испытывает чувство любви, нежности к кому-либо', **и на дух не надо** – 'кто-либо очень не любит кого, чего-либо, испытывает отвращение к кому-, чему-либо'). Фразеологические единицы с компонентом «дух» употребляются для характеристики внутреннего и внешнего (физического) состояния человека: **опассть духом, духом сникнуть** – 'прийти в уныние, отчаяться', **духу нет** в 1 знач., **инда дух (дых) не дышит** – 'кто-либо чувствует слабость, недомогание'.

Они же могут служить и для качественной характеристики какого-либо действия: **оставить на свят духа** – 'оставить без присмотра', **раздеться до духу** – 'раздеться догола', **всё до духу** – 'всё без исключения, ни духу – 'совсем, нисколько'. Единичный фразеологизм **дүхи тёплые** употребляется

для ласкового обращения к собеседнику: **Ни збывайти себе голъву, духи тёплые** (Киржеманы, Большеигнатовский район).

Языческие представления, восходящие к славянским племенам, отражает культ воды, огня, земли, растительного мира. Особую значимость имела вода, дающая человеку жизнь, использующаяся в трудовой и хозяйственной деятельности. В связи с этим негативную оценку получает человек, не понимающий очищающей силы воды, её благотворного влияния, что переносится и на другие его поступки: **свежей воды не понимать** – 'не разбираться в чём-либо', **не понимать святой воды** – 'не возмещать, не воздавать кому-либо за доброе отношение'. В то же время вода или какие-либо напитки использовались для негативного воздействия на человека: **как опоённый** – 'приворожённый, подвергшийся сглазу'.

Кроме того, с характерными свойствами воды могут сравниваться особенности поведения человека, его отношения с другими людьми: **вода (водой) подмывает** – 'кому-либо не терпится что-либо сделать', **отлиться водой от берега** – 'перестать встречаться; расстаться'. Например: **Сижу этъ я, а саму вадой пѣдмыват сказать прѣ фчирашния** (Саловка, Лямбирский район). **Мы думъли: ани пажэняцѣ, а ани рѣзашились, атлились вадой ад берига** (Ожга 2-я, Старошаёговский район). О лениво работающем человеке говорят **только от берегов воду толкать**, подчёркивая бессмысленность и безрезультативность этого занятия: **Ей токѣ ад бирягоф воду талкать нѣ таку ни работник** (Саловка, Лямбирский район). С перемещением какой-либо ёмкости, наполненной во-

дой, сравниваются походка человека (*стакан воды на голове пронесёт* – ‘о степенной, плавной походке’), произошедшие изменения в его поведении (*пошёл кувшин по воду* – ‘о том, кто изменил своё поведение в худшую сторону’).

Земля в сознании носителей диалекта предстаёт как основа всего сущего, место жизнедеятельности человека и среда обитания животных, произрастания растений. Поэтому она выступает как действующий субъект по отношению к человеку (*земля не берёт* – ‘кто-либо живёт слишком долго, дольше обычного’, *земля не держит* – ‘кто-либо падает, спотыкается’). А тот, кто нарушает общественные устои, гармонию этого живого организма, вызывает порицание: *как только земля таскает* – ‘как только возможно, допустимо чьё-либо существование (о человеке, обладающем дурными качествами)’.

Неразрывную связь человека с землёй начиная с момента рождения и до самой смерти раскрывают фразеологические единицы *от земли не отрос* – ‘кто-либо совсем ещё молод и неопытен’, *топтать землю* – ‘долго жить’. Смерть при этом сравнивается с перемещением человека в иную землю: *в иную землю отправить* – ‘лишить жизни, убить’, *в иную землю отправиться* – ‘умереть’. Бранное пожелание недоброго кому-либо *провалиться в преисподнюю (триисподнюю)* предполагает, что человек провалится под землю и окажется в аду: *Пръвалициць тее ф триисподню зъ таки слова!* (Красные Поляны, Ардатовский район).

Для крестьянина, основным источником существования которого являлось земледелие, с землёй соотносится

и тяжёлый физический труд (*упираться в землю рогом / рогами* – ‘много и тяжело работать’), и состояние крайней усталости или огорчения (*и губы и зубы [землёй] обметало / изметало / заметало / измечет* в 1 знач. – ‘о состоянии крайней усталости, изнеможения’, во 2 знач. – ‘о сильном огорчении, расстройстве’), и способность легко получать выгоду (неодобрительное *как из земли рыть* – ‘уметь ловко наживаться’), и имущественные отношения (*пустовать землю* – ‘занимать, использовать без выгоды’, *сидеть на чужой земле* – ‘арендовать землю’). По отношению к земле оценивается в диалектном сообществе состояние алкогольного опьянения (*найти добрую землю, напасть на добрую землю* – ‘напиться пьяным’), а также оставление кого-либо в беспомощном положении (*поверх земли пустить* – ‘оставить без помощи, бросить на произвол судьбы’).

Огонь всегда считался священным, имел в представлении древних людей божественное происхождение. В диалектной фразеологии отразились такие свойства этой стихии, как неукротимость, мощь, быстрота распространения (*как огнём ожечь* – ‘очень быстро сделать что-либо’), панический страх человека перед этой мощной стихией (*как (хуже) плящего (плещего, плящего) огня бояться, пугаться, страшиться и т. п.* – ‘очень, панически’). С огнём сравнивается вспыльчивый, раздражительный человек (*как огонь*), действию огня уподобляется ощущение жгучей боли (*как огнём палить*), а также состояние сильной усталости (*аж из роту огонь (пыл) пошёл*). Не случайно пожар в сельской местности назывался *греховое дело*.

В исследуемых говорах зафиксирован фразеологизм-компаратив **как в огноище** с производным существительным **огноище**, характеризующим такое место, где грязно, не убрано: *Плохъ прибрънь везде, фсё валяциць, как в огноишчы* (Суподеевка, Ардатовский район).

Как показал фактический материал, наименования воздушных масс, ветра, грома в диалектной фразеологической системе оказались малоупотребительными и не связаны с религиозно-мифологическими представлениями. Так, свойства этих атмосферных явлений метафорически переносятся на человека, ассоциативно предавая те или иные черты его характера, умственные способности, социальный статус, особенности поведения: **гром-баба** – ‘очень боевая женщина’, **ветер в поле, в попе дым** – ‘кто-либо очень беден’, **теперь ветер взад** – ‘кто-либо успокоился, достигнув желаемого, обеспечив себя чем-либо’, **куда ветер, туда дым; куда ветерок, туда и разумок** – ‘о несерьёзном, легкомысленном человеке’ и др.

Отражение культурно-мифологических, языческих представлений о растениях подчёркивается многими исследователями: «Значительная роль и диких, и культурных растений в жизни человека способствовала мифологизации как их самих, так и земли, дождя и других факторов, обеспечивающих существование растительного мира. В народных представлениях растения, как и стихии земли и воды, связывались прежде всего с идеей плодородия и жизни» [3]. С этими древнейшими представлениями связано то, что во время свадебного обряда использовались различные растения (цветы, ветки деревьев), которые укра-

шались: **курник нести / понести** – ‘на второй день свадьбы из дома невесты к жениху несут украшенный лентами и цветами куст, ветку’ (ср. **курник** во 2 знач. – ‘украшенная лентами и цветами ветка какого-либо дерева или куст репейника, втыкаемые в свадебный пирог’), **куст рядить, наряжать репей** – ‘украшать лентами и цветами ветку дерева, куст репейника’. Частью свадебного обряда было **окупывать молодых**, то есть осыпать молодых хмелем после венчания. Обычаем у девушек было заплетать из цветов венки и водить хороводы в лесу в Троицын день, что отражает фразеологизм **идти под венки**: *А на Троицу дефки идут пьд винки* (Тенишево, Краснослободский район).

Магической силой наделяли сельские жители и животных, которые с древнейших времён имели культовое значение и выступали в качестве жертвоприношения богам. С течением времени изменилась функция животного в том или ином обряде, иногда только его наименование сохранилось в номинации какого-либо обрядового действия: **козла окупать** – ‘приглашённые на свадьбу должны платить за вино, выпитое из обвязанного красной лентой стакана’.

Таким образом, во фразеологическом корпусе русских говоров на территории Республики Мордовия устойчивые сочетания, отражающие религиозные и мифологические представления человека, составляют особую группу, неоднородную в смысловом и структурном плане. Диалектная фразеология отражает формирование аксиологической системы у сельских жителей, морально-этических устоев, стереотипных моделей поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Душа человеческая // Библейская энциклопедия. 3-е. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. 768 с.
2. Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. Репрезентация языческого и христианского мировоззрения во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 123-124.
3. Русская мифология. Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://vsemirniysledopyt.ru/b/183510/read> (дата обращения: 15.06.2015 г.).
4. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978-2006. Т. 1-8.
5. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия / Р.В. Семенкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 332 с.

УДК 811.161.1'373.232(038)

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-68-73

Родина Н.А.

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
(Смоленск)*

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ И МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЗВИЩ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗВИЩ Г. СМОЛЕНСКА)

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальный сегодня вопрос о влиянии коммуникативных факторов на образование современных детских и молодёжных прозвищ. Ещё начиная с детского сада, ребёнок адаптируется и социализируется, при этом коммуникация в коллективе обеспечивает получение извне необходимой информации, приобретение практических навыков общения индивидуума и, что немаловажно, социальную оценку личностных характеристик, которая зачастую оформляется в прозвище как знак обратной связи в коммуникационной ситуации, транслирующий всё накопленное в данном о нем знание.

Ключевые слова: прозвище, массовая культура, коммуникация, социальная оценка, знак, символ, икона, возрастная группа.

N. Rodina

*Marshal Vasilevsky Military Academy of the Military Defence of the Armed Forces
of Russian Federation*

THE IMPACT OF MASS CULTURE ON THE FORMATION OF TODAY'S CHILDREN AND YOUTH NICKNAMES (ON EXAMPLE OF NICKNAMES OF SMOLENSK)

Abstract. The article examines the current issue of the impact of communicative factors on the formation of modern children and youth nicknames. Starting from kindergarten, the child is being socialized and adapted, while communication in the team provides the necessary information from the outside, practical skills of communication of the individual and, importantly, a social assessment of personal characteristics, which often take shape in the nickname as a sign of the feedback in the communication situation, transmitting all the knowledge accumulated in the onym.

Keywords: nickname, mass culture, communication, social assessment, sign, symbol, icon, age group.

С конца XX века в языкознании приобрела чрезвычайно важный характер проблема изучения способов языковой репрезентации знаний о мире и зако-

© Родина Н.А., 2015.

нов организации картины мира [6, 16, 7, 13, 3]. Актуальна проблема передачи знания и в современной ономастике, в том числе активно рассматривается взаимодействие имён собственных с другими компонентами языковой системы. Благодаря подобным исследованиям становится понятно, как человек осмысляет, интерпретирует воспринимаемый им предметный субъектно-объектный мир и сообщает окружающим результат познавательной деятельности – своей и предыдущих поколений – по хранению и отражению накопленного опыта использования имён собственных [17].

Инструментами ретрансляции знания являются выделенные Ч.С. Пирсом знаки: индексы, символы и иконы, которые, в зависимости от семиотических особенностей, могут быть широко представлены топонимами и антропонимами. Однако большинство имён собственных, обозначающих человека, представляют собой знаки-символы (репрезентируют объект на основании его целостного понимания индивидуумом) и знаки-иконы (обладают наглядным характерным признаком, общим качеством с обозначаемым объектом) [10].

Неоспоримым знаком, маркером является такой неофициальный антропоним как прозвище. Исследование данных идентификаторов началось ещё в XX веке и сегодня представляет собой весьма интенсивный процесс [9, 1, 15, 2, 14, 12, 4].

Небезынтересным и актуальным является рассмотрение индивидуальных прозвищ как особого маркера индивидуума в обществе с точки зрения отражения массового знания, в частности – элементов массовой культуры,

культуры, приспособленной к вкусам широких масс людей и быстро распространяющейся при помощи современных коммуникационных технологий [5]. Подобное исследование позволит глубже понять механизм репрезентации ономастического знания общества, выявить частотность онимов-знаков и углубить понимание деталей формирования личности молодого человека, его вхождения в социум как носителя совокупности личностных характеристик.

В данной статье описываются прозвища, собранные путём анкетирования и прямого интервьюирования в детских садах, школах и вузах г. Смоленска. В соответствии с разработанной авторской классификацией прозвищ [11] рассмотрены идентификаторы, образованные по характеризующим признакам и ассоциациям, и выделены онимы, на создание которых повлияли определённые элементы массовой культуры.

В дошкольных учреждениях дети видят во многих прозвищах сравнение с героями книг, кино и мультфильмов. Из 68 прозвищ в данной возрастной категории именовании, отражающих элементы массовой культуры 22%. Все они являются онимами-символами. Так, мальчик настолько любит животных, что утверждает, будто бы понимает их язык, и он получает прозвище МАугли (семантическое ассоциирование с литературным персонажем, отличавшимся теми же способностями). Ситуация сравнения носителя со схожим по внешности предметом наблюдается в случае с прозвищами БАрби и КУзя: лицо, дающее именование, переносит значение антропонима и апеллирует на прозвище человека, исходя

из общности характеристик в виде дифференцирующей семы 'привлекательность/непривлекательность внешности'. Стоит отметить, что прозвище КУзя дано воспитаннице за отказ носить одежду, предназначенную для девочек, и выглядеть соответствующим образом в целом, что напомнило окружающим неопрятного домовёнка Кузю, сказочного героя мультфильма.

Прозвища, непосредственно данные от имён героев кино и мультфильмов, представляют собой значительную группу. Все они образованы на основе ассоциативного соотношения с любимыми персонажами, то есть без какого-либо конкретного внешнего сходства: БИлли, ВИлли, ДИлли (трое неразлучных друзей получили прозвища, бывшие именами трёх утят из мультсериала «Утиные истории»); БЭтмен, ГАрри ПОттер, ЗОрро, СемЁн СемЁныч (ребёнок услышал это имя-отчество в фильме «Бриллиантовая рука» и проассоциировал со своим именем Семён), ТИгра (из мультсериала «Винни Пух»), ШРЕк и др.

В школьной возрастной категории (456 единиц) насчитывается порядка 6,4 % прозвищ (2,9 % икон и 3,5 % символов), в семантике которых отражено влияние массовой культуры.

Учащиеся школ, в отличие от детей дошкольного возраста, используют для именования товарищей идентификаторы иконического характера, наглядно и однозначно иллюстрирующие слушателю сравнение данного ребёнка с носителем «говорящего» имени собственного. Стоит отметить, что прозвища-иконы, образованные по внешнему сходству с известными личностями и, следовательно, от именований этих персон, ассоцииро-

вались у авторов именований, в основном, с представителями эстрады, богемы, телевидения и кинематографа: БОрман (кинематографический немецкий шпион), БУзова, СобчАк, ТарзАн (светские личности), РЭмбо (воинствующий персонаж американского боевика), ШварценЕггер (спортсмен, актёр и политик); представителями музыкального Олимпа: ЗемфИра, МАртин (латиноамериканский певец), МоисЕев, ТИмати (певцы) и др.

Используются и прозвища-символы. Так, современные школьники чрезвычайно любят мультипликацию, сказки и фильмы жанра фэнтези, поэтому охотно ассоциируют своих товарищей с соответствующими персонажами, присваивая ребятам прозвища от именований этих популярных вымышленных героев. Причём в равных степенях учащиеся выбирают в качестве прототипов как персонажей отечественных картин, так и зарубежных. Прозвищами-символами современных школьников стали именованья как отечественных героев, так и имена персонажей зарубежных лент: ВИнни-Пух (мальчик любит мёд), ГнОм ГИмли (похож общими чертами), КАрлсон (мальчик носит брюки с подтяжками), МасЯня (девушка во многом похожа на героиню когда-то популярного молодёжного мультсериала), ХОббит (маленький рост у мальчика), ШРЕк (у парня большая голова и маленькие уши, как у героя мультфильма) и др.

В школьной картотеке прозвищ, помимо именований, коррелирующих с именами собственными из художественной культуры, современной богемы и т. п., присутствуют идентификаторы, основу для образований которых представляет продукция,

рекламируемая в СМИ, то есть прагматонимы. Сложно с точностью утверждать, по какому принципу они присваивались школьникам, потому как единственным комментарием в анкетах было «в честь чего-то» (имеется в виду тот самый продукт), но не «за какое-то качество». Так или иначе, часть из этих прозвищ-символов представляют собой полные названия торговых марок. Например, парень с полосатым шарфом напоминал изображение на рекламных щитах оператора связи БилАйн, за что и получил соответствующее прозвище-метафору. Школьники-сладкоежки очень любили есть шоколадные батончики «Марс» и «Сникерс», которые стали неотъемлемыми частями их повседневного образа – в этом случае идентификаторы Марс и Сникерс представляют собой метонимии.

Далее мы проанализировали индивидуальные неофициальные идентификаторы, принадлежащие студентам высших учебных заведений (539 единиц). Исследование показало, что сходство или ассоциирование со знаменитыми личностями, вымышленными и популярной продукцией является мотивировкой 4,7% именовании данной возрастной группы, среди которых 1,3 % прозвищ-икон 3,4 % прозвищ-символов. На сходство с реально существующими деятелями указывают следующие иконические именовании: БригадИр (похож на Сергея Безрукова, исполнившего главную роль в сериале «Бригада»), ЗемфИра (студентка похожа на певицу); с персонажами книг и фильмов соотнесены прозвища-икон БЭлла (девушка напоминает героиню фильма «Сумерки»), МасЯня (похожа на героиню российского мультсериа-

ла про Масяню), СкАлли (похожа на героиню сериала «Секретные материалы») и др.

Также отмечается частичное сходство с литературными персонажами при описании роста студентов, например: ГнОмик, Дядя Стёпа. Также имеет место сравнение с известными реальными и фантастическими персонажами при описании телосложения студентов: СпартАк, ТАйсон, ТерминАтор. Отмечая особенности внешности товарищей, молодые люди часто акцентируют внимание на деталях и, создавая прозвище, обращаются к общепризнанным символам из массовой культуры. Так, например, прозвища ЧебурАн и ЧебурАтор вызывают ассоциации с мультипликационным героем *Чебурашкой* и подчёркивают то, что у студентов довольно заметные уши. Густые брови и длинный нос стали отличительными признаками для мотивации именовании-символов БрЕжнев и БуратИно соответственно.

Влияние современной культуры на формирование и распространение прозвищ отражается и сквозь гастрономические предпочтения носителей таких символических прозвищ, образованных от общеизвестных прагматонимов, как КОкс (очень любит Кока-Колу), НАтс (девушка любит есть шоколадки этой марки), ХОт-ДОг (студент предпочитает фаст-фуд).

Таким образом, наши наблюдения позволили сделать следующие выводы:

Трансляция символов больше свойственна прозвищам, бытующим в дошкольной возрастной группе (например, ТИгра), так как воспитанники садов, описывая поведение и внешний вид друг друга, чаще обращаются к активно черпаемым из сказок и мульт-

фильмов образам художественной культуры.

Наличие антропонимических знаков-икон является характеристикой образования скорее школьных и студенческих прозвищ, поскольку взрослые дети и молодые люди активно оперируют в коммуникации такими популярными «говорящими» именами и фамилиями, как БЭкхем, РЭмбо, СкАлли, маркируя ими своих товарищей.

Наличие в школьной и студенческой группах именовании, символизирующих популярную продукцию, свидетельствует о том, что в процессе социализации, под влиянием общества потребления, индивидуум всё больше акцентирует внимание на известных торговых марках и рекламируемых товарах. Причём учащиеся средних школ активнее перерабатывают в прозвища прагматонимы, так как в силу психологических особенностей интенсивнее впитывают разнообразную информацию, по сравнению с молодыми людьми старшего возраста, фильтрующими поступающие знания.

Прозвища ЗемФира, МасЯня, ШрЕк повторяются в школьной и вузовской возрастных группах, что говорит об их частотности и, соответственно, стабильности в отражении знания о массовой культуре.

Таким образом, влияние массовой культуры на образование современных детских и молодёжных прозвищ зависит от возрастных особенностей носителей и уровня их интеграции в культурную среду.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ганжина И.М. Отражение в прозвищах морально-этического климата общества (из наблюдений над средне-

вековыми оценочными онимами) // Ономастика Поволжья. Тезисы докл. IX междунар. конф. Волгоград, 9–12 сентября 2002 г. Волгоград: Перемена, 2002. С. 186-187.

2. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 25 с.
3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Рус. язык, 1993. 330 с.
4. Королева И.А. Структурно-семантический аспект классификации индивидуальных прозвищ // Известия Смоленского государственного университета. № 4 (28). Смоленск, 2014. С.58-66.
5. Костина А.В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 28-35.
6. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXIII. С. 12-52.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
8. Морозова М.Ю. Оценочная семантика тамбовских прозвищ // Экология языка и речи: материалы четвертой Международной научной конференции (11-12 ноября 2014 года). Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 327-330.
9. Никулина З.П. О грамматической специфичности прозвищ // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: Тезисы докл. Красноярск: КГПУ, 1991. С. 112–114.
10. Пирс Ч.С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 412 с.
11. Родина Н.А. Современные детские и молодёжные прозвища: структурно-

- семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дисс... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 23 с.
12. Родина Н.А. Особенности бытования детских и молодёжных отыменных прозвищ (на примере прозвищ г. Смоленска) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. Москва. 2015. № 2. С. 30-34.
13. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. 336 с.
14. Стрельцова М.Ю. Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 25 с.
15. Суперанская А.В. Современные русские прозвища // Хабаровский вестник. Филология сериясы. № 6 (78). Серия филологическая. Алматы: Казак университет, 2004. С. 43-50.
16. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 52-92.
17. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тамбов, 2008. С. 11-12.

УДК 8: 81-23

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-74-82

Шилова Е.В.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***ОЦЕНОЧНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ СТРАННЫЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей семантики оценочного прилагательного СТРАННЫЙ и раскрытию его роли в современной нам речевой действительности. В основе исследования семантики прилагательного лежит анализ его словарных дефиниций и частная методика составления лексикографических парадигм Л.О. Чернейко. Результаты анализа контекстного поведения прилагательного СТРАННЫЙ были спроецированы на лексикографическую информацию, что помогло выявить его особую роль в построении художественных и публицистических текстов.

Ключевые слова: семантика, словарная дефиниция, лексико-семантическое поле, лексикографическая парадигма, оценочное прилагательное.

E. Shilova*Lomonosov Moscow State University***THE EVALUATIVE ADJECTIVE СТРАННЫЙ IN THE MODERN RUSSIAN
LITERARY LANGUAGE**

Abstract. The article considers the semantic features of the evaluative adjective СТРАННЫЙ and its function in our language. The adjective was explored by means of its analysis through explanatory dictionaries and the method of constructing of lexicographic paradigms by L. Cherneyko. The results of the analysis were projected onto lexicographical information. It helped to find out its special function in the texts of different genres.

Keywords: semantic, lexical definition, lexical-semantic field, lexicographical paradigm, evaluative adjective.

1.1. В наше время всё чаще на страницах художественных произведений, в бытовых разговорах и СМИ появляется оценочное прилагательное СТРАННЫЙ. Оценочные суждения, организованные данной лексической единицей, оказываются приложимыми практически ко всему: от внешнего вида человека и описания отдельных предметов до оценки ситуации в целом. Чтобы выявить особенности семантики и прагматики оценочного прилагательного СТРАННЫЙ и раскрыть его роль в современной нам речевой действительности, необходимо прежде всего обратиться к словарям – основным «хранителям» той информации о мире, которой располагает русскоязычный культурный социум. Непременные условия детального лексикографического анализа любой единицы

лексикона – а) обнаружение её «семантических соседей» (только сопоставление содержания слов в рамках лексической парадигмы позволяет раскрывать семантико-прагматическую специфику каждой единицы, взятой не изолированно, а как элемент системы языка) и б) их сочетаемостный анализ.

Хотя Л.В. Щерба считал, что толковые словари отражают обыденное языковое сознание, свойственное среднестатистическому носителю языка [17], нельзя не учитывать тот факт, что словарь – некая статичная система, не фиксирующая постоянные изменения, происходящие в живой речи со значениями слов и отражающиеся в их сочетаемости. Поэтому не менее важной является проекция смоделированной лексикографической парадигмы (в данном случае – прилагательного СТРАННЫЙ) на конкретные текстовые парадигмы, им организованные в текстах разных жанров.

Необходимо отметить тот факт, что прилагательное СТРАННЫЙ входит в группу оценочных прилагательных, поэтому его нельзя рассматривать в отрыве от особой структуры, которая является выразителем оценочной модальности, – модальной рамки (термин Е.М. Вольф), главными компонентами которой являются субъект и объект оценки, связанные оценочным предикатом, который представляет собой основание оценки [2, с. 12].

1.2. В дефинициях прилагательного СТРАННЫЙ, представленных в таких базовых толковых словарях русского языка, как «Словарь современного русского литературного языка» (БАС), «Словарь русского языка» (МАС), «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка»

под редакцией Д.Н. Ушакова, наиболее часто прилагательное СТРАННЫЙ толкуется через лексему НЕОБЫЧНЫЙ и её синтаксический дериват НЕОБЫЧНОСТЬ (МАС: «СТРАННЫЙ – вызывающий недоумение, удивление своей необычностью» [8]). Однако в примерах, демонстрирующих сочетаемость прилагательного, «необычность» представлена в двух разных смыслах: а) непривычное, не такое, как всегда; б) непонятное, необъяснимое с точки зрения логики: *Погода [в Лондоне] странная – декабрь, а тепло: вчера была гроза* (И. Гончаров); *Ольга Прохоровна проснулась со странным чувством, что кто-то стоит за дверью и терпеливо ждёт, когда она проснётся* (В. Каверин).

Можно предположить, что существует некий инвариантный компонент значения, обуславливающий все употребления прилагательного СТРАННЫЙ: ‘соответствие норме/отклонение от нормы’. Именно этот смысл позволяет выделить в некоторых словарях (например, в БАС) одно значение прилагательного вместо двух [10]. Итак, словарные дефиниции фиксируют, что тот или иной объект расценивается как странный, если что-то в нём отклоняется от нормы: становится непонятным, необъяснимым или же непривычным. Часто оценка приобретает ярко выраженные отрицательные коннотации.

1.3. Если обратиться к словообразовательной мотивации прилагательного СТРАННЫЙ, то в современном русском языке оно, согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова, является непроеизводным и немотивированным [12]. Между тем, бесспорно, что в истории

развития языка это прилагательное – дериват существительного СТРАНА. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского одним из значений старославянизма СТРАНА и его русского аналога СТОРОНА является ‘чужая страна, иноверный народ’ – отрицательные коннотации (‘чужое, чуждое, неприемлемое’) очевидны [11].

В современном русском языке семантика и коннотации существительных СТРАНА и СТОРОНА разошлись [16, с. 410]. Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова [6], лексема СТРАНА не имеет отрицательных коннотаций в отличие от слова СТОРОНА, которое в одном из своих смыслов означает ‘положение вне главных событий развития чего-либо’ (смотреть со стороны, ср.: по ту сторону – ‘о том, что противостоит чему-нибудь как далёкое, чуждое’). Отрицательные коннотации подтверждаются дериватами существительного СТОРОНА: СТОРОНИТЬСЯ (‘избегать, не желать встречаться, сталкиваться с кем-чем-нибудь’), СТОРОННИЙ (‘посторонний, чужой’). Однако образованное от существительного СТРАНА прилагательное СТРАННЫЙ наследует отрицательные коннотации слова СТОРОНА. Это подтверждается «Материалами для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского: «СТРАННЫЙ – чужой, иной области; чуждый; удивительный, необыкновенный; непостижимый; отвратительный; зазорный» [11].

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, построенном по алфавитно-гнездовому принципу, также зафиксирована связь прилагательного СТРАННЫЙ с существительным

СТРАНА (СТОРОНА, в знач. ‘край, объём земель, местность, округа, область, земля, государство, часть света’) и с лексемой СТРАННИК (более в знач. ‘странник, захожий, человек с чужбины, проезжий, прохожий’; ‘гость, ищущий где-либо временного приюта’; или ‘обрёкшийся на тунеядное странничество, под предлогом богомолья, бездомный проходимец, землепроход’...) [3].

Слова СТРАННЫЙ и СТРАННИЙ имеют в своём толковании следующие слова: СТОРОННИЙ, ПОСТОРОННИЙ, ПОБОЧНЫЙ, НЕЗДЕШНИЙ, НЕТУТОШНИЙ, ЧУЖОЙ, ИНОЗЕМНЫЙ. Совмещая обе дефиниции, делаем вывод об отрицательных коннотациях прилагательного СТРАННЫЙ: ‘странный как чужой и чуждый, другой, которого я не понимаю и не принимаю’. Это подтверждают примеры из словаря Даля: *Они странние, здесь незнамы, незахожи. Мы странних в дом пускать боимся.*

Из примеров и собственно словарных дефиниций следует, что странное воспринималось и воспринимается как чуждое и тем самым отклоняющееся от нормы, непривычное, то, что общество считает нестандартным, нетипичным, следовательно, неприемлемым.

1.4.1. Как было сказано выше, семантика и прагматика прилагательного СТРАННЫЙ ясно вычерчивается на фоне его «семантических соседей» – слов, близких по значению исследуемому прилагательному. Лексикографическая парадигма (ЛП) прилагательного СТРАННЫЙ была построена на основании концепции Ю.Н. Караулова (движение от словарных дефиниций к построению лексико-семантического

поля, что является базой структурно-семантического описания лексики [4]) и частной методики составления лексикографического множества слов с общей частеречной принадлежностью и максимальной семантической общностью, разработанной Л.О. Чернейко [14], в основе которой лежит поэтапный переход от исходной лексической единицы, взятой в статусе вокабулы, к лексическим единицам метаязыка, то есть тем, что входят в словарную дефиницию на правах опорного слова.

1.4.2. Анализ словарных дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ позволяет сформировать соответствующую ЛП и представить её как множество следующих элементов: НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕПРИВЫЧНЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ (т. е. наиболее частых опорных слов его толкования). Все они связаны инвариантным смыслом – ‘другой, не такой, как всегда, отклоняющийся от нормы в силу тех или иных причин (непривычности, непонятности, нелогичности)’. Однако прилагательное СТРАННЫЙ обладает более широким объёмом означаемого, чем остальные члены ЛП. Как представляется, это связано с двумя ранее выделенными смыслами, формирующими содержание понятия “странный”: а) ‘не такой, как всегда’ → ‘отклоняющийся от нормы’ → ‘странный’; б) ‘непонятный, нелогичный, не подлежащий рациональному объяснению’ → ‘отклоняющийся от нормы’ → ‘странный’.

Остальные прилагательные однозначно соответствуют одному из выделенных смыслов: НЕПРИВЫЧНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ (смысл а) и НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ (смысл б). Прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ

ближе по значению к прилагательному СТРАННЫЙ, так как основанием для подобной оценки является или необъяснимое, или непривычное явление действительности, нечто, что не вписывается в жизненный опыт субъекта оценки. Однако удивление – это иное ментальное состояние, чем то, которое обозначается прилагательным СТРАННЫЙ. По мысли античных философов, познание начинается с удивления. То есть, столкнувшись с явлением, вызывающим удивление, мы стремимся преодолеть своё непонимание, вписать пережитое в наш опыт. Если же говорящий наделяет что-либо оценкой СТРАННЫЙ, то он стремится намеренно отгородиться, отстраниться от этого. Отсюда отрицательные коннотации слова СТРАННЫЙ, которых лишено прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ (за исключением ироничного употребления: *Удивительная погода! Дождь как из ведра. Самое то для пикника!* – из разговора).

Словари синонимов русского языка (А.П. Евгеньевой [9], З.Е. Александровой [1]) позволяют включить в составляемую ЛП прилагательные ЧУДНОЙ и ДИКОВИННЫЙ (с пометой *разг.*), а также ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, ДИВНЫЙ, ЧУДНЫЙ (указание на более сильное чувство удивления, изумления, вызванное кем-либо/чем-либо), ЭКЗОТИЧЕСКИЙ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ (подчёркивается высокая степень отклонения от нормы).

1.5. Из анализа составленной ЛП с прилагательным СТРАННЫЙ в центре можно сделать вывод, что объём его означаемого значительно шире того содержания, которое стоит за большинством его «семантических сосе-

дей». Странный – это отклоняющийся от нормы не только в силу необычности и непривычности поведения, но и в силу нерациональности, нелогичности, необъяснимости, непонятности того или иного явления действительности. Именно поэтому данное прилагательное может сочетаться с именами практически всех явлений действительности – с именами конкретными, абстрактными, собирательными. Исходя из лексикографических данных, прилагательное СТРАННЫЙ можно интерпретировать как семантический центр, объединяющий все остальные элементы множества, которые, будучи объединёнными общим инвариантным смыслом, существенно различаются по значению (например, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ и НЕПОНЯТНЫЙ и т. п.). Более того, в слове СТРАННЫЙ кроется неприятие адресата оценочного суждения субъектом оценки, о чем свидетельствуют отрицательные коннотации данного прилагательного [15, с. 164].

2.1. Как было сказано выше, особенностями семантики и прагматики той или иной лексической единицы можно выявить путём проекции результатов анализа её контекстного поведения на лексикографическую информацию. По данным «Национального корпуса русского языка» [5], прилагательное СТРАННЫЙ практически отсутствует в научной и производственно-технической речи. Так, поиск в подкорпусе «Нехудожественные тексты, научная и производственно-техническая сфера» даёт следующий результат: в 725 документах (представлены контексты из журналов «Наука и жизнь», «Химия и жизнь» и т. п.) общим объёмом 1 861 398 словоупотреблений прила-

гательное СТРАННЫЙ встречается всего 32 раза, при этом ни одного контекста не приходится на период с 1974 по 2002 годы. Для сравнения: в 652 документах обиходно-бытовой сферы общим объёмом 713 372 словоупотребления прилагательное СТРАННЫЙ встречается 161 раз. Из них 114 словоформ приходится на контексты тематики «Частная жизнь». Причём частотность употребления прилагательного СТРАННЫЙ в текстах данной сферы постепенно возрастает, начиная с 1988 года. Столь разное количество словоупотреблений прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разных жанров объяснимо: точные технические науки стремятся к объективному знанию и, по возможности, к объективным оценкам, а в прилагательном СТРАННЫЙ оценка отягощена негативными коннотациями.

2.2. Особая роль прилагательного СТРАННЫЙ в современной нам действительности и отличие данной единицы от семантически смежных оценочных прилагательных как нельзя лучше демонстрируется в языке СМИ. Анализ материалов общественно-политического и литературно-художественного еженедельного журнала «Огонёк» (случайная выборка: № 4 за 1970 год, № 32 за 2008 год) позволяет понять особенности функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в советский и российский периоды русской истории. Так, в № 4 за 1970 год прилагательное СТРАННЫЙ встречается всего 6 раз: один – в статье памяти А.И. Герцена, где цитируются его слова. Остальные 5 – в рассказе о Великой Отечественной войне, где речь шла о «странном» учителе немецкого языка в селе, бесследно исчезнувшем нака-

нуне наступления фашистских войск: *Эрхард? Странная фамилия...; Тогда кто-то из соседей вспомнил странную причуду учителя: не любил фотографироваться, суеверный был, что ли; Фотографию, конечно, милиция нашла. В школьной анкете. Но лейтенант милиции тем не менее счёл нужным подробно записать свидетельства соседей о странной причуде учителя немецкого языка...*

По отношению к пропавшему учителю оценочное прилагательное СТРАННЫЙ не случайно употребляется достаточно последовательно: с виду благонадёжный Эрхард оказывается фашистским разведчиком, заброшенным в тыл к русским. Впоследствии, на территории Германии, он поступил как настоящий изверг с советскими военнопленными, не пощадив даже своей бывшей жены Анны. Именно прилагательное СТРАННЫЙ, обладающее отрицательными коннотациями и привносящее неприятие объекта оценки, как нельзя лучше передаёт отношение автора рассказа к Эрхарду: немец не просто выделялся из толпы, чем-то тревожным веяло от его поступков и привычек.

В остальных заметках номера 4 за 1970 год слово СТРАННЫЙ не встречается. Если же необходимо было передать смысл 'не такой, как всегда, отклоняющийся от нормы', то использовались другие оценочные прилагательные, без отрицательных коннотаций, например, НЕОЖИДАННЫЙ: *Уже в этом факте было что-то неожиданное, т. к. господин Шривастава весьма редко встречался с журналистами, тем более иностранными.*

Столь малая частота употребления прилагательного СТРАННЫЙ в жур-

нале 1970 года выпуска объясняется достаточно просто: это период «развитого социализма», или, как называли эпоху в публицистике, «период застоя», когда абсолютно всё как в обыденной, так и в культурной жизни населения расценивалось с точки зрения коммунистической морали. По формальным показателям уровень жизни в стране был стабильным, советское общество двигалось к «светлому будущему», а все жестокое, аморальное прятали под покровом «относительного материального благополучия и массового безразличия» [7, с. 175]. В тот период странного, т. е. неприемлемого, вызывающего неприятие своей инаковостью, в советской среде просто не могло быть.

2.3. В журнале «Огонёк» за 2008 год (№ 32) находим 21 контекст на употребление прилагательного СТРАННЫЙ, например: *Сегодня в России и мире я вижу какие-то странные, высушенные опусы, которые почему-то называются авангардом, но, думаю, к авангарду они не имеют отношения* (из критической заметки о переменах в российском театре за последние годы); *«Это очень странно!» – с негодованием выдохнул я. «Ничего странного, – успокоительно сказала Марайка. – Платежи из России доходят до нас в течение двух-трёх недель»* (заметка обозревателя «Диалог цивилизаций» о непростом соотношении русской и иностранных бюрократических систем); *По странному совпадению, возглавляют этот фонд совсем не чужие видному сотруднику Росприроднадзора люди: его жена Людмила стала «председателем президиума» (так в официальных документах!), а его юрисконсультант (представлявший интересы Митво-*

ля в судах) Михаил Мажирин – президентом (заметка с грифом «Скандал» о незаконном предприятии, организованном российским чиновником); *Одна наша учительница с заключительного концерта в лагере пришла расстроенная: «Наши дети...» – дальше она очень плохо сказала. Потому что они странно одеваются (ох уж эти мешковатые штаны!)* («Плавай, сынок, и кури...») – заметка о безответственном отношении родителей к детям-подросткам).

Данные контексты охватывают самые разные сферы общественной жизни: образование и культура, здравоохранение, экономика и финансы, юриспруденция и многое другое. Однако во всех контекстах употребление оценочного прилагательного СТРАННЫЙ свидетельствует о разной степени возмущения субъекта оценки: от ядовитой иронии в адрес продажных чиновников до открыто выраженного негодования по поводу издержек бюрократической системы. Наличие прилагательного СТРАННЫЙ в официальной речи вполне соотносится с духом времени – с настроением на гласность, открытым отстаиванием собственного мнения, пусть даже идущего вразрез с государственной идеологией. Если же охватить вниманием все сферы употребления интересующей нас лексической единицы, то вырисовываются актуальные проблемы современности. Странным называют всё то, что волнует наших современников, вызывает у нас тревогу. Отсюда можно сделать вывод, что прилагательное СТРАННЫЙ является своеобразной лакмусовой бумажкой, высвечивающей состояние общества в тот или иной период времени.

3.1. В современной художественной литературе слово СТРАННЫЙ тоже достаточно широко представлено. Частота употребления данного прилагательного и его «семантических соседей» в сборнике популярного писателя Захара Прилепина «Ботинки, полные горячей водкой» такова: в 7 рассказах сборника можно найти 23 оценочных суждения, организованных данными лексическими единицами (в среднем по 2-3 контекста на рассказ). Что же странного видит повествователь и рассказчик Прилепина в современной нам действительности?

3.2.1. Герои пацанских рассказов Прилепина – с виду суровые, brutальные люди, жёсткие и иногда даже жестокие, многое повидавшие на своём веку, но не утратившие живости и чувства жизни. Они способны поглядеть на мир как бы со стороны и увидеть необычное в самых обыденных и уже приевшихся вещах. Так, герой рассказа «Жилка» – оппозиционер, занимающийся «революцией» и несправедливо обвиняемый спецслужбами в террористической деятельности. Предчувствуя очередную погоню, он садится в троллейбус и бесцельно едет все дальше от дома: *Некоторое время я ехал в странном оцепении, почти не напуганный... Я начал разглядывать пассажиров, они были удивительно далеки от меня, словно мы неумолимо разъезжались в разные стороны.*

Странное состояние главного героя не случайно: словно каменная стена возвышается между ним и всем остальным миром. Чуждыми кажутся люди вокруг, герой замечает каждую мелочь рядом с собой, но чувствует свою отдалённость от жизни, отрешённость от чего-то важного, что происходит здесь

и сейчас. Его не понимают и не принимают, он иной, не такой, как все, и не может жить обычной жизнью, он чужд для всех: *За окном проносились авто, в каждом из которых сидела душа чуждая, как метеорит. Как много в мире чужого тепла, о которое не согреться.*

Ощущение отчуждения, взаимного непонимания усиливается употреблением однокоренных прилагательному СТРАННЫЙ слов в описании отношений главного героя с его женой: *Нам становилось тесно, душно, дурно. ... Я обнимал её, – но она отстранялась во сне... Я помню это ночное чувство: когда себя не помнящий человек чуждается тебя, оставляя только ощущение отстранённого тепла...*

3.2.2. Главный герой рассказа «Бабушка, осы, арбуз» вспоминает о родной деревне с особым сердечным теплом, как о чём-то самом важном в жизни: совместная работа на огороде, весёлое поедание сочного арбуза, спокойная улыбка бабушки. Совсем по-другому воспринимает герой родные места спустя несколько лет, когда приезжает туда с женой: опустевшая деревня, серость, «неведомой травой» поросшие огороды. Уже не родственному спокойно, а с затаённой душевной болью оглядывает рассказчик деревню: *Мы въехали на белой «Волге» в деревню, мы двигались в поднятой нами пыли, странные и неприличные здесь, словно на Луне.*

Употребление оценочного прилагательного СТРАННЫЙ вновь многое раскрывает в мировосприятии героя: он чувствует себя чужим и абсолютно ненужным, оторванным от всего родного и милого его сердцу. Он сам чужд людям вокруг, и окружающие чужды ему.

3.2.3. Употребление оценочного прилагательного СТРАННЫЙ часто свидетельствует не только об особом мировосприятии героя, но и о его неприязненном отношении к тем или иным событиям или же лицам. Так, странным кажется герою рассказа «Убийца и его маленький друг» лицо одного его знакомого по кличке Гном: *У Гнома тоже бороды не было, зато наблюдались усики, тонкие, офицерские. И вообще всё на лице его было маленьким, словно у странной, мужской, уса-той куклы.*

Неприязню, отторжением и какой-то необъяснимой тревогой веет от этого описания обычного на первый взгляд бойца спецназа. Гном казался мягче и добрее своего друга Серёги по кличке Примат, без малейшего сожаления убивавшего как людей, так и животных. Однако после гибели Примата в бою Гном совершает бесчеловечный поступок: грабит беременную жену Серёги. В этом вся его подлая сущность, вскользь отмеченная рассказчиком в самом начале повествования.

3.3. Прилагательное СТРАННЫЙ стоит в текстах Прилепина в одном ряду с прилагательными ЧУЖОЙ, ЧУЖДЫЙ, НЕЛЕПЫЙ, что в сочетании с высокой частотой употребления данных лексических единиц говорит о значимости смысла 'странный, не такой, как все, чуждый и неприемлемый' для автора. Герои Прилепина чувствуют себя одинокими и неприкаянными в окружающем их мире, они странны и чужды для окружающих, и весь мир странен и чужд для них. Таким образом, прилагательному СТРАННЫЙ и смежным с ним единицам принадлежит особая роль в построении повествования.

4.1. Обобщая всё сказанное выше, можно сделать следующие выводы: а) содержание оценочного прилагательного СТРАННЫЙ значительно шире семантического объёма смежных с ним прилагательных (НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ и т. д.) за счёт смысла 'чуждый, неприемлемый, вызывающий неприязнь'. Широкий круг сочетаемости прилагательного СТРАННЫЙ делает его своеобразным центром сформированной лексикографической парадигмы;

б) проекция результатов анализа контекстного поведения прилагательного СТРАННЫЙ на сформированную им лексикографическую парадигму высвечивает особую роль изучаемого прилагательного в раскрытии состояния общества в тот или иной момент. В наше время СТРАННЫЙ является своего рода политкорректным эвфемизмом, который тем не менее указывает на острые общественно-политические проблемы эпохи;

в) прилагательное СТРАННЫЙ играет особую роль в построении художественного текста. Употребление оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ, свидетельствует не только о состоянии объекта, но и, в первую очередь, о мировоззрении и состоянии души самого оценивающего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovardalya.ru/> (дата обращения: 20.05.2015)
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.04.2015)
6. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1990. 336 с.
7. Словарь русского языка под редакцией Евгеньевой А.П. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/> (дата обращения: 21.05.2015)
8. Словарь синонимов русского языка под ред. Евгеньевой А.П. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/> (дата обращения: 22.05.2015)
9. Словарь современного русского литературного языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/> (дата обращения: 21.05.2015)
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymolog.ruslang.ru/> (дата обращения: 25.05.2015)
11. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1990. 944 с.
12. Чернейко Л.О. Спецкурс «Аспекты семантического анализа слова в языке и речи». МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009-2010.
13. Шилова Е.В. Прилагательное СТРАННЫЙ в структуре текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 4. С. 155-165.
14. Шилова Е.В. Сопоставление семантического объёма прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского и современном русском языке // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Вып. 6. М., 2015. С. 409-412.
15. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Электронный ресурс]. URL: www.ruthenia.ru (дата обращения: 13.04.2015)

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 929Титов В.П.

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-83-89

Греджева Е.В.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В.П.ТИТОВ – ЛИТЕРАТОР, ДИПЛОМАТ, ИСТОРИК*

Аннотация. В статье даётся краткий очерк жизни и творчества В.П.Титова - писателя и критика XIX века. Автор касается разных аспектов его деятельности: литературной, дипломатической, государственной. Биографический материал позволяет раскрыть внутренний мир творческой личности, увидеть историю его самореализации в разных областях, определить место в культурной и государственной жизни русского общества. Философское мышление и широта взглядов Титова отразились в его повестях и статьях. В творчестве и на службе Титов отдавал предпочтение интересам Отечества, труду на благо российского общества.

Ключевые слова: жизнь и творчество Титова, внутренний мир творческой личности, универсальность мировидения, философское мышление, интересы Отечества.

E. Gredzheva

S. Yesenin Ryazan State University

V. TITOV – A WRITER, A DIPLOMAT, A HISTORIAN

Abstract. The article dwells upon the brief outline of the life and work of the writer and critic V. Titov. The author touches upon different aspects of his life path: literary, diplomatic, public. The biographical material helps the reader to reveal the inner world of the artistic personality, to see the history of his self-fulfilment in different spheres, to determine the place in the cultural and public life of the Russian society. Titov's aspiration for philosophical thinking and catholicity of his world outlook led to various attempts in prose. In his art works and on duty Titov always preferred his Motherland's interests, work for the sake of the Russian society.

Keywords: Titov's life and works, inner world of an artistic personality, catholicity of the world outlook, philosophical thinking, Motherland's interests.

© Греджева Е.В., 2015.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Рязанской области Проект РГНФ 15-14-62001 а(р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

Исследователей русской литературы XIX века прежде всего привлекали писатели известные, чьи произведения исторически относят к числу значимых и ценных. Но не менее важно для понимания специфики литературного процесса обращение к творчеству малоизвестных писателей. Настоящая статья посвящена жизни и творческой деятельности Владимира Павловича Титова (1807–1891). Его произведения не получили по сию пору достойного внимания со стороны исследователей. В.Ф. Ходасевич [11, с. 3-7], С.А. Фомичев [10, с. 607], Т.Т. Цявловская [12, с. 101], В.В. Виноградов [3, с. 146], В.Э. Вацуру [2, с. 352] в своих работах писали лишь о самой известной повести Титова – «Уединенный домик на Васильевском». В.И. Сахаров [9, с. 106-111] и В.Д. Морозов [8, с. 188] анализировали его отдельные критические статьи. Л.А. Черейский [13, с. 453], Т.В. Шустова [15, с. 211-222], И.Н. Гаврилов [4, с. 58] посвятили свои работы биографическому аспекту изучения.

Личность Титова заслуживает внимания исследователей, поскольку являет собой пример верности возвышенным идеалам как в литературной, так и в государственной деятельности. Дипломату и общественному деятелю, ему всегда был присущ универсализм мышления. Выдающийся философ, юрист, историк и социолог Б.Н. Чичерин писал о Титове: «Человек честный, благородный, с разносторонним образованием, о котором остроумный поэт Тютчев говорил в шутку, что он создан для того, чтобы составить инвентарь творения...» [14, с. 55]. Творчество В.П. Титова воплотило в себе мировоззрение своего поколения.

В.П. Титов родился в селе Новики, ныне Спасского района Рязанской области в семье отставного майора, предводителя дворянства Спасского уезда Рязанской губернии Павла Петровича Титова. О его матери Елизавете Васильевне Титовой известно, что она была «весьма замечательная по возвышенному характеру женщина» [15, с. 92]. Владимир Павлович был воспитанником Благородного пансиона при Московском университете и жил в Москве в Медвежьем переулке недалеко от Малой Дмитровки. В годы учебы изучал древнегреческий язык, и за глубокие знания ему было дано прозвище Эллин.

Окончив курс с нанесением его имени на золотую доску, Титов поступил на службу в Московский архив Министерства иностранных дел. В продолжение четырёх лет службы он вращался в самом просвещённом московском обществе. Титов был частым гостем салона княгини З.А. Волконской, был знаком с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Ф.И. Тютчевым, П.А. Вяземским и А. Мицкевичем.

Начало критической деятельности В.П. Титова было связано с его активным участием в Обществе любителей. Свои взгляды молодые философы излагали на страницах журнала «Московский вестник», в котором живейшее участие принимал и Титов. Его литературно-критические взгляды сложились под влиянием эстетики братьев Шлегелей, Ф. Шеллинга, Новалиса, Тика. Титова, как и других любителей, волновали вопросы формирования гражданского самосознания. В возвышенном и прекрасном молодые философы видели источник прогресса и духовного преображения общества. Огромная роль отводилась

способности художественного произведения «возвышать душу» читателя, а также просвещать его разум и сердце. Неоспоримой считалась свобода слова поэта и писателя. Исключительная избранность поэта означала не только право на свободу творчества, но и обязывала вести читателя за собой к духовному совершенствованию.

Идеалы прекрасного любомудры стремились обнаружить не только среди отвлечённых идей, но и в духовной жизни народа.

В программе любомудров важное место занимает вопрос о прозаических жанрах, среди которых как наиболее актуальные выделялись роман и повесть. Специфике названных жанров посвящены статья Титова «О романе как представителе образа жизни новейших европейцев», рецензия на роман Ф. Купера «Прерия». Особое значение роману и повести придавалось в связи с их популярностью среди читателей и влиянием прежде всего на нравы юношества. Опираясь на труды А.И. Галича и немецких критиков, Титов заложил основу теории романа в русской эстетике, подверг анализу историю этого жанра и его типологию, определил важнейшие качества романа: универсальность и народность.

Дружба с В.Ф. Одоевским, С.П. Шевырёвым, А.И. Кошелевым, братьями Киреевскими не ограничилась только временем совместной издательской деятельности. Общие интересы, взгляды на литературу и историю, совместные планы существовали на протяжении всей жизни Титова, о чём свидетельствует его переписка.

Формирование эстетической теории Титова шло параллельно с его службой в Московском архиве Мини-

стерства иностранных дел, а также с написанием оригинальных и переводных повестей. Титов уже в юности решил, что не должен ограничивать себя одной словесностью и философией. Государственная служба всегда была для него важнейшим делом, которое он совмещал с литературным творчеством. Наиболее известна читателям и литературоведам повесть Титова «Уединённый домик на Васильевском...», опубликованная в альманахе «Северные цветы» в 1829 году под псевдонимом «Тит Космократов». Вопрос об авторстве повести долгое время вызывал споры среди литературоведов, так как первоначально, по свидетельствам современников, историю о таинственных событиях на Васильевском острове рассказал А.С. Пушкин. О генетической связи повести с пушкинскими произведениями писал Н.О. Лернер.

Настоящая статья опирается на точку зрения Т.Г. Цявловской [12, с. 106] и В.В. Виноградова, признающих Титова автором данной повести [3, с. 64]. Краткая литературная энциклопедия [6, с. 83], Дипломатический словарь [5, с. 811] указывают, что именно Титов (литературный псевдоним – Тит Космократов) является автором повести «Уединённый домик на Васильевском».

Повесть сочетает в себе черты готического романа и идиллии. Тихий мир благочестивых жителей уединённого домика на Васильевском разрушает таинственный герой-злодей, появление которого влечёт за собой страшные последствия. Мир обычных людей и событий соседствует с миром необъяснимых могущественных сил, рождающим ужас и безумие. Уединённый домик является аналогом замка из го-

тического романа. Мы видим здесь и другие черты готики: образы девы в заточении и честной верной служанки; мотив вины, преследующей героев.

В повести присутствуют подробное описание переживаний героев, склонность к поучению и в то же время эстетика тайны, тем самым в ней переплетены традиции сентиментализма и романтизма.

В альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы» на 1831 г. вышла повесть Титова «Монастырь святой Бригитты», посвящённая событиям периода Реформации в Ревеле. В центре повести – любовная история молодых горожан, вовлечённых в существовавшее историческое противостояние католичества и протестантизма. Внимание читателя обращено на столкновение обычного человека, горожанина Эрнеста, с законами католической церкви. Автор создаёт иллюзию устного предания, опирающегося на реально происходившие события. В повести мы видим сочетание готических черт (легенда о наказанном сластолюбце, готические руины) с идиллическими (воссоединение влюблённых, нравоучительный комментарий).

Жизнь предоставила Титову возможность узнать обычаи Востока. С 1830 года он в составе русской миссии в Константинополе. Дипломатическому поприщу Титов отдал 35 лет жизни. За это время он был генеральным консулом в Валахии и Молдавии, поверенным в делах в Турции, управляющим миссии в Штутгарде, чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртемберге. Титов вёл переговоры с турецким правительством, закончившиеся подписанием Балта-Лиманского договора, расширявшего

русские права. В 1850 году воспротивился уступкам Порты Франции в вопросе о «святых местах» в Вифлееме и Иерусалиме. В 1855 году в качестве второго делегата принимал участие в работе Венской конференции. Особо надо отметить важность личного, субъективного фактора дипломатического представительства России на Ближнем Востоке. «От посла и консула, их личных убеждений, воспитания, такта, образованности, религиозности зависело многое. Возрастала мера нравственной и профессиональной ответственности дипломатов» [7, с. 5].

Личные впечатления, полученные за границей, отразились в творчестве Титова. Конец 1830-х годов – это время, когда бывшие авторы «Московского вестника» сотрудничают с А.С. Пушкиным, ранее публиковавшимся в журнале Любоумров. В 1837 г. в «Современнике» выходит статья Титова «Восточная жизнь», посвящённая сопоставлению образа жизни и мировоззрения народов Запада и Востока. Созерцательность и неспешный подход в рассуждениях у людей Востока вызывают симпатии и уважение автора. Интерес у Титова, как и у А.С. Пушкина, вызывает своей поэтичностью Коран и мусульманский фольклор.

В статье «Светский человек, дипломат, литератор, воин» (1837) писатель рассуждает о различных типах характеров, связанных с профессиональной принадлежностью и складом ума.

Титов планировал издать в «Современнике» и третью статью, передающую его впечатления на дипломатическом поприще. В письме В.Ф. Одоевскому в июне 1837 года он пишет о статье с говорящим названием «Славяне»¹, но

¹ ОР РНБ Фонд №539 Ед.хр.1063

дела служебные, видимо, не позволили закончить над ней работу.

В начале XIX века возрос интерес к переводам. Титов тоже пробовал свои силы в области литературного перевода в период сотрудничества в «Московском вестнике». В 1827 году вышли его повести «Печёная голова» и «Переход через реку, приключение брамина Парамарти», особо замеченная Пушкиным. В этих произведениях автор обращается к приёму литературной игры и пишет в жанре восточного предания. Титова прельщают экзотика и необычность восточных сюжетов. Интересный сюжет и восточный колорит призваны заинтриговать читателя, пробудить интерес к культуре других народов.

Титов вошёл в историю переводной литературы и как переводчик античных трагедий Эсхила и Фукидида, знаменитой книги немецких романтиков В. Ваккенродера и Л. Тика «Об искусстве и художниках» (1826). Знакомя читателей с произведениями зарубежных авторов, он воплощает столь важную для начала XIX века идею немецких романтиков о необходимости «средствами художественного перевода сделать доступным для своих читателей ...более или менее полный круг шедевров всех времён и народов» [1, с. 561].

Титов видел в изучении истории прошлого ключ к созданию общефилософской картины мира в целом и к самоопределению русского народа в частности. Истории Крыма посвящена статья «Исторический взгляд на перемены крымские»¹. Особое внимание в ней уделено периоду освоения русскими крымских земель. Подчеркивает-

ся сложность собственной крымской истории, насыщенной войнами и переходами от одного правления к другому.

В 1872-1891 годах Титов являлся председателем Археографической комиссии, был членом Рязанской учёной архивной комиссии. В русской истории Титов видел личности и события, изучение которых могло иметь огромное значение для юного поколения. Интересовался он и историей собственного рода. Плодом исследований стали «Материалы для биографии Алексея Титова, архиепископа Рязанского и Муромского». Титов в зрелом возрасте подчёркивал особую важность обращения к истории русского духовенства, поскольку его роль в духовной жизни общества очень велика. В «Материалах...» перед читателем биография священнослужителя, полная взлетов и падений. Автор воздерживается от собственной оценки поступков своего героя, предоставляя читателям самим поразмыслить над этой историей.

На протяжении всей жизни Титов обращался к проблемам воспитания и образования в России. В 1830 году он пишет о необходимости популяризации искусства, о лекциях по эстетике, о народных школах. В 1858 году, находясь в Штутгарде, делится с другом В.Ф. Одоевским мыслями о народном воспитании, об издании учебников². В 1856 году Титов был призван для заведования учением великих князей, его деятельность государь высоко оценил в своём рескрипте: ««Мне особенно отрадно вспоминать о том времени, когда я назначил вас воспитателем любезнейших сыновей моих. Просвещён-

¹ Архив РНБ Фонд №588 Ед.хр. № 303

² ОР РНБ Фонд №539 Ед.хр.1063

ное попечение ваше о сём близком родительскому Моему сердцу деле не изгладится из Моей памяти»¹.

В деятельной и полной событий жизни В.П. Титова важную роль играла переписка. Среди его адресатов писатель В.Ф. Одоевский, критик и историк литературы С.П. Шевырёв, историк, археолог и журналист М.П. Погодин – друга Титова со времён Общества Любоумудрия и «Московского вестника»; П.А. и П.П. Вяземские; многие известные историки. Литературные связи Титова весьма обширны. Вместе с Ф.И. Тютчевым и П.А. Вяземским Титов составлял «арёпаг тонких ценителей искусства»², как писал Н.П. Жандр, писатель, драматург и переводчик. Будучи за границей, Титов постоянно интересовался всем происходящим в русской литературе. Переписка открывает нам широкие интересы автора, его творческие планы, размышления о проблемах отечества.

Большую часть своей жизни Титов посвятил государственной службе и сам сетовал, что не хватает времени и сил воплотить в жизнь всё задуманное. В 1865 году, когда Титову исполнилось 58 лет, закончилось его дипломатическое служение. Он стал членом Государственного совета и ещё четверть века служил в разных отраслях внутреннего управления России, был гласным Рязанского губернского земского собрания. Умер Титов от гриппа в 1891 году в Харькове, по пути в Ялту.

Философское мировоззрение Титова, разносторонность и обширность его знаний и интересов, плодотворная

¹ Высочайший рескрипт, данный на имя члена Государственного совета, действительного тайного советника Титова 21 декабря 1873 года. Санкт-Петербургские Ведомости. №352. РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 2. лл. 4-7.

² ГПБ, ф. 280, оп. 1, № 1, л. 1.

государственная и общественная деятельность воплотились и в его творчестве. Литературные опыты Тита Космокротова, как автор долгое время подписывал свои произведения, продемонстрировали чуткое внимание к влиянию других культур. Велик вклад Титова в популяризацию идеи просветительской и воспитательной роли литературы, формирование теории повествовательных жанров, утверждение в литературе нравственного превосходства цельной личности, исторической и национальной конкретизации художественного изображения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.А. Зарубежная поэзия в переводах Жуковского. М.: Радуга, 1985.
2. Вацуро В.Э. Готический роман в России. М.:Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.
3. Виноградов В.В. Сюжет о влюблённом бесе в творчестве Пушкина и Тита Космокротова // Пушкин: Исследования и материалы. Л.:Изд-во Ленинградского университета, 1982. Т. 10. С. 146-172.
4. Гаврилов И.Н. «Архивный юноша» и его повесть // Есенинский вестник. Вып. 5. Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 1998. С. 23-36.
5. Дипломатический словарь. М: Госполитиздат, 1950. 926с.
6. Краткая литературная энциклопедия в 9 т. Т. 8 . М.: Советская энциклопедия, 1975. 1136 с.
7. Лисовой Н.Н. Смирнова И.Ю. Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни восточных патриархатов в середине XIX века // Российская история. 2009. № 1. С. 5-25.
8. Морозов В.Д. «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1990. С. 188-199.

9. Сахаров В.И. Романтик-любомудр В.П. Титов и его литературно-критическое наследие // Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1994-1995. М.: Наука, 1996. С. 106-111.
10. Фомичёв С.А. В.П. Титов // Русская фантастическая проза эпохи романтизма. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 672 с.
11. Ходасевич В. Вступ.ст. // Титов В.П. Уединённый домик на Васильевском. М., 1915. С. 3-7.
12. Цявловская Т.Т. Влюблённый бес (Неосуществлённый замысел Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы. М.-Л.:Наука, 1960. Т. 3. С. 101-130.
13. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1986. 544с.
14. Чичерин Б.Н. Воспоминания. М.: Изд-во Сабашниковых, 2010. 1024 с.
15. Шустова Т.Н. Владимир, родство помнивший // Насельники рязанских усадеб. Рязань: Издатель Ситников, 2007. С. 211-222.

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-90-98

Левицкая Н.Е.*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)***ОБРАЗНАЯ СФЕРА КАРТИНЫ МИРА АВТОРА В ЛИРИКЕ Е. РЕЙНА**

Аннотация В статье представлен поэтический анализ Е. Рейна второй половины XX века. В качестве предмета исследования избран метапейзажный дискурс лирики, категория картины мира автора использована в концептуальном и функциональном аспекте как методологический аппарат исследования. Рассмотрена образная сфера поэзии, выделены основные тропеические модели, отмечена континуальность пространственно-временных образов. Отличительными чертами является реверсивная поэтика – взаимоатрибутирование природных и культурных реалий – и дискурсивность пейзажного образа в зрелом творчестве Е. Рейна.

Ключевые слова: поэзия, лирика, картина мира, метапейзажный дискурс, образная сфера, тропеическая модель, реверсивная поэтика, континуальность и дискурсивность пейзажного образа.

N. Levitskaya*V. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)***FIGURATIVE SPHERE OF PICTURE OF THE WORLD IN E. RHINE'S LYRICS**

Abstract. The paper presents an analysis of E. Rein's poetry of the second half of the 20th century. As a subject of study metalandscape lyric discourse is chosen, the category of the author's picture of the world is used in the conceptual and functional aspects of the device as a methodological study. We study the figurative sphere of the poetry, highlight the main conceptual models, mark continuity of space-time images. The distinctive features are reverse poetics – interattributization of natural and cultural realities – and discourse of landscape image in E. Rein's mature work.

Keywords: poetry, lyrics, picture of the world, metalandscape discourse, figurative sphere, conceptual model, reverse poetics, continuity and discourse of landscape image.

Творчество Евгения Рейна, получившее широкий резонанс в литературной критике [1, 5, 10, 13], постепенно становится предметом изучения литературоведческой науки [4]. Хронологически эстетическая деятельность автора вписана в русский поэтический процесс второй половины XX века и органично отражает его общие тенденции. Но художественный мир по определению обладает главной ценностью – оригинальностью и невозпроизводимостью. Задача исследователя – выявить его индивидуально-авторскую специфику, которая, при всей её неповторимости, обуславливает определённое место писателя

в действующей парадигме художественности.

Как представляется, пейзажный дискурс лирики является одним из наиболее презентативных аспектов художественного мира, позволяющих на поэтикальном уровне выделить творческие стратегии авторского сознания, направленные на формирование эстетической реальности. Авторское сознание, по мнению Н.М. Мирошниченко, «является синтезом личностного сознания биографического автора и его творческой интенции, выводящей личность на «надличностный» уровень. В смысловое поле авторского сознания входит фигура «автора-творца» и продуцирующие его индивидуально-психические и культурно-духовные интенции» [7, с. 208]. Н.М. Мирошниченко соотносит авторское сознание «со всем творчеством писателя» и выявляет его особенности через архитеконику, а автор-творец, по её мнению, «обнаруживается через картину мира в художественном тексте» [7, с. 208]. Полагаем, что категория картины мира в методологическом аспекте наиболее функциональна при анализе лирики. Зачастую исследователь, подпадая под эмоциональное воздействие тонкой лирической материи, сбивается на субъективизм в интерпретации текста. Концептуальность и системность категории картины мира, обоснованные в работах И.В. Остапенко [8], позволяют использовать её как методологический инструментарий. Картина мира, по мнению исследовательницы, эксплицирована в лирике пейзажным дискурсом.

Применение категорий картины мира и пейзажного дискурса относительно поэзии Е. Рейна уже было нами предпринято в предыдущих работах

[6]. Выявлена специфика субъектной сферы и пространственно-временной парадигмы картины мира автора в пейзажном дискурсе его лирики. Цель данной статьи – изучение образного строя поэзии Е. Рейна, выявление стратегий авторского сознания на уровне формирования и функционирования художественного образа. В качестве исследуемого материала использована книга «Избранные стихотворения и поэмы» (2001) [11]. Выбор текстов обусловлен общим научным интересом автора статьи по выявлению специфики функционирования пейзажного дискурса в русской лирике двух последних десятилетий XX века. Кроме того, сборник «Избранного» позволяет проследить эволюцию авторского сознания на текстовом и метатекстовом уровне.

В концептуальном смысле в парадигму картины мира автора, понимаемую как «представленность» мира перед «человеком-субъектом», в качестве одного из её аспектов входит способ и средства презентации мира. Номинации реалий физического мира, а в контексте интересующего нас пейзажного дискурса – природного мира, становятся «образами» мира (А.А. Потебня) и формируют картину мира в сознании человека-субъекта. В процессе творческой деятельности сознание человека приобретает статус художественного и из уже имеющихся «образов» первичной действительности создаёт вторичную действительность – художественное произведение. В лирике в соответствии с её генетической и исторической природой функционируют субъект-субъектные отношения, следовательно, субъектно-образные отношения также сформированы на

основе принципа синкретизма. В эпоху модальности природа образности, по С.Н. Бройтману, характеризуется одновременным присутствием в лирическом тексте разных художественных языков – «простого», риторического и условно-поэтического, что обуславливает неосинкретизм современной лирики на образном уровне.

В данном исследовании сосредоточимся не столько на выборе автором объектов действительности, которые презентуют пространственно-временной пласт его картины мира, сколько на средствах и способах введения их в художественный мир лирического текста. В названном ракурсе рассмотрим поэтические тексты Е. Рейна. Сосредоточимся не на собственно средствах художественной выразительности, а на специфике использования номинаций природных реалий и их характеристик в художественном мире на внутритекстовом уровне.

Начнём с наиболее презентативного авторского приёма, где номинации природных реалий использованы в качестве маркеров пространственно-временных координат лирического субъекта в мире художественном: «Вдруг над Черноморьем долгие раскаты, / хлябь, гром» [11, с. 305], «где-то у Обводного канала, / где вокзал и где районный сад» [11, с. 356]. Показательно, что топосная сфера лирического субъекта представлена как собственно природным пространством, так и городским, притом урбанистические реалии преобладают, что уже отмечалось при анализе пространственной парадигмы картины мира автора. Описания открытого природного пространства, что традиционно именуется собственно пейзажем, практически

отсутствуют. Реалии же природного мира включены в пространственную сферу городского мира, о чём свидетельствуют номинации растительного и животного мира, презентующие живую природу, окружающую городского жителя: «на веточке качается скворец» [11, с. 237], «собака в подворотне так добра» [11, с. 256], «Зеленью, куриной слепотою зарастает поле под окном» [11, с. 420]. Зачастую акцентируется утилитарное значение названий природных реалий: «чай с брусникой», «клубника на базаре», «кислятина колхозных груш», но и чисто практический смысл образа может намеренно эстетизироваться, хоть и с ироническим оттенком: «где можно жить на помидорах и украшать черешней рот» [11, с. 254]. Художественность пейзажному образу могут придавать акцентирование лексического значения (ст.-сл. «небеса»), метафорические эпитеты и языковая метафора: «*неуёмный* дождь над заливом, / *бьёт с небес* по лаврам, акациям, розам» [11, с. 287], кумулятивное соположение прямых и метонимических номинаций: «От пляжей, сосен, молока и солнца» [11, с. 235]. Так из семантики непосредственных маркеров физического мира, природного и городского, расширенной за счёт актуализации метафорического и метонимического значений, формируется художественный образ: «Что мне стоит припомнить Крестовский проспект, / где балтийские волны гудят нараспев / в ноябре, в наводнение, когда острова / заливают запоем залив и Нева?» [11, с. 391]. Уже в данном примере наглядным становится синкретизм художественных языков автора: простого слова – номинации «Крестовского проспекта», «Невы», «залива», риторическо-

го – языковая метафора «волны гудят», олицетворение «острова заливают... залив и Нева», и условно-поэтического – «заливают запоем» (образность усиливается за счёт аллитерации), «гудят нараспев». Притом для воссоздания динамики природного мира автором используются культурологические модели – «нараспев», «запоем».

Показательным для картины мира Е. Рейна является приём олицетворения: «Невка мелкою волной / молчит под утро» [11, с. 337], «Полнеба задвигает, свергает синева» [11, с. 397], «Таллин на рассвете как первая любовь» [11, с. 429], усиленный метафорическими коннотациями природных маркеров. Иногда, но довольно редко, что отмечалось при анализе субъектной организации, олицетворение позволяет перевести природную номинацию в субъектную сферу: «апрель вступает в календарную артель» [11, с. 236]. Изредка субъектная форма в виде пространственной номинация выступает как «другой», коммуникативный партнёр перволичного лирического субъекта в лирическом сюжете текста: «площадь огорошила меня, / происходило лютое движенье, / сюда заброшенное от ствола Садовой, / грузовики стремились в представленье, / свергая предыдущее строенье, / и, прислоняясь к домику Главпива, / я бросился хоть что-нибудь спасти» [11, с. 257]. Здесь «площадь», «Садовая», «грузовики» становятся участниками динамического события, организующую роль в котором для реализации лирического сюжета должно сыграть лирическое «я».

И описанный приём олицетворения у Е. Рейна, и последующие примеры тропов (сравнения, метафоры, метонимии) восходят, как представля-

ется, к приёму параллелизма, который для автора выглядит органичным, что подтверждает историко-литературную природу данного вида художественного языка. У Е. Рейна параллелизм выявляет субстанциальную близость человека и природы, определяет его онтологическую парадигму: «ранней осени бессмертная прохлада, / поздней жизни перекопанная нива» [11, с. 327], «И жёлтое небо заката / тревожно, и так же почти / неясным волненьем объята / душа на обратном пути» [11, с. 405], притом актуальна для Е. Рейна не только сугубо природа, но мир в его универсальном смысле как место пребывания человека на земле: «Ступать бы по улицам мокрым, по жёлтому свету души» [11, с. 242].

Как известно, параллелизм, по А.Н. Веселовскому, является одним из первых художественных языков, на основе которого сформировался более поздний язык тропов. Поэтому в сравнении, метафоре, метонимии, которые чаще всего встречаются в лирике Е. Рейна, обнаруживается модель параллелизма, но в чистом виде отдельно взятые тропы встречаются редко, преимущественно они образуют сложный художественный образ из переплетения и перетекания тропеических моделей одна в другую. Для наглядности всё же приведём несколько примеров отдельных тропов, дающих представление о художественном уровне авторского сознания: сравнение («солнце – клюквенный мазок» [11, с. 39], «возле Фонтанки / Ярче малины слащавая муть» [11, с. 412]), метафора («Лучи кидались в зеркало с московской мостовой» [11, с. 246], «дымный закат разливают кагор / над островами» [11, с. 412], «Расплющенным серебром дождь пасмур-

ный колдовал» [11, с. 34]), метонимия («стоит перед окном апреля нагота» [11, с. 291], «невский сумрак, сырой и бесстрашный, / заползает в твои этажи» [11, с. 297]), парафраза («как свободно, страшно, тесно / небесная блесит слюда» [11, с. 303]).

Но такое намеренное выбирание тропов из текста стихотворений не даёт полного представления об авторской технике формирования образа. Посмотрим пристальнее на метафорический образ в целом: «Ночь уходит по серому серым, / погружаясь на лунное дно / и апокалиптическим зверем / залезая под утро в окно» [11, с. 308]. В смысловое поле «ночи» входит и её прямое значение – часть суточного цикла, последовательно сменяющегося «утром», временная семантика коррелирует с пространственной атрибутикой – «лунное». Языковая метафора «ночь уходит» разворачивается за счёт градации («по серому серым»), где метонимический образ соположен с эпитетом, а динамика события усиливается парафразой («лунное дно»). Ассоциативный ряд дополняется символической семантикой («апокалиптическим зверем»). «Окно» как атрибут дома, традиционно «своего» пространства лирического субъекта, с символикой границы здесь является местом проникновения «иномирия». Так, метафорические и символические коннотации значений природных номинаций обуславливают пограничную экзистенцию лирического субъекта в культурологическом пространстве текста с показательным заголовком «Новый символизм». Подобную авторскую технику соединения различных тропических моделей в процессе продуцирования в целом метафорического образа можно наблюдать во многих примерах:

«По железу ранним утром / в тёмном блеске чешет дождь» [11, с. 327], «А небо в лучшем неглиже – / такая облачная тонкость» [11, с. 302], «С площадки я глядел, как плавится закат – / полнеба – гуталин, полнеба – Мамлакат» [11, с. 292] и др.

В продолжение анализа метафорического слоя образного строя картины мира Е. Рейна обратимся к эпитету. Несмотря на то, что критики указывают на «вещественность» поэтического мира автора, отмечают незначительный пласт прилагательных в нём [брод], отметим, что относительно номинаций природных реалий эпитет является достаточно продуктивным художественным образом в картине мира Е. Рейна. Наряду с языковыми эпитетами, довольно часто сопровождающими природные маркеры («желтеющий лист», «предзакатный луч», «серый город»), особое место и в качественном, и в количественном отношении занимают эпитеты метафорические – «Хрустящий изгиб переулка заляпан крахмальным снежком» [11, с. 250], «Рогатый лист мне гороскопы кажет» [11, с. 256], «В кровосмесительном огне полусферических закатов» [11, с. 311], «На балтийском рассвете мутном / изумрудный горит рассвет» [11, с. 284], «только луж овальных, круглых, серповидных / стало больше» [11, с. 287], «румяная Москва и бледный Ленинград» [11, с. 293], «мой неотвратимый серый город» [11, с. 327]. Притом языковые и метафорические эпитеты могут соплагаться в одном образе («последним, растерянным, / предзакатным лучом старину осветив» [11, с. 354]), или в соседстве с парафразой формировать целостный синтетический образ («Медовая московская сирень, / лиловое густое сновиденье / мота-

лись на углах» [11, с. 367]), или через приём градации онтологизировать лирическое впечатление: «летает, летает желтеющий лист. И я подымаю лицо за листом, / он медлит, летя перед самым лицом. / Воздушный гимнаст на трапеции сна, / о, как мне ужасна твоя желтизна./ Посмертный, последний, обёрточный цвет» [11, с. 416]. Обращают на себя внимание также авторские неологизмы в функции метафорических эпитетов – «вечером обыкновеннолетним», «заката свет багрянородный», «бледнопылающий закат». Таким образом, можно утверждать, что в пейзажном дискурсе лирики Е. Рейна метафорическая модель построения образа является наиболее продуктивной и частотной.

Следующая особенность образной сферы картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Е. Рейна видится в сочетании номинаций природных и культурных. Так, зачастую природные реалии в сравнении атрибутивны через вещественные номинации – «зима крепка, как медный купорос» [11, с. 236], «дождь идёт, как заводной и верный робот» [11, с. 327], «Батум, как кекс, нарезан на куски» [11, с. 417], «Вижу фиолетовый свет над краем гавани, точно бертолетовой соли полыхание» [11, с. 437]; или в олицетворении природная реалья получает метафорическую характеристику – «до чего же этот вечер оголён!» [11, с. 268]; или природная реалья презентована через историко-культурную номинацию – «в этот час сверкает залив, / и заката Лаокоон / стянут тучами вкось и вкривь» [11, с. 329].

Традиционным для авторской художественной стратегии является соположение мира собственно природного

и природы городской, а также урбанистических объектов – «бедный лес конструктивистский» [11, с. 239], «Залив с Кронштадтом на боку» [11, с. 251], «Глядя на берег Мааса, где стройки железобетон» [11, с. 353], «ещё полминуты, и куколом угольным / покрывается всё, что глядело наверх» [11, с. 354], «И ветер продувал / Тверскую и не мог угомониться» [11, с. 367]. Притом чаще атрибуты обоих миров – природного и урбанизированного – находятся в паритетных отношениях, но показательными для авторской позиции выглядят образы, где номинации природных реалий фиксируют состояние мира живой природы, подверженного воздействию губительной цивилизационной деятельности человека – «Здесь был канал. / Последний раз я видел / лет шесть назад: смешавшийся с рекой, / Зловонный, липкий, словно отравитель, / циан расположивший под рукой» [11, с. 389].

В то же время культурные реалии также органично могут быть атрибутивны природными номинациями – «в окна, как в аквариум, вечерний свет входил» [11, с. 246], «Мой галстук, разве галстук целиком? / Махровым распускается цветком, / быть может, розою, а может – будет мак» [11, с. 268]. Такая взаимопрезентация природных и культурных, в широком смысле, номинаций названа в исследовании И.В. Остапенко реверсивной поэтикой [8], ставшей одной из отличительных черт русской лирики 1960-1980-х годов. Как представляется, этот приём является достаточно продуктивным и для образной сферы картины мира Е. Рейна. Его обнаружение позволяет не согласиться с бытующим мнением о сугубой культурологичности художественного мира автора, пласт природных номинаций никак не

уступает культурному слою, притом он может выполнять и номинативную, и атрибутивную функцию.

Ещё одна особенность рейновской поэтики просматривается в континуальности пространства-времени, реализованной на образном уровне. Целостность художественного образа достигается автором за счёт сведения в нём пространственных и временных маркеров – «когда снега и сумрак на дворе» [11, с. 236], «на зарю среди залива и заката» [11, с. 251], «ленинградские сумерки в бледном разливе» [11, с. 281], «У зимней тьмы печали полон рот» [11, с. 286], «Четвёртый день несносный дождик» [11, с. 393], «зимний сумрак с утра» [11, с. 395], «вечерняя Нева» [11, с. 397], «жёлтое небо заката» [11, с. 405], «в июне и в июле под дождик и туман» [11, с. 414], «закат утопленный» [11, с. 45], «в сумрачном парке» [11, с. 58] и мн. др. Континуальная модель в построении образа представляется наиболее частотной у Е. Рейна.

Рассмотренные способы использования природных номинаций позволяют сделать вывод о достаточно близком знакомстве автора с природным миром, но знакомство это скорее умозрительное. Целостные пейзажные описания с соблюдением в художественном мире законов мира живой природы практически отсутствуют у Е. Рейна, в то же время редкий авторский образ обходится без природной атрибутики. Природные номинации выполняют преимущественно выразительную функцию, притом наиболее полноценное их присутствие наблюдается при актуализации – наряду с метафорическими – символических коннотаций, необходимых для решения метафизических, онтологических проблем авторского со-

знания – «Терпенья и зренья у неба проси, – себе говорю я...» [11, с. 416], «Минувшее, как ангел из-за тучи, нам знаки непонятные дарит» [11, с. 417], «Корни неба и земли едины – скоро в этом убедятся все...» [11, с. 420], «Фонари неприкаянных станций» [11, с. 426], «неприступные тени лесов отлетают, как души в пространстве, набегают, как стрелки часов» [11, с. 426]. Физическая отдалённость от мира природы у Е. Рейна восполняется субстанциальной близостью с ним. Пейзаж в широком смысле, образ мира как Универсума предстаёт у поэта как нравственный и духовный закон – «там в яблоке творилось мирозданье» [11, с. 258], «безумный дождь всё шелестел, что хвощ, и рисовал разрез всех сорока небес» [11, с. 333]. Он также может быть порушен, вина за это лежит на человеке – «под вечер бесноватый, / шёл в небеса дымок / чужой марихуаны» [11, с. 342], «в прозрачных сумерках век сгубя, / доживаешь, как мерин, до бредней сивых» [11, с. 344]. Искушается вина поэтической миссией, исполнение её наполняет смыслом существование – «приют поэта, дом поэта – прихожая небесных роц» [11, с. 295]. Как видим, природные маркеры включены в сложные тропеические модели, но главная их задача – обеспечить возможность диалога автора с миром.

Произведённый анализ образной сферы картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Е. Рейна позволяет прийти к следующим выводам. Природные номинации в художественном образе выполняют несколько функций, притом они актуализируются по-разному в соответствии с периодами эстетической деятельности автора. На раннем этапе творчества Е. Рейна про-

странственно-временные номинации преимущественно фиксируют координаты лирического субъекта в художественном мире. Притом собственно природные маркеры презентуют мир городской природы и соположны урбанистическим номинациям, вводятся они в текст зачастую кумулятивным способом. Изредка через приём олицетворения пейзажные образы могут выполнять субъектную функцию. Тропеическая система Е. Рейна основана на приёме параллелизма, но отдельные художественные образы – сравнение, метафора, метонимия – встречаются редко, чаще они синтезированы в целостный образ, построенный по метафорической модели, иногда усложнённой символической семантикой. Особенно выделяется в образной сфере пейзажного дискурса метафорический эпитет. Названный способ презентации природного мира в художественном тексте присущий авторскому методу на протяжении всего творчества. Такая же ситуация наблюдается и в использовании пространственно-временных номинаций в их континуальности – топосные и хроносные маркеры формируют целостный художественный образ. Кроме того, деятельность авторского сознания проявлена в реверсивной поэтике – реалии природного мира атрибутированы номинациями культурного мира в широком смысле и наоборот. Особенностью авторской образной стратегии на более зрелом этапе творчества – 1990-х годов – представляется использование пейзажных номинаций в собственно дискурсивном плане. Названия природных реалий расширяют своё первичное значение за счёт метафоризации и символизации и форми-

руют ментальное пространство автора, продуцирующее художественную реальность. Автор ориентируется на законы природного мироустройства для решения нравственно-этических вопросов. Природные номинации в картине мира Е. Рейна онтологизируют художественный образ, позволяют автору говорить на языке природы, что является одной из общих тенденцией русской лирики второй половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бродский И.А. Трагический элегик / Рейн Е.Б. Избранное. М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 5-13. Режим доступа: <http://rein.poet-premium.ru/pressa/001.html> (14.04.14)
2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика: Учеб. пособие / С.Н. Бройтман; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 418, [2] с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; [Вступ. ст. И.К. Горского, с. 11-31; Комментар. В.В. Мочаловой]. М.: Высш. шк., 1989. 404, [2] с. : портр. (КЛН. Классика лит. науки).
4. Козлов В.И. Спасительный символизм Евгения Рейна // <http://prosodia.ru/?p=517> (23.04.14)
5. Куллэ В.А. Прошедшее продолженное время // <http://rein.poet-premium.ru/pressa/008.html> (29.04.14)
6. Левицкая Н.Е. Элегический модус поэзии Евгения Рейна // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. 160 с.
7. Мирошниченко Н.М. Эволюция авторского сознания в ранней лирике М. Волошина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Симферополь, 2015. 20 с.

8. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. 432 с.
9. Потебня А.А. Мысль и язык: Собр. тр. М. : Лабиринт, 1999. 268 с. (Классика мировой гуманитарной мысли).
10. Прусакова И.И. «Блажен незлобивый поэт...» // <http://rein.poet-premium.ru/pressa/011.html> (06.05.14)
11. Рейн Е.Б. Избранные стихотворения и поэмы / сост. при участии В. Ладыгина; предисл. И. Бродского, В. Куллэ. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 702 с.
12. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман; под ред. Н.Д. Тмарченко. М. : Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.
13. Эткинд Е.Г. «Я выросал в забавнейшее время...» // <http://rein.poet-premium.ru/pressa/012.html> (06.05.14)

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-99-106

Летаева Н.В.*Одинцовский гуманитарный университет***ПРИЁМЫ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ
«НЕЗАМЕЧЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»**

Аннотация. Статья посвящена вопросам метаповествования в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. В художественных текстах прозаики «незамеченного поколения» используют ряд метаповествовательных приёмов, которые выполняют в прозе Русского зарубежья функцию преемственности поколений, чрезвычайно важной для русской эмиграции, воспринимающей искусство, в частности литературу, как реальность, способную к сохранению национальной культурной идентичности, самобытности, указывают на приверженность модернистской стратегии русской и мировой литературы конца XIX – начала XX века, на реализацию как эстетических установок писателей «незамеченного поколения», так и установки литературы начала XX века на самопознание.

Ключевые слова: Русское зарубежье, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, «незамеченное поколение», поэтика, проза, повествование, метаповествовательный приём, Ю. Фельзен, Е. Бакунина, С. Шаршун, М. Агеев.

N. Letaeva*Odintsovo University for the Humanities***METANARRATIVE TECHNIQUES IN PROSE OF THE YOUNGER GENERATION
OF RUSSIAN WRITERS OF THE FIRST WAVE OF EMIGRATION**

Abstract. The article explores the problem of poetics in prose of the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, in particular the questions of poetics of narrative. In their prose, writers of the so-called "unnoticed generation" used some metanarrative techniques, which play extremely important for the Russian emigration role of the succession of generations. The Russian emigration perceived the art, especially literature, as a reality capable to preserve the national cultural identity, and pointed to devotion to modernist strategy of Russian and World Literature of the late 19th – early 20th century, to realization of the aesthetic systems of the writers of "the unnoticed generation", aim of the literature of the early 20th century to self-knowledge.

Keywords: Russian abroad, the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, "the unnoticed generation", poetics, prose, narration, metanarrative techniques, Y. Felzen, E. Bakunina, S. Charchoune, M. Ageev.

Под «незамеченным поколением» в современном литературоведении принято понимать младшее поколение русских писателей первой волны эмигра-

ции, сформировавшееся как творческий феномен русской литературы в первой трети XX века. Продолжая традиции восприятия прозы «незамеченного поколения» эмигрантской критикой, современное литературоведение, несмотря на обширную научную литературу, тем не менее испытывает определённые трудности целостного осмысления и выявления текстопорождающих механизмов прозы «незамеченного поколения», оставляя нерешёнными в том числе и вопросы поэтики, в частности поэтики повествования.

Повествование, имея коммуникативную природу, представляет собой, согласно бахтинскому определению структуры произведения как «двойного события», не только событие, «о котором рассказывается», но и событие «самого рассказывания» [4, с. 403]. Интерес прозаиков к процессу повествования, к различным повествовательным формам, как правило, актуализируется «в переломные периоды эстетического самосознания литературы» [18, с. 71], к коим, несомненно, относится первая треть XX века. В прозе эпохи модернизма ощущается смена парадигм художественности, исчерпанность прежних форм и поиск нового повествовательного языка, в связи с чем обостряется внимание к метаповествовательным структурам.

Под метаповествованием принято понимать «изложение повествователем (рассказчиком) некоторого события или ряда событий, подвергающее рефлексии самоё себя и подразумевающее нарушение границы между “внутренним миром произведения” (действительностью героев) и миром литературного творчества» [6,

с. 119]. Метаповествование формируется рядом приёмов, среди которых выделяют автокомментирование, различные варианты интертекста, ссылки на литературную традицию или источники повествования, обращение к читателю, оценки тех или иных персонажей. Подобного рода приёмы характерны для прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, названных Б. Поплавским авангардистами «новой послевоенной формации» [14, с. 205].

Прежде всего отметим в прозе «незамеченного поколения» изображение процесса творчества и его комментирования как следствие влияния эстетических идей, связанных с литературой модернизма. Это позволяет автору, с одной стороны, репрезентировать себя в образе персонажа-творца, манифестируя самоопределение в пространстве культуры, с другой – формировать в художественном пространстве своих текстов «творческий хронотоп» (М. Бахтин). Так, в рассказе Ю. Фельзена «Неравенство» главный герой Андрей Завадовский, человек «творческого склада» [15, с. 44], в своих письмах Ольге Муравёвой комментирует процесс создания этих писем и остающихся за границами повествования дневников: «Оленька, родная, пишу Вам из кафе <...>. Пишу Вам, мой добрый друг, медленно, смотрю, сравниваю, завидую, карандаш всё время наготове, вид рассеянный, кругом давно решили: поэт. <...> Иногда по привычке выжимаю из себя “новое”, схватываю, записываю. Объясните, Оленька, зачем – у меня дома десяток тетрадей, которых никогда не приведу в порядок. А не запишу – бухгалтерское, ноющее опасение, что пропадёт» [15, с. 42-43];

«Писать приходится карандашом – на согнутых коленях, под листочком бумаги тяжёлая книга – воображаю, как должно получиться неразборчиво и грязно» [15, с. 45]. Обращает на себя внимание сходство манеры письма Завадовского с манерой письма самого Фельзена: Г. Адамович вспоминал, что писал Фельзен почти непрерывно, «без усталы, перечёркивая, исправляя, сокращая, дополняя. В особенности, дополняя. Ему всё казалось, что не всё он сказал» [2, с. 155]. Сами же дневники, оставленные Андреем Ольге как «несколько тетрадок, в которых нелегко разобраться» [15, с. 46], отсылают к лермонтовскому дискурсу «Героя нашего времени» (отметим, что и в портрете Завадовского обнаруживаются черты сходства с Печориным [10, с. 25-26]), устанавливая диалогическую связь между Фельзеном и Лермонтовым, приверженность которому демонстрировало «незамеченное поколение» ([9; 12]), и определяя героя «Неравенства» как преемника так называемого «лишнего человека» – героя русской литературы XIX века.

В рассказе Г. Кузнецовой «Художник» главная героиня Ирина, комментируя процесс рождения поэзии, вступает в творческий диалог с лирическим героем хрестоматийной пушкинской «Осени»: «Она (Ирина. –Н. Л.) с радостью видела, как страницы её почти год пустовавшей тетради заполняются новыми и новыми стихами <...>. Сидя у окна в старом глубоком кресле, склонясь над тетрадью, она напряжённо записывала, едва успевая смотреть вглубь себя, слушать, ловить что-то точное, единственно-правильное. Незаметно рождалась фраза, за ней другая, третья. Ирина слушала, судила,

одно отбрасывала, другое принимала как несомненное. Слова рождались уже сами собой, всё более точные, всё более радовавшие её» [7, с. 296-297].

Двунаправленная повествовательная стратегия продуцирования текста о жизни и текста о создании текста, сопровождаемая оппозицией «действительность – литература», не только выводит прозу «незамеченного поколения» за пределы художественного пространства с его общепринятыми условностями в пространство реальности, позволяя моделировать особого рода хронотоп фикциональной действительности, близкой правде до- и пореволюционной жизни, но и свидетельствует о попытке авторов встроить свои тексты в пространство культуры. «Творческий хронотоп», используемый «незамеченным поколением», актуализирует проблему творческой личности, творческой интенции, положенную в основу мотивно-тематического комплекса прозы «незамеченного поколения» как мотив, имеющий вековые традиции репрезентации в русской и мировой литературе. Таким образом, культура, искусство (литература, живопись, музыка) становятся «своей» реальностью в прозе Е. Бакуниной («Тело»), Ю. Фельзена («Неравенство», «Письма о Лермонтове»), С. Шаршуна («Долголиков»), Г. Кузнецовой («Художник»), Н. Берберовой («Аккомпаниаторша»), Л. Червинской («Мы») и др.

Создавая иллюзию реальности, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, с одной стороны, искало в этой условной реальности убежище от «гибельного» эмигрантского быта, с другой, наследуя традиции Пушкина, Лермонтова,

Тургенева, формировало в художественном пространстве своих текстов суггестивное пространство, определяющее образ главного героя – «человека 30-х годов» (Ю. Терапиано) – как героя своего времени, смыслом жизни которого становится самопознание. что объясняет внимание «незамеченного поколения» к таким формам эго-документальной прозы, как записки, дневники, письма, воспоминания, формирующим в итоге документ о «человеке 30-х годов». Таковы введение к роману «Тело» Е. Бакуниной, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Письма о Лермонтове» Ю. Фельзена, «Аккомпаниаторша» Н. Берберовой, «Из записок бесстыдного молодого человека» В. Варшавского, «Ожидание» Л. Червинской и др. Подобные жанровые формы призваны были решать вопрос обретения собеседника в отсутствии реального читателя, а также задачу создания эго-документа как одного из вариантов фиксации фактов эмигрантского существования.

В прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, отличающейся очевидной усталостью на воспринимающее сознание, способное к сохранению культурной памяти, нередки обращения как композиционный приём, размывающий границы между творчеством и реальностью. Так, в «Романе с кокаином» М. Агеева повествователь обращается к пророкам, выстраивая «диалог с провиденциальным собеседником» (О. Мандельштам): «И невольно в нас поднимается желание обратиться ко всем будущим Пророкам человечества <...> Милые и добрые Пророки! Не трогайте вы нас; не распалайте вы в наших душах возвышенных человек-

нейших чувств и не делайте вообще никаких попыток сделать нас лучше» [1, с. 172]. В «Истории Маши Мимозовой» Н. Берберовой повествователь обращается к читателю: «Позвольте, читатель, предложить вниманию вашему бесхитростную повесть жизни генеральской дочки Маши Мимозовой <...>. Я знаю, читатель, нынче вас ничем не удивишь. Каждый из вас, читатель, вправе сказать: я сам пережил не менее любой генеральской дочки; что мне до истории Маши Мимозовой? Но какая-то сила толкает меня передать бумаге скорбные Машенькины похождения и безвестную её гибель» [5, с. 187].

Статус подлинности записок реально существовавшего человека формировали такие вставные жанры, как письмо (напр., письма главного героя в «Письмах о Лермонтове» Ю. Фельзена, письма Андрея Завадовского Ольге Муравьевой в «Неравенстве» Ю. Фельзена, письмо Сони Минц Вадиму Масленникову в «Романе с кокаином» М. Агеева, письма Михалика Талочке во «Встрече» Н. Сабуровой), сны (напр., сон Вадима Масленникова в «Романе с кокаином» М. Агеева, сны-грёзы главной героини во введении к роману «Тело» Е. Бакуниной), обращение к текстам. Так, во введении к роману «Тело» главная героиня представляет тексты газетных статей, в «Письмах о Лермонтове» главный герой обращается не только к текстам Лермонтова, что является вполне закономерным в произведении с таким заглавием, но и к текстам Пушкина, Блока, к тексту некоего французского критического фельетона, в котором были обозначены «Песнь о Роланде» и «Эмиль». Из лермонтовских текстов

герой Фельзена выделяет «Три пальмы», «Парус», «И скучно и грустно», которые автор проецирует на русских эмигрантов, ёмко оценивая ситуацию вынужденного изгнанничества, образно выражаясь, в «песчаные степи аравийской земли», где «некому руку подать в минуты душевной невзгоды». Оставляя за рамками художественного дискурса цитирование, Фельзен обращением к заглавиям лермонтовских стихотворений актуализирует в сознании адресата своего произведения по-иному зазвучавшие для эмигрантов риторические вопросы и восклицания («Что ищет он в стране далёкой?/ Что кинул он в краю родном?...» [8, с. 143], «А годы проходят – всё лучшие годы!// <...> В себя ли заглянешь! – там прошлого нет и следа <...>» [8, с. 185]), неизбежные выводы: «Увы! он счастья не ищет/ И не от счастья бежит!» [8, с. 143]. Метафорическое изображение в «Трёх пальмах» разрушения, уничтожения, исчезновения, очевидно, рассматривалось Фельзеном применительно к современной ему исторической ситуации. В ряду аллюзий к вышеуказанным стихотворениям герой Фельзена вспоминает и «одну молитву чудную» как средство спасения в условиях жизни-существования. Такого рода «субтексты», образуя новые сообщения, выводят текст из состояния «семиотического равновесия», придавая импульс к «саморазвитию» [13, с. 10].

Вписывая свой творческий дискурс в культурный контекст, «незамеченное поколение» формировало литературоцентрический характер своей прозы, опираясь на различные варианты интертекста и литературные традиции или источники своего повествования.

Например, на классическую литературную традицию конфликта поколений ([11; 18, с. 236-238]), традицию «сюжета дневника» с опорой на приём изображения жизни после смерти героя (ср., напр., «Героя нашего времени» Лермонтова, «Лёгкое дыхание» И. Бунина и «Роман с кокаином» М. Агеева, «Аккомпаниаторшу» Н. Берберовой). Во введении к роману «Тело» Е. Бакуниной явственно обращение к классической традиции XIX века (напр., лермонтовской, гоголевской) сопровождать повествование вступительным словом повествователя: «То, что я пишу от первого лица, вовсе не значит, что я пишу о себе. Моё “я” потеряно и заменено образом женщины, отлитой случайно обрушившимися условиями по типовому образцу. В этой женщине я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся – своё. А нахожу чужое, сходное с другими. Следовательно, и рассказывая о себе, я говорю о других. Мне только удобнее рассматривать этих других через себя. Виднее. Так нет ничего скрытого, ошибочного, ложного, выдуманного» [3, с. 135].

Литературоцентричность прозы «незамеченного поколения» проявляется и в использовании писателями известных в культуре онимов, фразем, синтаксических структур. Так, в «Романе с кокаином» М. Агеев соединяет лермонтовского Вадима и Соню Мармеладову в образах Вадима Масленникова и Сони Минц. С. Шаршун, пытаясь раскрыть природу метафизики «тёмной русской личности» [14, с. 205], называет своего Долголикова внуком Обломова («российского Дон-Кихота»), микеланджеловским Моисеем, Мефистофелем, Люцифером. В

романе «Долголиков» появляются Кириллов и Пётр Верховенский как явная аллюзия на «Бесов» Ф. Достоевского. В «Романе с кокаином» М. Агеева главный герой, рассуждая о «душе человеческой», утверждает, что механизм «человеческих душ – это механизм качелей» [1, с. 172], отсылая читателя к стихотворению Ф. Сологуба «Качели»; «жидкое московское небо» [1, с. 63] воспринимается как аллюзия к аустерлицкому небу «Войны и мира»; описание бульваров посредством троекратного «Были бульвары...» [1, с. 62-63], основанного на синтаксическом параллелизме, можно соотнести с излюбленным гоголевским приёмом классификации явлений (напр., толстых и тонких в «Мёртвых душах»), тем более что и сам Гоголь представлен в тексте как часть московского дискурса. В романе один из персонажей Василий Буркевиц, продолжая размышления толстовских и чеховских героев о Церкви как институте и её служителях, в пространном монологе в традициях героев Достоевского, изобилующем риторическими вопросами и восклицаниями, выступает против гимназического батюшки, осудившего сквернословие подростков, недопустимое в речи христианина. Суть эмоционального выступления Буркевица сводится к дискредитации священника в социальном плане, занимающего пассивную, по мнению Буркевица, позицию в отношении Первой мировой войны. Именно поэтому используются тональность и конструкции [1, с. 48-50], близкие синтаксической организации и тональности той части евангельского текста, где обличаются книжники и фарисеи (Мф. 23:13-33, Лк. 11:42-44). Такое сложное наложение литератур-

ных и культурологических аллюзий существенно трансформирует «каноническую семантику “готового” сюжета» произведений прозаиков «незамеченного поколения» и становится «средством эстетизации прозы, способом литературного самоопределения» [18, с. 19], опирающимся на «диалогический язык» искусства как средство продуцирования новых смыслов.

Таким образом, метаповествовательные приёмы в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, соединяя произведения «незамеченного поколения» с традицией предшественников, выполняют функцию преемственности поколений, чрезвычайно важной для Русского зарубежья. Создавая «одновременно и условность условного, и его безусловную подлинность» [13, с. 15-16], «незамеченное поколение» безусловной подлинностью определяет пространство культуры, искусства, сохраняющее незабываемость ценностей в эпоху тектонических смещений, произошедших в русском мире, как средства сохранения национальной идентичности, самобытности.

Метаповествовательные приёмы в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции свидетельствуют о приверженности «незамеченного поколения» модернистской стратегии русской и мировой литературы конца XIX – начала XX века, репрезентируют эстетические установки писателей на изображение реальности, преодолевающее рамки реалистического искусства. Эстетизация изображаемого в свою очередь утверждает творчество как единственно подлинную реальность. Метаповествовательные приёмы в таком случае

становятся инструментом самопознания литературы, воплощая концепцию творчества в архитектонике самого произведения, в творческом диалоге с другим текстом.

Метаповествовательные приёмы формируют в художественном пространстве произведений «незамеченного поколения» традиционное для метаповествования единство двух авторских ипостасей: историка, фиксирующего объективную реальность, и творца, создающего реальность условную, что в итоге формирует особого рода хронотоп фикциональной действительности, а в целом авангардную литературу «новой послевоенной формации» (Б. Поплавский) в условиях русской эмиграции.

Проза «незамеченного поколения» представляет уникальный материал для изучения семиотических механизмов сохранения культуры в культурно чуждых условиях, для исследования повествовательных стратегий русской литературы первой трети XX века, инвариантов саморефлексии литературы Русского зарубежья. По сути, проза младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции представляет не художественную литературу в привычном понимании этого явления, а сложный, многогранный художественный дискурс, насыщенный реминисценциями и аллюзиями, культурологическим подтекстом, интертекстуальной игрой, приметам интеллектуальной прозы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев М. Роман с кокаином: Роман; Паршивый народ: Рассказ / Статья Никиты Струве. М.: Худож. лит., 1990. 222 с.
2. Адамович Г.В. Одиночество и свобода. СПб.: Logos, 1993. 222 с.
3. Бакунина Е.В. Тело // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 135-151.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
5. Берберова Н. История Маши Мимозовой // Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 187-210.
6. Зусева В.Б. Метаповествование // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 119-120.
7. Кузнецова Г. Художник // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 287-317.
8. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. М.: Правда, 1990. 704 с.
9. Летаева Н.В. Лермонтов и журнал русского зарубежья «Числа» // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова / Редкол.: П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко [и др.]. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 153-157.
10. Летаева Н.В. Лермонтовский интертекст в творчестве Ю. Фельзена // Слово – образ – текст – контекст: Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Слово – образ – текст – контекст». Одинцово Московской обл., ОГИ, 24 – 25 мая 2011 года. Одинцово: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012. С. 21-33.
11. Летаева Н.В. «Мысль семейная» в прозе младшего поколения русских писате-

- лей первой волны эмиграции // Русская литература в современном культурном пространстве: Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции (13 – 14 сентября 2012 г.) / Гл. ред.: Е.А. Полева, О.Н. Русанова. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. С. 21-29.
12. Летаева Н.В. Оппозиция «Пушкин – Лермонтов» на страницах журнала «Числа» // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Великий Новгород, 2015. №1(84). С. 42-45.
13. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Учен. зап. Тартусского ун-та. Выпуск 567. Текст в тексте. Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981.
14. Поплавский Б. Вокруг Чисел // Числа. Париж, 1934. №10. С. 204-209.
15. Фельзен Ю. Неравенство // Литературное обозрение. М., 1996. № 2. С. 41-48.
16. Фельзен Ю. Письма о Лермонтове // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 75-87.
17. Фельзен Ю. Письма о Лермонтове // Числа. Париж, 1933. № 7/8. С. 125-140.
18. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 328 с.

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-107-112

Марущенко Э.В.*Московский государственный областной университет***СТАТЬЯ О ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ Е.Н. ЧИРИКОВА
В АМЕРИКАНСКОМ СПРАВОЧНОМ ИЗДАНИИ**

Аннотация. В данной статье подробно освещается взгляд критика Моисея Ольгина на творчество писателя Евгения Николаевича Чирикова до 1920 года. М. Ольгин создал цикл «Руководство по русской литературе», в очерках которого был дан краткий экскурс в русскую литературу, предметом обзора М. Ольгина стали писатели от А.С. Пушкина до модернистов 20-х годов XX века. Данные очерки интересны тем, что критик Ольгин написал их для американского читателя и главным для него было – познакомить заокеанского читателя с наследием крупнейших писателей России, в числе которых есть Е.Н. Чириков. *Ключевые слова:* критика, провинция, пьеса, Чириков, Ольгин.

E. Marushchenko*Moscow State Regional University***ARTICLE ABOUT THE WRITER E. CHIRIKOV
IN THE AMERICAN REFERENCE BOOK**

Abstract. The article covers Moisei Olgin's critical view of Eugene Chirikov works during the period up to 1920. M. Olgin is the author of the cycle "Guidance of Russian Literature". In its essays he gives a short review of the Russian literature and focuses on writers starting from A. Pushkin to modern authors of 1920s. The essays are of special interest due to the fact that Olgin wrote them for American readers to get them acquainted with the best Russian writers, including Chirikov.

Keywords: criticism, province, play, Chirikov, Olgin.

Имя писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864-1932) было широко известно в литературных кругах на рубеже XIX-XX веков. После революции Е.Н. Чириков оказался в эмиграции, и это обстоятельство привело к замалчиванию его творчества в советское время. Оказавшись в эмиграции, Е.Н. Чириков не потерялся среди братьев-писателей: в сборнике под названием «A Guide to Russian literature» (1920) («Руководство по русской литературе»), в очерках которого была освещена русская литература от А.С. Пушкина до модернистов 20-х годов XX века, нашлось место для произведений Е.Н. Чирикова [6]. Автор сборника – Moissaye Jozef Olgin (Моисей Йозеф Ольгин).

В «Литературной Энциклопедии» (1929-1939), составленной профессором В.М. Фриче, указано: «ОЛЬГИН Моисей [1878 –] – псевдоним американско-еврейского

писателя М.Н. Новомейского» [5, с. 736]. *Даже весьма краткая энциклопедическая статья позволяет понять, насколько насыщена была жизнь Моисея Ольгина, уроженца Умани (тогда Киевской губерния. – Э.М.): «в 1901 был отдан в солдаты за участие в киевских студенческих беспорядках. С 1903 состоял в Бунде. С 1904 сотрудничал в нелегальных органах Бунда, где помещал публицистические статьи и рассказы из жизни еврейских рабочих. В 1914 Ольгин уехал в Америку, где активно участвовал в социалистическом движении как лектор и публицист, сотрудничая в еврейской социал-реформистской газете “Forwerts”. В 1917 опубликовал на английском языке книгу “The Soul of the Russian Revolution” (Душа русской революции) и в 1920 – “Очерк истории русской литературы”. В 1919 издал сборник критических статей о еврейской литературе “In der welt fun gesungen” (В мире песни)» [5, с. 736]. В краткой статье отмечено, что в 1920 году «в качестве корреспондента “Forwerts” Ольгин посетил РСФСР, о которой писал затем сочувственные статьи в еврейской и английской прессе», а «с начала 1932 Ольгин состоит постоянным американским корреспондентом “Правды”» [5, с. 736]. Не обошёл вниманием В. Фриче и собственно литературную деятельность Ольгина, отмечая, что между 1920 и 1931 Ольгин напечатал «большое количество рассказов и очерков о СССР и роман “Таврида и Ноэль”. Его беллетристические произведения и очерки, несмотря на их революционную устремленность, содержат черты сентиментального психологизма» [5, с. 736].*

Статью о творчестве Евгения Чирикова Моисей Ольгин начинает с краткой обрисовки положения внутри

России в целом, отмечая, что жизнь жителей провинции оставалась скучной и вялой: «Население городов, та его часть, которую можно было назвать культурным слоем российского народа, вела бесцветную и бездуховную жизнь.<...> В целом, это было ограниченное, застойное и вялое существование, где сплетни, карты, пьянство, мелкая ревность и жалкие амбиции заменяли сколь-либо значимые события. И только время от времени в этом болоте провинциальной апатии оказывался какой-нибудь настоящий интеллигент, политический ссыльный, радикальный студент или бывший революционер» [6, с. 270]. Ольгин тонко подметил и акцентировал внимание на том, что Евгений Чириков, родившийся и выросший в сердце восточных провинций, знал эту жизнь, как мало кто из его коллег: «воздухом провинции писатель дышал всю жизнь» [6, с. 270]. Ольгин, отмечая «лёгкий, привлекающий разговорной манерой письма стиль писателя» [6, с. 270], весьма высоко оценивает изображение Чириковым картин жизни провинции: «Россия училась познавать себя более благодаря Чирикову, чем многим реалистам» [6, с. 270]. Весьма положительно Ольгин относится к тому, что, по его мнению, Чириков «не пытался быстро реагировать на новые, только возникающие социальные и политические явления», т. е. не гонится за модой – «его (Е. Чирикова. – Э.М.) задачей не являлось отражение тонких движений человеческой души. Он выбирает хорошо известные распространённые типы и характеры, легко наблюдаемые сформировавшиеся формы жизни» [6, с. 270]. В 1920 году, после всех известных событий, Моисей Ольгин разъ-

ясняет американскому читателю, что писатель Чириков «не ищет ничего необычного. Его материал – это обычная жизнь обычного человека», жизнь которого «протекает монотонно, день за днём, как дождливый вечер, когда всё вокруг мокрое, серое и хмурое. Это бесцветное скучное существование. Это как перелистывание страниц поваренной книги. Сегодня суп и котлеты, завтра борщ и котлеты. Вот и вся разница» [6, с. 270].

М. Ольгин знакомит американского читателя с произведениями Е. Чирикова, взяв за основу тематический принцип обзора: по мнению критика, исследуемые произведения следует разделить на девять тематических групп. К первой группе он относит четыре произведения: рассказы «Студенты приехали» (*The Students Have Come. A story*) (1897), «На поруках» (*On Bail. A story*) (1904), «Блудный сын» (*The Prodigal Son. A story*) (1889) и новеллу «Чужестранец» (*Foreigners. A novelette*) (1899). Место действия – провинция, герои – демократически настроенные молодые интеллигенты, жаждущие «пробудить сознательность у своих провинциальных друзей», но критик отмечает, что «в каждом случае надежды приехавших рушатся. Попытки усовершенствований наталкиваются на предрассудки, устаревшие понятия о приличиях, интриги, амбиции местных чиновников, окаменелые жизненные устои» [6, с. 271]. Ко второй группе Ольгин относит три, как он их называет, *характерных* произведения: «Фауст» (*Faust. A story*) (1900), «Дом на задворках» (*In the Rear-House. A two-act play*) (1902) и пьесу «Иван Мироныч» (*Ivan Mironitch. A four-act play*) (1905), *подразумевая под характером* женскую

душу, запутавшуюся в банальностях мещанского существования и мечтах о чём-то красивом и значительном, что, по справедливому замечанию автора статьи, является предметом и многих других произведений Чирикова. Критик отмечает, что писатель становится «особенно красноречив и переполнен сочувствием», когда приступает к описанию жизни «женщин-пленниц сонной провинции». Но время шло, горизонты сужались, оказывается, как ни проходит критик мимо тонкого наблюдения процесса *взростания* женщины в провинциальном (читай: бездуховном. – Э. М.) мире писателем, «все живут одинаково. Они скучают, сплетничают, болтают о квартирах и должностях, играют в карты, воспитывают детей, жалуются, мужья на жён, жёны на мужей... Нет торжествующей любви. Есть торжествующая вульгарность, посредственность и скука» [6, с. 273]. В третью группу – рассказ «Танино счастье» (*Tanya's Happiness. A story*) (1899), новеллы «Новорожденный» (*The Birth-day Child. A novelette*) (1900) и «Марка» (*Marka of the Pits. A novelette*) (1904) – критик объединяет произведения, в которых Чириков обращается к жизни бедных девушек, в силу обстоятельств ставших бродяжками, изгоями. Отметим наблюдательность М. Ольгина – бродяг-мужчин в русской литературе было много, женщина-бродяга на Руси явление, в целом, не характерное. Критик справедливо сделал акцент на то, что Чириков показывает этих героинь как совершенно здоровых, не ущербных личностей: так, по мнению критика, Марка – это одарённая женщина, храбро борющаяся за чистоту и любовь, «обладающая жизненной энергией, силой характе-

ра и свободолюбием, которыми отмечены только избранные» [6, с. 274]. В четвёртой группе рассматриваются повесть «Инвалиды» (*Invalids. A story*) (1897) и пьесу «Дом Кочаргиных» (*The House of the Kochergins. A play*) (1910), где во главу угла поставлен «предмет (курсив мой. – Э. М.) этих работ – интеллектуальный конфликт между старшим и младшим поколениями русских радикалов» [6, с. 274]. Отмечая сходный предмет повествования: «старый борец за свободу возвращается домой после многолетней политической ссылки и обнаруживает, что программы, тактика и чаяния молодых революционеров радикально отличаются от исповедуемых им верований и методов. Его ровесники кажутся им устаревшими и отталкиваются со всей жестокостью бессердечной молодости» [6, с. 274], – критик, на наш взгляд, совершенно правильно акцентировал проблему «отцов и детей», во все времена актуальную как в русском, так и американском социуме. Пятую тематическую группу критик представляет одним юмористическим рассказом Е. Чирикова «В лощине меж гор» (*In a Dale among Mountains. A story*) (1899), в котором отмечает, прежде всего, демонстрацию «замкнутого круга беззакония чиновников, тупо сопротивляющихся любому протесту или попытке усовершенствования, хотя и действующих формально по закону» [6, с. 274]. Нам остаётся сожалеть, что предметом тонкого наблюдателя, коим, несомненно, был Моисей Ольгин, не стали художественные особенности юмористического начала в произведениях Е.Н. Чирикова. В шестой группе Ольгин тематически объединяет повесть «Мятежники» (*Insurrectionists. A novelette*

(1906) и пьесу «Мужики» (*The Peasants. A four-act play*) (1906), потому что в них Чириков «обращается к аграрному движению русского крестьянства во время революции 1905 года». На наш взгляд, Ольгин справедливо указал, что «сцены и события», изображённые в прозаическом и драматическом произведениях, «характерны для всех массовых народных движений. Обе работы представляют собой свидетельства реальных событий в одном или двух из многочисленных деревень России. Характеры помещиков, чиновников и крестьян хорошо известны и вполне типичны. Причины движения очевидны» [6, с. 275]. Но отметим, что эти произведения были горячо приняты читателями и зрителями. В седьмую группу критик особняком поместил пьесу «Евреи» (*The Jews. A play*) (1905), где, по его мнению, «описан типичный погром в еврейском городе. В центре повествования еврейская семья с патриархальными родителями, невинной красавицей дочкой и сыном революционером. Погромы приносят разруху и смерть в несчастную семью» [6, с. 275]. К сожалению, положив в основу своей статьи проблематику произведений Е.Н. Чирикова, критик Ольгин тем самым существенно обеднил знакомство зарубежного читателя с творчеством крупного русского писателя, оставив в стороне несомненные особенности поэтики драматического произведения. Отдельно выделена в восьмой группе автобиографическая трилогия «Жизнь Тарханова: Юность. Изгнание. Возвращение» (*Tarchanovs Life. Volume I. Youth. Volume II. Exile. Volume III. Return*) (1911-1913) – (правильно: 1911-1914. – Э. М.), в которой «история любви и молодости, перепле-

тающаяся с политическими движениями в России в конце века, описывается на фоне провинциальной жизни» [6, с. 275]. Критик отмечает основные признаки автобиографической прозы: повесть написана «от первого лица и содержит автобиографические материалы» [6, с. 275]; повествование «о жизни молодого русского, начиная с момента сдачи им вступительных экзаменов в училище до того времени, когда он достигает полного расцвета и занимает вполне достойную должность» [6, с. 275], что, по совершенно справедливому мнению критика, весьма «типично для молодого русского радикала среднего класса и полна деталей русского быта» [6, с. 275]. Отметим, что дальнейшая судьба «молодого русского радикала» не покидала писателя и была раскрыта в послереволюционных произведениях Е.Н. Чирикова – романах «Зверь из бездны» и «Отчий дом», драме «Красный Паяц и белая Пьеретта», рассказах о революции и гражданской войне в России [2, 3, 4, 5]. Закрывает тематическую классификацию девятая группа, в которой Ольгиным отмечен скетч «Эхо» (*War Echoes. Sketches*) (1916). Чтобы читателю стало сразу всё понятно, критик начинает знакомство с яркой цитатой из произведения Чирикова: «В России есть города, о которых известно только Господу Богу и исправнику. Они не упоминаются ни в истории, ни в географии, и никто не знает, кто их основал. О них ничего не говорят и ничего не пишут» [6, с. 276]. Критик отмечает, что «в такой город Чириков приводит нас в начале мировой войны и показывает, к каким преобразованиям в местных обычаях и привычках привела эта буря. Вторая часть посвящена жизни в окопах» [6, с. 276].

Создавая *Очерки русской литературы* от Пушкина до модернистов двадцатых годов, Моисей Ольгин не претендовал на глубокий анализ как творчества выбранных авторов в целом, так и конкретных литературных произведений. Не стал исключением и очерк о творчестве Е.Н. Чирикова: Моисей Ольгин не сравнивает его творчество с другими писателями-современниками, не указывает на придерживаемые им традиции и заявленное новаторство. Статья критика не является глубоким исследованием ни какого-либо конкретного произведения писателя, ни определённого места творчества Е.Н. Чирикова в литературно-критическом процессе начала века. Моисей Ольгин поставил перед собой достаточно прагматическую цель: ознакомить зарубежного читателя, в частности, американского, с творчеством *наиболее значимых русских писателей*, среди которых по праву стоит имя Евгения Николаевича Чирикова. Однако пусть и ограничившись только классификацией тематики его произведений, не углубляясь в проблематику, художественные особенности, стилевое многообразие и жанровую специфику, а только указывая на них, Моисей Ольгин, без малого сто лет назад опубликовавший *Очерки русской литературы*, в далёком 1920 году представил зарубежному читателю произведения Евгения Чирикова дореволюционного периода как, несомненно, явно не мнимую величину в писательском мире. Сегодня мы знаем, что самые важные произведения прекрасного русского писателя Евгения Николаевича Чирикова были ещё впереди, и радуемся, что они сейчас открыты для исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белукова В.Б. «Зверь из бездны» Евгения Чирикова – психологический роман о гражданской войне в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. №1(15). М., Издательство МГОУ, 2006. С. 90-95.
2. Белукова В.Б. Любовь во дни террора: рассказ, повесть, драма Е.Н. Чирикова о гражданской войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 2. М., Издательство МГОУ, 2007. С. 122-126.
3. Михайлова М.В. Люди и звери Евгения Чирикова / вступительная статья, составление, подгот. текста, комментарии // Чириков Е.Н. Зверь из бездны: Роман, повести, рассказы, легенды, сказка. СПб.: Фолио-Плюс, 2000. С. 5–34, 804–844.
4. Михайлова М.В. Россия как Отчий дом / подгот. текста, предисловие, комментарии // Чириков Е.Н. Отчий дом. М.: Эллис Лак, 2010. С. 3–28, 724–828 (в соавторстве с А.В. Назаровой).
5. Фриче В. Ольгин Моисей // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 8 / Ком. Акад.; НИИ лит., искусства; Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П.И., Маца И.Л., Нусинов И.М., Фриче В.М.; Гл. ред. Луначарский А. В.; ученый секретарь Михайлова Е.Н. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. 736 стб.
6. Olgin, Moissaye J. Evgeny Chirikov (1864-) // Olgin, Moissaye J. A Guide to Russian literature. – N-Y, 1920. – С. 270-276.

УДК 82.091]

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-113-119

Сытина Ю.Н.*Московский государственный областной университет***ПОВЕСТЬ В.Ф. ОДОЕВСКОГО «НОВЫЙ ГОД» И ОБРАЗ «ВЧЕРАШНЕГО»
РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРИБАВЛЕНИЙ К “РУССКОМУ ИНВАЛИДУ”»**

Аннотация. Изучение повести В.Ф. Одоевского «Новый год» в контексте издания, в котором она была опубликована, – газеты «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» – позволяет сделать интересные выводы и о взаимосвязи творчества писателя с его временем, и о развитии литературы конца 1830-х годов в целом. В произведениях этого периода всё чаще начинает появляться образ «вчерашнего», в настоящем уже не способного к решительному поступку романтического героя. Слабость эту писатели рассматривают и как характерную черту современной им русской действительности, и как свойство личности вообще, проявляющееся в различные эпохи. Стремление к объективному осмыслению жизни и «героя времени» свидетельствует о движении литературного процесса, постепенном переходе от романтизма к реализму.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, романтизм, реализм, образ романтического героя, литературный процесс.

Y. Sytina*Moscow Region State University***V. ODOEVSKY'S STORY “NEW YEAR” AND THE IMAGE OF “YESTERDAY”
ROMANTIC HERO ON THE PAGES OF “LITERARY ADDITIONS
TO THE “RUSSIAN INVALID”**

Abstract. V. Odoevsky's “New Year” was published in the newspaper “Literary Additions to the “Russian Invalid” in 1837. The study of this novel in the context of the publication allows to make interesting conclusions about the relationship of the writer with his time, and the development of literature at the end of the 1830s in whole. In the works of this period, more often appears the image of the “yesterday” romantic hero, who is no longer capable of the decisive actions today. Writers regarded this weakness as a characteristic feature of the contemporary Russian reality, and as a quality of an individual in general that manifests itself in different epochs. The tendency of an objective understanding of life and the “hero of time” shows the development of the literary process, the gradual transition from romanticism to realism.

Keywords: V. Odoevsky, romanticism, realism, image of romantic hero, literary process.

С 1837 года при активном участии В.Ф. Одоевского издание «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”» перешло к А.А. Краевскому. В первом же, программном номере газеты, в соседстве с «Аквилоном» А.С. Пушкина была опубликована повесть В.Ф. Одоевского «Новый год». Исследователи отмечают автобиографический характер этого произведения, отразившего «постепенное охлаждение пылких порывов романтиков-любомудров» [9, с. 347]. По мнению В.И. Сахарова, «повесть Одоевского можно рассматривать как своего рода предтечу знаменитого романа И. Гончарова “Обыкновенная история”, где также показано разочарование и перерождение романтика, столкнувшегося с прозой жизни» [9, с. 347].

П.Н. Сакулин ставит «Новый год» «во главе бытовой беллетристики» Одоевского как «небольшой, но в высшей степени содержательный рассказ» [8, с. 102]. В самом деле, на нескольких страницах «Нового года» поднимается множество разнообразных вопросов: о смысле жизни и её быстротечности, подлинности и псевдости бытия, столкновении высоких идеалов и грубой действительности, «обыкновенной истории» гибели юношеских надежд и погружения души в тину повседневности, о соотношении истинного творчества и ремесленничества... Богатство проблематики отнюдь не случайно. Как отмечает тот же П.Н. Сакулин, «в бытовой беллетристике Одоевского быт никогда не служит самодовлеющей целью, Одоевский всякий раз как бы спрашивает себя, насколько данный факт удовлетворяет общему идеалу жизни» [8, с. 102].

Видение бытия в быте вообще характерно для русской литературы 1830-

годов, эта черта становится важной составляющей и при эстетической оценке произведений. Например, один из авторов «Литературных прибавлений...» писал о Г.В. Бенедиктове: он «обладает всем тем, что нужно поэту: он умеет сильно чувствовать и глубоко мыслить: может во всяком предмете вещественного мира видеть преобразование чего-то духовного, невещественного; это, можно сказать, составляет главнейшую его квалификацию и ручается за силу творческой фантазии» (курсив «Литературных прибавлений...»). [6, с. 289-290]. В 1840-е годы «натуральная школа» временно поставит быт над бытием, но пока ещё мало что предвещает такие преобразования.

В центре повести Одоевского «Новый год» – проблема личности, её подлинности и значимости. Произведение это состоит из трёх «действий», события в которых разворачиваются в праздничные ночи, отделённые друг от друга несколькими годами. Каждая последующая глава короче предыдущей, и все меньше появляется в ней персонажей, неизменными из которых остаются только двое – рассказчик и главный герой Вячеслав.

Действие I открывается картиной весёлой студенческой жизни «накануне Нового года в маленькой комнатке Вячеслава на третьем этаже» [2, с. 4], где чудом помещалось человек двенадцать. Рассказчик говорит о гостеприимном хозяине: «Вячеслав <...> был душою нашего общества: он нампреважно доказал, что Новый год непременно должно начать чем-нибудь дельным <...>. От близкой работы мы перешли к отдалённой: все отрасли деятельности были разобраны <...>. Мы верили себе и другим, ибо мысли наши

были чисты и сердце не знало расчётов» [2, с. 5]. Строки этого «действия» дышат восторгом живой жизни, юности, великих начинаний: «Беседа была весёлая. <...> Сколько планов, сколько мечтаний, сколько самонадеянности и – сколько благородства! Счастливое время! Где ты?..» [2, с. 5]. Последний вопрос вносит ноту тревожности в повествование о счастливой юности, и недаром: он сторичей отзовется в последующих главах, после того как друзей захватит вихрь жизни и определит их на разные поприща.

Действие II переносится из первопрестольной в подмосковное имение Вячеслава. Место шумных дружеских криков и восторгов заступает тихая идиллия семейной жизни. Из былых товарищей здесь только двое: рассказчик и Вячеслав, что же до других друзей юности, то «кто погиб славною смертью на поле брани, кто умер не менее славною смертью, изнурённый кабинетным трудом и ночами без сна; <...> половины уже не существовало в сём мире!» [2, с. 6].

О себе рассказчик говорит только, что судьба в истекшие годы носила его «по разным странам». Изменилась и жизнь Вячеслава. Все тщания и надежды героя перенеслись теперь на сына: «Моё время прошло. <...> но то, чего я не успел доделать в себе, то постараюсь докончить в нём, – прибавил Вячеслав, указывая на колыбель, – здесь моя настоящая деятельность, здесь мои юношеские силы, здесь надежды на будущее» [2, с. 6]. И хотя герой распрощался с великими планами, семейный уют его очага, внешняя гармония, подчинённая строгому порядку, надолго оставляют в душе рассказчика «сладкое и невыразимое чувство» [2, с. 6].

Третье действие разворачивается ещё дальше от Москвы – в городе П. Тесную комнатку первой главы и уютное семейное гнёздышко второй теперь сменяет богатый дом с важным швейцаром. Этот Новый год Вячеслав собирается встречать не дома, и рассказчик застаёт старого друга за последними хлопотами перед отъездом:

– Я бы как-нибудь отделался. Ты не знаешь, что такое здешняя жизнь... *прикрепи эту пуклю...* ни одной минуты для себя, *не успеваешь жить и не чувствуешь, как живёшь...*

<...>

– Верю, верю; какое-нибудь важное дело...

– Какое дело! Я дал слово князю Б. на партию виста... перчатки... он человек, от которого многое зависит, – нельзя отказаться. Ах, как бы хорошо нам встретить Новый год по старине, вспомнить былое... *шляпу...*

(курсив мой. – Ю. С.) [2, с. 6].

Хотя Вячеслав и жалуется, что не чувствует, как живёт в бешеном темпе светской, вечно суетной и совершенно пустой действительности, но в словах героя нет подлинного сожаления, нет желания измениться. Жизнь Вячеслава лишена внутреннего содержания и буквально напоминает маскарад. «Былое» для него равнозначно шляпе, вернее, даже бесполезнее её – ведь нельзя же ехать к князю Б. не при полном параде, поскольку от него «многое зависит». Но что это «многое»? Может быть, это важно для будущего сына Вячеслава? Как бы в ответ на возникающий у читателя вопрос на сцене появляется сын:

– Adieu, para.

– А, ты уж возвратился? весел ли был ваш маскарад? Ну, прощай, ложись спать... затяни ещё шнурок... Бог с тобою. Ах, Боже мой, уже половина двенадцатого... прощай, моя душа! Помнишь, как мы живали! Карету, карету!.. [2, с. 6]

Становится ясно, что в лету канули не только возвышенные мечты юности, но и планы уже умудрённой, казалось бы, зрелости. Последнее восклицание Вячеслава звучит как аллюзия на возглас Чацкого «Карету мне, карету!» [1, с. 122]. Но если грибоедовский герой рвался прочь от светского омота, то Вячеслав, напротив, погружается в него с головой, едет уже не с бала, а на бал. В таком контексте слова Вячеслава предстают как безотчётное, искажённое эхо минувшего. Предательство им высоких идеалов юности благодаря намёку на «Горе от ума» становится ещё очевиднее и горестнее, поскольку в действии I Одоевский завуалированно описывает литературную полемику 1820-х годов, особо сильно разгоревшуюся как раз вокруг комедии А.С. Грибоедова – произведения, с восторгом встреченного любомудрами.

Другой неизменный герой «Нового года» – безымянный рассказчик. С самого начала он пытается самоустраниться и смиренно говорит, что судьба его не интересна: «Что может быть любопытного в жизни человека, который на сём свете ровно ничего не делал!» [2, с. 4]. Характерен и подзаголовок повести – «из записок ленивца». Однако в то же время рассказчик добавляет: «Я чувствовал, я страдал, я думал за других, о других и для других. Пишу свои записки, перечитываю и

не нахожу в них только одного: самого себя» [2, с. 4]. На протяжении повести он действительно не совершает поступков и только вскользь упоминает о своей бесприютной доле, невольно противопоставляя себе, «несуществующему», блистательного и яркого Вячеслава. Однако если главный герой идёт по лестнице нисхождения, прочь с гордого Парнаса в грешный мир и суетолюку повседневности, то рассказчик остаётся неизменным и искренним от действия к действию. И тем разительнее калейдоскоп его окружения: шумная студенческая пирушка сменяется полным одиночеством – последний Новый год повествователь встречает «один, перед кувшином зельцерской воды, в гостинице для проезжающих» [2, с. 6]. Через самоотрицание рассказчика проступает подлинность, однако и она оборачивается слабостью, бессилием, изначальным отказом от собственной жизни. Скитальчество героя бесплодно, в конце ему остаются только тихая грусть о прошедшем и дальняя дорога впереди.

И Вячеслав, и рассказчик прощаются с романтическими мечтами юности. Первый, ещё недавно уверенный в великом своём назначении и необыкновенной судьбе, смело бросавший вызов пошлости и расчётливости «толпы», теперь сам стал типичным её представителем. Второй же, сохранив, быть может, чистоту души, оказался на обочине жизни. Образы подобных «вчерашних» романтических героев не редкость в «Литературных прибавлениях...», что красноречиво свидетельствует о самом духе времени. Тема эта была подсказана окружающей жизнью, трезвлением от романтического максимализма и развитием реализма.

Она нашла выражение и в посвящённой Одоевскому повести В.А. Соллогуба «Серёжа», также опубликованной в «Литературных прибавлениях...».

В этом «лоскутке из вседневной жизни» появляется образ типичного петербургского франта. Главная черта Серёжи, роднящая его с рассказчиком «Нового года» Одоевского, – «бесхарактерность» [6, с. 285]. **Учившись «понемногу чему-нибудь и как-нибудь»** [7, с. 10], герой В.А. Соллогуба «читал всего Бальзака и слышал о Шекспире» [6, с. 281], **имел «понятие об английском парламенте, о крепости Бильбао, о свекловичном сахаре, о паровых каретах и о лорде Лондондери»**. Даже и социальная роль Серёжи выглядит неопределенно – он «человек военный, хотя не то чтобы военный человек», просто «добрый малый, гвардейский щёголь» [6, с. 281].

Очувтившись в тихой деревне после оглушающего шума столицы, Серёжа скуки ради начинает регулярно бывать у соседей Карпентовых. Романтические узы всё более и более связывают героя со старшей из соседских дочерей – Олимпиадой. Серёжа признаётся ей в любви и в порыве благородства решается пожертвовать блеском петербургских балов и театральных лож – клятвенно обещает девушке завтра же сделать официальное предложение руки и сердца. Но в тот же день из Петербурга внезапно приезжает его друг Саша – и провинциальную мечтательность мгновенно развеивает цинизм большого света. «Чего доброго, не влюблён ли ты в какую-нибудь птичницу?» [6, с. 286] – с усмешкой спрашивает Саша. И Серёжа уезжает в Петербург, даже не простившись с любимой девушкой, в полной уверен-

ности, что та вскоре умрёт от горя. Идиллически-насмешливые картины провинции сменяют холодно-иронические зарисовки великосветской столичной жизни: «Летит время. Всё то же да то же: ноги устали, сердце пусто, мыслей мало, чувства нет» [6, с. 286].

В душу Серёжи постепенно закрадываются сомнения в правильности своего поступка, он начинает понимать, что «променял счастье жизни на приманки малодушного тщеславия» [6, с. 287]. **Мучит его и мысль о печальной судьбе бедной девушки, которая, по слухам, «чахла и страдала после его отъезда и, вероятно, давно уж умерла»** [6, с. 287]. Однако «угрызения совести» делают жизнь Серёжи интереснее: «Он уважал в себе человека, сделавшегося некоторым образом преступным, и вспоминал о любви своей к Олимпиаде, как о самой светлой точке своей жизни, утонувшей навеки в бессмысленном тумане его настоящего бытия» [6, с. 287]. Однако и с этим убеждением герою предстояло распрощаться. Как и в «Новом годе» Одоевского для рассказчика, воспоминания оказываются для Серёжи спасительным стержнем, залогом надежды, но и они разбиваются, оборачиваясь окончательным разочарованием и одиночеством.

Однажды Серёжа получает письмо от Олимпиады, из которого следует, что «чувствительная» девушка не только не зачахла с тоски по нему, но даже вскоре вышла замуж, живёт теперь в «счастливом супружестве» и «была бы довольна судьбою», если бы муж её, «отставной армии штабс-капитан», не был несправедливо обойдён по службе. Теперь же, «зная всегдашнее расположение» [6, с. 287] **Серёжи к их семейству и его связи в высшем столичном**

кругу, Олимпиада решила просить героя похлопотать о скорейшем присуждении супругу её ордена. «Бедный Серёжа!» – восклицает рассказчик. «Одна минута поэзии <...> была в моей жизни, и та была горькой глупостью!» [6, с. 288], – невесело заключает героиня.

Мельчание людей и жизни стало центральной темой «были, может быть, с примесью небылицы» Д.Ю. Струйского «Преобразование» – ещё одной публикации «Литературных прибавлений...» той поры. Характерен эпиграф к произведению: «Поверьте мне, мм. гг., во всем виноват Жак-Жак-Руссо (*Любимая поговорка N.N.*)» [3, с. 367]. Привитые на русской почве идеи западноевропейских мыслителей, по мысли автора, приносят странные плоды, прибавляя искусственности, умозрачности, разрушая гармонию.

Само название повести – «Преобразование» – сразу же задаёт тему перемены, и оцениваются происходящие изменения неоднозначно: «Кто не слышал о Муромских лесах, где некогда свистал Соловей-Разбойник? <...> Прежде муромские леса были непроходимы <...>. Теперь проезжающий покойно спит, не отслужив молебен перед въездом в Муромский лес, как то бывало встарь» [3, с. 367]. Комфорт и безопасность, по мысли автора, безусловно, делают быт стабильнее и безопаснее, но обратная сторона этого процесса – вытеснение из жизни красоты и поэзии, истончение духовного содержания.

Меняется мир, меняется и человек в этом мире. Любовная история в «Преобразовании» становится грустной пародией на романтический сюжет о мёртвом женихе, даже после смерти любящем свою невесту и жаждущем

соединиться с ней. Сюжет этот широко распространён в фольклоре (святочные рассказы, предания) и литературе (Г.А. Бюргер, Ф. Шиллер, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, К.Н. Батюшков, Д.В. Веневитинов, Е.А. Боратынский). Героиня Д.Ю. Струйского Софья ждёт своего жениха Николая, воюющего в страшной войне 1812 года. Но, очутившись в столице, эта провинциалка «в два-три месяца преобразилась в городскую красавицу», которая легко «согласует свою любовь к Николаю с ненасытным желанием блистать в обществах» [4, с. 389]. За девушкой всерьёз начинает ухаживать полковник Скалозуб, почему-то оказавшийся не на фронте. Но вот однажды на балу появляется незнакомый человек в маске, и, когда Скалозуб срывает эту маску, перед изумлённой публикой предстаёт «бледное лицо, иссечённое, с кривою челюстью и вперёд выдавшимися зубами» [4, с. 389]. Дамы поднимают крик, воображая, что «скелет, оставив свой гробовой ночлег, пришёл на бал танцевать с ними французскую кадрили» [4, с. 389]. Софья же, узнав в пришельце жениха своего Николая, лишается чувств. До этого момента действие развивается вполне в духе романтической баллады, однако если в «Госте» М.Ю. Лермонтова, например, далее следует страшное возмездие «деве красоты», легкомысленно изменившей данной ею клятве верности, – жених-мертвец увлекает её с собой под землю, то у Д.Ю. Струйского всё разрешается мирно – Скалозуб трусит, уговаривает Николая отказаться и от невесты, и от дуэли. И тот соглашается, удаляется от света, посвящает жизнь наукам и изящным искусствам: «Поэзия была его дружбою, а музыка

любовью» [4, с. 389]. Романтический герой бежит в мир мечты, к деятельности же, к сильному поступку в реальном мире он оказывается более не способен. И если Вячеслав из «Нового года» действует в противоположность Чацкому, требуя карету, чтобы ехать в ставшее для него необходимым «фамусовское» общество, а не возмущённо уезжать от светской пустоты прочь, то Николай из «Преобразования» предстаёт как пародия на романтического персонажа любовной баллады.

Но почему же силам и талантам героев суждено погибнуть? П.Н. Сакулин, рассуждая о повести Одоевского «Новый год», делает акцент на социальной подоплёке конфликта романтика с бездуховным обществом. По мнению исследователя, в повести Одоевского «просто и правдиво передана история постепенной убыли души, скрытая драма идеалиста среди пошлых условий русской жизни» [8, с. 102]. Однако только ли жизнь в царской России заглушает лучшие устремления личности?

Слабость героя, его неспособность к поступку предстаёт в глазах авторов «Литературных прибавлений...» и как характерная черта современного им времени, и как свойство личности вообще, проявляющееся в различные эпохи. В рецензии на постановку «Гамлета» У. Шекспира Одоевский, размышляя о главном герое, соглашается с мнением И.В. Гёте: «Шекспир хотел изобразить человека, на которого возложено великое дело, но которое ему

не по силам. <...> всякий долг для Гамлета свят, но этот слишком тяжёл» [5, с. 437].

Образ «вчерашнего» романтического героя, сегодня даже и не разочарованного, даже и не предавшегося хандре и байронизму, но просто погружившегося в прозу жизни и повседневность, всё больше проникает на страницы художественных произведений. Этот образ отвечает и самому духу времени, живой жизни 1830-х годов, и общему вектору развития искусства от романтизма к реализму, служит предтечей для появления героев И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.И. Герцена.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грибоедов А.С. Полное собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб.: Нотабене, 1995. 345 с.
2. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 1. С. 1-8.
3. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 38. С. 367-375.
4. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 40. С. 387-396.
5. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1837 г. № 45. С. 437-446.
6. Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» за 1838 г. № 15. С. 281-300.
7. Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука. 1978. 527 с.
8. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: В 2 т. Т. 2. М. 1913. 480 с.
9. Сахаров В.И. Комментарии // Одоевский В.Ф. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Худ. лит. 1981. С. 345-364.

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-120-121

ГАЗЕТА «РУСЬ» 1884-1886 ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЯ. КРУГЛЫЙ СТОЛ В РАМКАХ ПРОЕКТА РГНФ «ГАЗЕТА «РУСЬ» (1880–1886): ИССЛЕДОВАНИЕ И КОММЕНТАРИИ*

21 сентября 2015 года на кафедре русской классической литературы МГОУ состоялось расширенное заседание исследовательской группы по гранту РГНФ «Газета «Русь» (1880-1886): исследование и комментарий». Руководительница проекта В.Н. Аношкина охарактеризовала последний этап изучения газеты «Русь», его завершение в текущем году. Она положительно отметила окончание росписи этой газеты С.А. Мухиной и написание ею статьи об объявлениях, печатаемых в ней. Все номера газеты «Русь», хранящиеся в фондах Российской государственной библиотеки, полностью, по нашей просьбе и при финансовой поддержке РГНФ, оцифрованы и стали доступны современным исследователям и читателям на сайте МГОУ. По итогам работы практически сформирован монографический труд, посвящённый проблематике «Руси» и авторам её публикаций, а также знаменитым людям, о которых идёт на страницах газеты. В.Я. Соловьёв сообщил, что завершается написание им статей о политическом кризисе в России 1880-х годов, о её финансовой политике тех лет. Предмет выступления Б.В. Коптелова – осмысление политики России в Азии, дискуссии о направлении веток Сибирской железной дороги, а также о пушном промысле на Дальнем Востоке.

А.Г. Задохин активно и успешно занимается исследованием газетных публикаций, освещающих международные события, прежде всего на Балканах; он подготовил к печати несколько статей, две из них уже опубликованы. Б.Н. Тарасов, изучающий философские вопросы на страницах газеты, завершил обширную проблемную статью, в которой рассматриваются западнические представления и их преодоления в суждениях французских авторов, на мнения которых отозвалась наша газета. Большой интерес вызвало выступление Т.К. Батуровой о духовно-нравственном состоянии русского общества 1880-х годов, о влиянии старцев Оптиной пустыни, святого Иоанна Кронштадтского на сохранение и укрепление нравственных идеалов, связанных с русским православием. Газета сообщала о традициях «святой Руси», говорилось об этом и в объявлениях: газета фиксировала выход в свет книг о русских святых, собирала пожертвования на строительство храмов в разных местах России.

Обсуждались и проблемы русского просвещения в последней трети XIX века.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исполнения проекта №13-04-000-33 «Газета «Русь» (1880–1886): исследование и комментарий»

Занимаясь этим вопросом Т.В. Федосеева рассказала о своём исследовании соответствующих газетных публикаций: о научных обществах и учебных заведениях, книгах для детей, деятельности С.А. Рачинского, известного педагога, руководящего народными школами. К знаменитым людям второй половины XIX века относятся братья Самарины, ими занимается Э.В. Захаров, уже подготовивший статью о Юрии Федоровиче Самарине, близким по своим общественно-политическим воззрениям И.С. Аксакову. Вместе с тем и Дмитрий Самарин сыграл особую роль в судьбе газеты: именно он возглавил её в качестве главного редактора после кончины Ивана Сергеевича. Дмитрий Самарин находился ночью в момент кончины друга рядом с ним. Д. Самарин подписывал газеты февраля – марта 1886-го года. Э.В. Захаров пишет статью об этом событии.

Весь коллектив исследователей «Руси» обещает завершить свою рабо-

ту – комментарии и написание статей в установленный срок.

Присутствующие на заседании за круглым столом коллеги и гости приняли участие в обсуждении проблем, а также самого направления научной деятельности. Член Общества исследователей Древней Руси О.В. Гладкова выступила с разъяснением понятия «византизм», что было актуально для газеты «Русь». Аспирант К.И. Макиенко заявил, что он готовится к созданию кандидатской диссертации, посвящённой просвещенческим проблемам в газете И.С. Аксакова.

Состоявшийся круглый стол актуализировал ещё более исследование газеты «Русь», содержательной, патриотической, близкой нашей современности XXI века.

*В.Н. Аношкина,
И.А. Киселёва*

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-122-124

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ЗОЛТАН А. INTERSLAVICA. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МЕЖСЛАВЯНСКИМ
ЯЗЫКОВЫМ И КУЛЬТУРНЫМ КОНТАКТАМ. М.: «ИНДРИК», 2014. 224 С.
(СЕРИЯ «SLAVIA CHRISTIANA: ЯЗЫК, ТЕКСТ, ОБРАЗ»)**

Книга известного венгерского слависта профессора Будапештского университета имени Л. Этвеша д-ра Андраша Золтана представляет собой собрание статей и публикаций разных лет, посвящённых проблеме межславянского языкового взаимодействия. Как говорится в предисловии «От редколлегии» обозначенной серии, «доминирующей является идея выявления источников, структуры, объёма, механизмов извлечения культурных смыслов, заложенных в вербальных и невербальных текстах, императивных для определённой культурной общности» (с. 5). Этой константой для автора стало изучение контактов западнорусского и великорусского деловых языков преимущественно XIV-XV вв. и их отражение в лексическом фонде. Автор одним из первых в мировой славистике начал разрабатывать эту проблематику ещё в 1970-х гг. и восполнять известный пробел в исследованиях по русскому языку допетровской эпохи. И здесь он выработывал свой метод проникновения в стихию словесного формуляра: «Если заимствование русским языком допетровского времени слов романо-германского происхождения уже по культурно-историческим соображениям предполагает учёт возможности чешско-польско-западнорусского посредничества, то выявление слов, проникших в русский язык таким же путём, но состоящих из одних славянских морфем, требует весьма сложной доказательной процедуры; приходится считаться с возможностью преемственности из праязыка, с одной стороны, и с возможностью параллельного образования слов из тех же морфем и с тем же значением – с другой. Поэтому в исследовании межславянской миграции слов и лексических значений – наряду с принципами этимологизирования заимствованных слов вообще – получает большое значение контекст ранних употреблений данного слова в принимающем языке» (с. 18).

Во вводной части книги проф. А. Золтан говорит как об общих вопросах межславянских языковых контактов, так и рассматривает специфические проблемы формирования делового языка в Средневековье, например, обсуждает вопрос о происхождении формуляра древнерусских грамот, анализирует процесс формирования административного языка Великого княжества Литовского, делает заметки о деловой письменности Молдавии, даёт общую характеристику административного языка Московского государства. В этой связи интересны его высказывания, соотносящиеся и с идеями отечественных русистов о том,

что «наряду с церковнославянизмами московский деловой язык дополняет унаследованный восточнославянский словарь новообразованиями, местными бытовыми словами и выражениями, а также заимствованиями и кальками из тюркских языков» (с. 42).

В трёх следующих главах книги анализируется словарный состав деловых текстов разных жанров. В главе I «Западнорусские элементы в титуле московских великих князей» учёный говорит о взаимодействии двух «русских» деловых языков в XV в.: «Оба языка назывались в это время «русскими»; можно предположить, что западнорусский язык воспринимался в Московской Руси как местный вариант единого «русского» языка, а это понятие, как известно, включало в себя здесь ещё и церковнославянский язык, который отличался от московского делового языка не меньше, чем западнорусский» (с. 43). Замечательны и фактологичны наблюдения проф. А. Золтана над словами «государь» и «господарь», «государство» и «господарство», «отчич» и «дедич» и др.

В главе II «Западнорусская лексика в памятниках московской церковной дипломатии 30-60-х гг. XV в.» исследователь анализирует памятники средневековой письменности, в которых отразилось западное влияние: «Хождение на Флорентийский собор», «Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона, документы канцелярии митрополита Ионы 1448-1461 гг. и др. Так, при анализе великорусских произведений о Флорентийском соборе учёный выяснил, что «уже в 30-е-40-е гг. XV в. русская церковная дипломатия в общении с Западной Европой обильно исполь-

зовала западнорусскую лексику для характеристики западноевропейских, католических реалий и понятий вообще...» (с. 96). При изучении грамот митрополита Ионы проф. А. Золтан зафиксировал западнорусскую лексику вроде *арцибискупъ*, *канцлеръ*, *отщепенець*, *польский* и др. (с. 127). Это, по его мнению, свидетельствует о том, что «в обязанности «западнорусского отделения» митрополицией канцелярии входило в первую очередь дело-производство, связанное с западнорусской церковью...» (там же).

III глава «Западнорусизмы в документах государственной дипломатии и в актах внутреннего управления в 40-70-х гг. XV в.» обсуждаются историко-культурные события и их отражение в текстах деловых бумаг. Автор обращает внимание на изучение западнорусской лексики в летописных известиях о дипломатических сношениях Московского государства с зарубежными странами, приводит свидетельства о русско-итальянских сношениях по случаю брака Ивана III с Софьей Палеолог и др.

Проделанная автором книги большая работа по анализу деловых текстов, безусловно, полезна и даёт много ценных наблюдений о противоречивом периоде русской истории сквозь призму лексики, отражавшей во многом языковую и культурную традицию того времени. Интересна мысль проф. А. Золтана о том, что «западнорусский язык мог выступать в качестве дипломатического языка Московского государства в его сношениях с Западной Европой» (с. 149). В книге много и других новых суждений и интерпретаций, фиксирующих миграцию слов и лексических значений из одного близкород-

ственного языка в другой типа *господарь* > *государь* «монарх» и др.

Многолетняя продуктивная работа проф. А. Золтана на ниве славянской филологии даёт отчётливые ориентиры в области историко-лингвистических исследований, показывает ценность изучения традиционных памятников бытовой и деловой куль-

туры и в конечном счёте свидетельствует о богатстве форм и выражений приказной речи, которые часто выходили за рамки общепринятого стандарта и впитывали дыхание языка разных эпох.

О. В. Никитин

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллаев Роял Фаталиевич - ассистент кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения, аспирант Балтийского Федерального университета им. И. Канта, e-mail: royalfatali@gmail.com

Аношкина Вера Николаевна - доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, e-mail: kaf-rusklit@mgu.ru

Веремеенко Светлана Сергеевна - аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, e-mail: s.veremeenko2012@yandex.ru

Головачева Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета, e-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Греджева Елена Владимировна - кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы Измайловской гимназии №1508 г. Москвы, e-mail: gre-elena@mail.ru

Денисова Лариса Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, e-mail: denisova208@mail.ru

Иванова Дарья Сергеевна - соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры славянской филологии Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный областной университет», e-mail: milogolovad@mail.ru

Киселёва Ирина Александровна - доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета, e-mail: ia.kiseleva@mgu.ru

Крылова Наталья Федоровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова (Казахстан), e-mail: krylova.tasha@mail.ru

Левицкая Нелля Евгеньевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, e-mail: nellya7@mail.ru

Летаева Наталья Викторовна - кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы, доцент кафедры АНОО ВО «Одинцовский гуманитарный университет, e-mail: letaewa.n@yandex.ru

Марущенко Элона Валерьевна - аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, e-mail: wisdom5555@yandex.ru

Михайлова Марина Юрьевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, e-mail: marinamikhailova44@gmail.com

Моисеенко Анна Валерьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета, e-mail: anna.moiseenko@mail.ru

Маслова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, e-mail: al_mas@mail.ru

Мочалова Татьяна Ивановна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, e-mail: mochalova2014@rambler.ru

Никитин Олег Викторович - доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, e-mail: ov.nikitin@mgou.ru

Родина Надежда Андреевна - кандидат филологических наук, преподаватель Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, e-mail: esperance84@mail.ru

Стародубец Светлана Николаевна - доктор филологических наук, Член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Сытина Юлия Николаевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Шилова Елена Владимировна - аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: alyona_lav@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»
2015. N 5

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Л.В. Туркова
литературный редактор Т.Е. Шаповалова
переводчик И.С. Шаповалов
компьютерная вёрстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8, усл. п.л. 8.
Подписано в печать 10.11.2015. Заказ № 2015/11-01.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а